

ДАРЬЯ ВОЛЧЕК

ЗАШЕЙ МОЕ СЕРДЦЕ

Эля связала свою жизнь с медициной. Но она не думала, что ей придется там не только работать, но и жить. Да еще и под надзором наглого нового зав. отделением, который упорно пытается доказать, что медицина это не то, что ей нужно. Но девушка четко уверена, что ей нужно, и будет двигаться к этой цели. Даже не смотря на то, что смертельно больна.

Зашей мое сердце

В ординаторской царило веселье. Хотя повод был не очень веселый. Мы всем нашим дружным коллективом провожали главного хирурга, а по совместительству и нашего заведующего отделением, на пенсию. Славный дядечка, отличный врач, хирург от Бога с золотыми руками. Ко всему этому он был справедливый начальник и хороший учитель. Именно под его руководством я проводила свои первые операции. Сергей Петрович был всеобщим любимцем, защищал нас перед начальством, если были какие-то косяки и не злобно журил за мелкие недочеты. Крупные ошибки мы в своем деле позволить не могли. В общем, он был мировым дядькой. И мы с девчонками-медсестрами дружно ревели и обнимали его, когда узнали, что он покидает нас. Дадут сейчас нам какого-нибудь нелюдя. Я повела плечами. Мысли о новом начальстве не давали мне покоя. Я работаю в хирургии всего лишь полтора года. Пришла сразу после ординатуры по распределению, да так и осталась. Больница престижная, большая и красивая, с новым оборудованием и профессиональными врачами. И сразу же попала под крыло нашего зав. отделением. В хирургии женщины редкость, тем более оперирующие. Наверное, поэтому, он взял надо мной шефство. А может потому что, я так была испугана после первой, хоть и пустяковой, операции, что расплакалась, прямо у него в кабинете. Эх, жалко прощаться с Сергеем Петровичем, очень жалко. Но, видимо, только я сидела с кислым настроением. Все остальные веселились, отпускали шутки и тосты в честь нашего шефа. Вырвал меня из раздумий мой боевой товарищ, Петька. В отделении было семь хирургов, но из молодежи были только я и Петр. Остальные мужчины уже за сорок, с огромным опытом и стажем. А Петьке было двадцать девять, да и работал он в этой больнице всего лишь третий год. Не на много больше меня. На этой почве мы и подружились.

— Что взгрустнула, Снежная королева? — Петька плюхнулся рядом со мной на диван и приобнял за плечи. Да, такое вот прозвище мне дал друг. А все дело в том, что у меня очень светлые волосы холодного оттенка, да еще и шикарным загаром я похвастаться не могла. Справедливее было бы называть меня белой молью, но Петя отмел это прозвище и придумал взамен кучу других. Но сейчас не об этом.

— Да печально. Уходит наш любимый шеф. И поставят нам вместо него какую-нибудь гримзу. Или гримза, — я уткнулась в стакан с соком и тяжело вздохнула. Алкоголь я пила крайне редко, а сейчас тем более была на смене, поэтому пить было категорически нельзя.

— Ну что ты, выше нос, подруга, — и Петька схватил меня за нос и заставил его задрать. Я рассмеялась и шлепнула его по руке.

— Эй, молодое поколение, чего вы там шепчитесь в уголочке? — окликнул нас Сергей Петрович. — Давайте идите лучше к нам, у нас веселее.

Я нехотя поднялась с дивана вслед за Петькой. Наш уже бывший шеф, обнял меня одной рукой за плечи, в другой он держал стакан с чем-то явно алкогольным, и начал говорить речь. Я плохо слушала, о чем он говорит, потому что полностью ушла в свои мысли. Там точно были слова «любимые коллеги», «горжусь вами», «буду скучать». Остальное прошло как-то мимо меня. Помимо ухода руководителя была еще одна мини-проблема, которая не давала мне расслабиться вот уже пару недель. Мой молодой человек. Встречались мы с ним не много, не мало, а два года. Последние полгода делили не только постель, но и квартиру. Прекрасно помню тот день, когда он пришел ко мне на съемную квартиру и сказал, что ему

становится мало просто встречаться, и он хочет жить со мной. Я обрадовалась, как дурочка, покидала свой гардероб в чемоданы, чемодан в машину, сделала ручкой хозяйке квартиры и отчалила в новую, уже совместную жизнь. Первые три месяца было больше чем чудесно. Но потом начались первые ссоры из-за разбросанных носков и зубной пасты на зеркале. Я врач, хирург, и в каком-то смысле педант. Мне нужно, чтоб везде было чисто. А Игорек был немного свиньей. И немного — это я еще приуменьшаю сильно. А потом.... Потом я заметила, как мой любимый начал скучать. Да он чуть ли не зевал в постели, хотя я из кожи вон лезла, чтоб доставить ему удовольствие. И это после шестнадцатичасовой смены! Даже вымотанная после работы, я, приходя домой, готовила ужин и ублажала его в постели. Но Игорь не оценил моей самоотверженности. Я по глазам видела, что он не рад был нашей совместной жизни, но боялся заговорить об этом со мной. Все-таки мы не один месяц встречаемся. Но я же женщина, я все чувствую. И уже подумывала опередить Игоря и самой собрать вещи и уйти в закат. Чтоб не слышать унижительных речей и всех этих «давай останемся друзьями». Последние дни я гоняла эти мысли в своей голове, но так и не могла принять правильное решение. Да и какое оно, правильное? Кто-нибудь вообще знает ответ на этот вопрос?

А тем временем шеф уже выпустил меня из своих объятий и продолжил общаться с народом. Я послала своим коллегам улыбку, поставила стакан на стол и выскользнула из ординаторской. Сегодня у меня ночная смена. В отделении тихо, тяжелых пациентов нет. Тихо пройдя по коридорам отделения, я заглянула в палаты пациентов, которые были после операций. Все тихо, спокойно. Отлично. В ординаторскую возвращаться не хотелось. Шум немного напрягал, хотелось побыть в одиночестве. Я села на сестринском посту, достала телефон и углубилась в чтение. Я настолько провалилась в мир фэнтези, что не заметила, как сзади ко мне подкрался Петька. Он резко опустил мне руки на плечи, заставляя вздрогнуть всем телом. А ведь могла еще и заорать, если бы не эти больные вокруг.

— Петя, дурак, — пробурчала я под нос. — Чего тебе надо??

— Элси, мы потеряли тебя, — коллега был уже хорошо так навеселе. Он улыбался во весь рот, показывая всему миру крупные ровные зубы, рыжеватые короткие волосы были взъерошены, а на щеке ярко алела отметина чьих-то губ. И судя по цвету помады, это были губы нашей новой медсестры, Юли. Ах да, он употребил еще одно мое прозвище. Оно произошло от моего редкого имени («спасибо» мамочке). Зовут меня Элеонора. Фамилия Хайц. Да, Элеонора Константиновна Хайц. Фамилия немецкая, папа говорит, что где-то в корнях нашего родового дерева затесались немцы и подарили нам эту звучную фамилию. Как по мне, так лучше бы я была Таней Ивановой с обычными русыми волосами и обычной, заурядной внешностью. Никогда не любила выделяться и всячески пыталась спрятаться в толпе, что мне очень редко удавалось. И я опять увлеклась.

— А чего там делать? — я пожала плечами. — Пить я все равно не пью, веселиться — не веселюсь. Тем более у меня дежурство.

Я посмотрела на парня, которого, судя по всему, мало волновал мой ответ. Он икнул, покачнулся и схватился за стол, чуть не снеся рядом стоящую капельницу.

— А ты, мой друг, знатно набрался, — укоризненно покачала я головой. Меньше всего хотелось мне, хрупкой девице, тащить на себе этого кабана куда-нибудь в пустую палату, чтоб он отоспался. Все — таки Петька мой друг и я не могла бросить его.

— Эх, горе ты мое, — с этими словами я подхватила парня под руки и аккуратно повела в конец коридора. Там есть небольшой сестринский закуток с кушеткой. Надеюсь, девочки

будут не против, что я подкинула им нового постояльца. Тем более, это же всего лишь на несколько часов.

Остаток ночи прошел более-менее спокойно. Где-то к двум часам потихоньку разошлись все те, кто пировал в ординаторской, и я смогла переместиться туда. На удивление, там было чисто, все убрано, окна распахнуты и в них врывается теплый и уже такой весенний ночной ветерок. Решив не терять времени зря, я села за компьютер и принялась заполнять истории болезней. Не люблю этого, дико не люблю. Вся эта бумажная и компьютерная работа вводила меня в состояние уныния. То ли дело общение с пациентами, операции. Да даже работа в приемном отделении. Я обожала свою работу и шла ко всему этому лет этак с десяти, когда впервые прочитала невесть откуда взявшуюся у нас дома книгу по акушерству. И все, я пропала. Потом в ход пошли анатомические энциклопедии. Я читала все аннотации к лекарствам и искала незнакомые слова в интернете. Что самое интересное, все это впечатывалось в мой мозг моментально. В пятнадцать я научилась делать внутримышечные уколы. Как, спросите вы? Да вот так, отвечу я вам. Взяла и прочитала, как это делать. Первым моим подопытным был отец. Получилось у меня не с первого раза, что уж тут. И на его филейной части очень долго красовался огромный синяк. Но папа стойко пережил это все и, не смотря на все невзгоды, он подставлял мне свою мышцу снова и снова. Потом я окончила школу и без всяких проблем поступила в медицинский университет в наш краевой центр. Там и осталась после учебы. А родители приезжали ко мне на выходных. Учеба давалась мне легко, не смотря на вечную усталость и хронический недосып. Пять лет учебы, два года ординатуры и вот она я. Дипломированный специалист, начинающий хирург, приходящий в экстаз от своей работы. В выборе специализации я не сомневалась ни секунды. Быть терапевтом или любым врачом, сидящим на амбулаторном приеме, меня не прельщало. Выбор стоял лишь между хирургией и травматологией. В конце концов, я стала общим хирургом. И ни разу не пожалела о своем решении.

Ну а сейчас вернемся к нашим баранам. Точнее, к историям болезни. Так я просидела за компьютером часа три, а может четыре. За окном уже начинало светать, а в коридоре сновали туда-сюда медсестры с градусниками. А это означало, что моя ночная смена благополучно приближается к концу, скоро я смогу оказаться в своей кровати и сладко уснуть. При мыслях о сне я сладко зевнула и даже не стала прикрывать рот рукой. Зачем? Я все равно одна в ординаторской. Остаток своего дежурства, на удивление тихого и спокойного, я убила на просмотр новостной ленты социальных сетей и распитие горячего чая. Ровно в восемь, и не минутой позже, я уже стояла у лифтов, прощаясь и здороваясь с коллегами и нещадно зевая. Из подъехавшего лифта вывалились мои коллеги, два друга Семен Семенович и Михаил. Похлопав меня по плечам, совсем по-братски, они пожелали хорошего сна и отправились в отделение. К этому я уже привыкла. Быть единственной девушкой в хирургическом отделении оказалось не просто. Но я уже привыкла, и меня там считали практически своим парнем.

Я вышла на парковку, пикнула сигнализацией, и моя машинка мне радостно подмигнула. Машина подарок отца на окончание ординатуры. Маленькая, бордовая BMW. Помню, как я визжала, когда папа подарил мне ее. Наверное, все голуби района взмыли в небо от моего крика. Да даже спустя два года я блаженно улыбаюсь, когда сажусь в нее.

От больницы до дома было не очень далеко. Но так как я очень сильно хотела спать, то пыталась ехать максимально аккуратно, не создавая аварийных ситуаций. А то знаю я этих

дорожных инспекторов. Потом стой пять часов как дурак, пока там все заполнят и опишут. Подъехав к дому, я припарковала машину на привычное место. Рядом стояла машина Игоря, что показалось мне весьма странным. В такое время он уже должен быть на работе. Может, проспал? С этими мыслями я взлетела на третий этаж, поколупалась в замочной скважине и вошла в прихожую. Квартира встретила меня тишиной. Через секунду эту тишину взорвал горячий шепот и... Что это? Женский смех? Недолго думая, я прошла по коридору и распахнула дверь в спальню. В нашей постели, на постельном белье, которое мы совсем недавно купили, да что уж там, на моей подушке(!) лежала девушка, а над ней нависал Игорь. Мой Игорь. Щекотал ее за ушком и целовал. Увидев меня, девушка округлила и без того огромные глаза и слегка оттолкнула моего парня. Уже бывшего, я так понимаю. Игорь заметил меня, откинулся на подушку и удивленно вскинул бровь. Девушка в постели явно чувствовала себя не в своей тарелке. Она натягивала одеяло все выше и выше, на самый подбородок. А что сделала я? Я только улыбнулась. Да, я это сделала. А потом, потом я просто взяла и рассмеялась. Ситуация действительно была комичная до ужаса. Я облокотилась об косяк и принялась вытирать слезы, которые текли у меня градом. А от смеха ли они текли? Отсмеявшись, я, без лишних разговоров, прошла в гардеробную, которая находилась сразу за спальней. Достала свой огромный чемодан и принялась скидывать туда вещи. Потом второй, третий. Но все равно, осталось еще слишком много. Я схватила огромный баул и начала паковать вещи в него. Подняв голову, я заметила Игоря, который стоял в дверях гардеробной. Он склонил голову на бок и внимательно наблюдал за моими действиями.

— Элеонора, — позвал он меня.

Я поморщилась. Вот сейчас я точно не хотела с ним разговаривать. Боялась, что наш разговор может перерасти в истерику, которую я буду исполнять соло. А плакать перед этим мудаком мне не очень хотелось.

— Эля, — уже более требовательно позвал он меня. Я опять промолчала. — Куда ты пойдешь? Тебе же просто напросто некуда идти. Давай ты не будешь пороть горячку, мы сядем и спокойно поговорим. Ничего же не случилось.

— Это ты называешь, ничего не случилось? — и тут я взорвалась. — Я прихожу с ночной смены, и ты прекрасно знаешь, во сколько я должна прийти, кстати, и нахожу тебя с какой-то девицей в кровати. Это так и должно быть? Юсупов, ты в своем уме вообще или ты думаешь, я слепая? Или что у меня гордости ни капли не осталось? Лучше молчи, серьезно. Я не дура и не маленькая девочка, я уже давно все поняла. А ты бы мог мне просто сказать, что пришло время прощаться. А не указывать мне на дверь таким гнусным способом! Дай пройти!

С этими словами я оттолкнула его и поволокла два чемодана в прихожую. Потом вернулась обратно и схватила оставшийся чемодан и баул. Для моего достаточно хрупкого телосложения это было довольно тяжело, но я была настолько зла, что практически не замечала веса вещей. Девушки в спальне уже не было, видимо скрылась в недрах квартиры. Игорь выскочил за мной в прихожую.

— Эля, постой! — Кажется, еще немного, и он начнет ручки заламывать, как кисейная барышня. Он протянул руку к чемодану, но я, недолго думая, шлепнула его по этой самой руке и вырвала ручку чемодана. Открыла дверь, вытолкнула все свои вещи за порог. К сожалению, все сюда не влезло.

— Буду премного благодарна, если ты оставшиеся мои вещи соберешь кучкой, и я заберу

их на днях. Счастливого оставаться!

Тем временем, я уже вызвала лифт и закинула в него все свои вещи. Сделав на прощание книксен, я зашла в лифт и нажала первый этаж. И только когда все мои вещи кое-как были расфасованы по машине, а я сама отъехала от дома Юсупова на значительное расстояние, я поняла, что произошло. И как только ко мне пришло понимание, то сразу за ручку с ней пришла госпожа Истерика. В срочном порядке я припарковалась, заблокировала все двери и разревелась. Проревевшись и выдернув из своей шевелюры энное количество волос, я легла на руль и стала думать. Да уж, ситуация ужасная. И самое ужасное, не то что меня бросили отвратительным способом, а то, что мне просто напросто негде жить. Подруг у меня как таковых не было. Ну, точнее была всего одна. С Маргошей мы вместе учились в академии. Рита была полной противоположностью мне во всем. Высокая, с короткими темными волосами и задорными голубыми глазами она была грозой нашего факультета. Познакомились мы с ней еще на вступительных, да так и прошли вместе сквозь эти учебные годы. Моя боевая подруга была моей заступницей, защитницей, жилеткой и просто дорогим сердцу человеком. Но сейчас она отдыхает со своим очередным ухажером где-то на островах. Очень не вовремя, скажу я вам. Еще есть Петька. Но к нему нельзя. У него жена. Еще у меня был друг всей моей жизни. Вместе учились в школе, потом вместе переехали в этот город. Можно было бы и к нему, если бы он сам не снимал маленькую однокомнатную квартиру. Нет, Стас бы пустил меня, это точно. Но мне самой было неудобно стеснять парня. Оставался один единственный выход. И я, недолго думая, развернула машину и поехала в сторону работы.

В ординаторской меня встретил Петька, который лежал на диване, а от его руки тянулась трубочка прямо к капельнице. Видимо друг вчера не плохо так оторвался.

— Прелести работы врачом, не так ли? — спросила я у него и потрепала по макушке. Петя открыл один глаз и поморщился.

— Как же светло! Кто-нибудь, выключите это дурацкое солнце — простонал парень. — Элси, а ты чего здесь? У тебя же выходной.

Я присела рядом с другом и вкратце рассказала ему печальное окончание моей лавстори.

— М-да уж, — Петька задумчиво почесал затылок. — И что ты собираешься дальше делать? Как жить?

— Ну, Петь. Расставание с парнем это не конец света. Тем более, он меня подготавливал к этому. Отталкивал от себя. Я, конечно, немного поплачу по ночам. Но на этом все. Умолять, звонить и все такое я не собираюсь.

— Ладно. С этим понятно. А жить где?

— Квартиру сниму. Я все-таки работаю и что-то получаю. А пока посплю тут.

И я красноречиво обвела рукой ординаторскую.

— Что??? — он аж подскочил на диване. — Ты спятила?

— Я абсолютно в себе, — спокойно я сказала другу. — А в чем проблемы? Я не думаю, что кто-нибудь из врачей будет против, что я скоротаю тут несколько ночей.

— А новый заведующий? Ты про него не думала?

— А ты его уже видел? — встрепенулась я.

— Нет, — мрачно ответил мне Петька. — Но медсестра, которая принесла капельницу, сказала, что он очень серьезный и до жути красивый мужчина. А самому мне познакомиться, как то еще не удалось.

На этих словах Петя вытащил иголку из выены и зажал пальцем. Потом посмотрел на меня глазами кота из Шрека и жалобно протянул:

— Элси, дружок, отвези меня домой? А то моя там уже рвет и мечет, а сам я не в состоянии себя довести.

Я вздохнула и поддалась на уговоры друга. Да уж, выходной пошел куда-то не туда. Совсем не так планировала я его провести. И сейчас, сонная, злая, голодная я везла друга домой. Хорошо, что он молчал. Разговаривать не хотелось, как и думать вообще. Попрощавшись с Петей до завтра, я заехала по пути в больницу в супермаркет, набрала еды и поехала в больницу. День уже плавно перетекал в вечер и все покидали здание больницы, спеша домой к своим семьям. А может и не к семьям. Одна я, понуро опустив голову, поднималась пешком на свой родной пятый этаж.

На мое счастье ординаторская была пустая. Присев на мягкий диван, я откинулась на спинку и прикрыла глаза. И сама не заметила, как провалилась в сон.

Когда я открыла глаза, за окном уже было темно. А сама я лежала на диване, прикрытая пледом. Голова нещадно болела, а глаза слипались обратно. Но мой мочевой пузырь и желудок кричали, что мне нужно прогуляться до уборной и поесть. Я с тяжелым вздохом поднялась со своего ложа. Ординаторская все так же была пуста, только включенный компьютер говорил о том, что не так давно здесь кто-то работал. Я вышла в коридор и пошла в самый конец, к душевым. Хорошо, что захватила с собой пижамку. Можно и душ принять. И вот, я в своей любимой пижаме с единорогами, с накрученным тюрбаном на голове и в мягких тапочках, посвежевшая и повеселевшая, направилась обратно в ординаторскую. Во всех палатах уже был выключен свет, но сквозь стеклянные двери было видно, что многие еще не спали и пялились в светящиеся экраны мобильных телефонов и планшетов. Проходя мимо кабинета нашего Сергея Петровича, я заметила, что табличку уже сменили. Сейчас владельцем этого кабинета значился Войц Маркус Эрнестович. И хихикнула про себя. Имя то, какое, чудное. Интересно, а как выглядит этот Маркус. Моему желанию было суждено сбыться. Потому что прямо в эту секунду дверь нового заведующего распахнулась, и он престал передо мной во всей красе. Высокий, на целую голову выше меня, с широкими плечами и грозным взглядом серых глаз. Темные, почти черные волосы, были слегка растрепаны, а на щеках была чуть заметная однодневная щетина. Одет он был в светлый джемпер, голубые джинсы и белые кеды. Так и не скажешь, что это врач. Маркус Эрнестович, а это был именно он, удивленно поднял бровь и воззрился на меня. Я же смотрела на него, как кролик на удава, и кажется, стала еще меньше ростом. А он продолжал меня разглядывать. Я неловко одернула футболку с единорогом и поправила сползающее на лицо полотенце. Наконец, мужчина прервал нашу молчаливую перепалку глазами и спросил:

— Вы кто?

— Эля, — тихо ответила я.

— Прекрасно, Эля! Возвращайтесь в свою палату. У нас уже давно отбой, если вы не знали.

Я кивнула, развернулась и пошла по направлению ординаторской. В палату??? Он что, подумал, что я пациентка? Зайдя в ординаторскую, я громко рассмеялась. Ну да, я бы тоже подумала, если бы увидела такое чудо. Вот и как ему завтра объяснять, что я врач?

Кинув взгляд на часы, я поняла, что скоро уже вставать на работу. Хорошо, что теперь идти надо было недалеко. Забравшись обратно на диван, я прикрылась пледом и практически тут же уснула. И как ни странно, мне всю ночь снились серые глаза моего

нового шефа.

Проснулась я от вкусного аромата кофе и разогретых булочек. Потянулась, повела носом и открыла глаза. В ординаторской уже сидели Михаил, Петька и Тимофей Викторович. И казалось, они совсем не удивились, увидев меня здесь. Петька помахал рукой и сказал:

— Вставай, спящая красавица, я тебе уже кофе сделал и приберег булочку!

— Петя, ты чудо, — ответила я другу еще хриплым ото сна голосом. Потрепав друга по макушке, я схватила полотенце, форму и направилась к душевым. Там я спокойно умылась, переделалась в свою любимую зеленую форму с черепашками. И вот, я уже похожа на врача. Надо еще расчесаться, а то волосы вчера не высушила и теперь они похожи на птичье гнездо. Показав язык своему отражению, я пошла обратно. Нет, все-таки в больнице жить можно. Опоздать не опоздаешь, это уж точно. Форму и вообще вещи в стирку можно отдавать медсестрам. Душ, удобный диван. Правда, выспаться здесь невозможно. Но когда ты врач, эта проблема отпадает сама собой. Потому что так устаешь на работе, что можешь засыпать в любых позах и любых местах.

В ординаторской уже были почти все в сборе. Кто-то пил кофе, кто-то просто болтал. Петя заботливо убрал мой плед и подушку в сторону. Я же взяла свою кружку и косметичку и подошла к окну. Все — таки надо немного привести себя в порядок. Расчесав волосы и собрав их в высокий хвост, я взялась за макияж. Когда я уже хотела приняться за второй глаз, сзади меня раздался голос:

— Доброе утро, дорогие коллеги!

Я так и замерла с кисточкой в руках. Вот и пришло время официального знакомства. Я постаралась взять себя в руки и принялась орудовать кисточкой, пытаюсь покрасить второй глаз быстрее, чем очередь дойдет до меня.

— А вот девушка, в зеленой форме, — окликнул меня заведующий. — С вами я еще не знаком.

Я медленно убрала тушь в косметичку, тяжело вздохнула и повернулась. Серые глаза мужчины смотрели напряженно и задумчиво, будто он пытался что-то вспомнить. Я же подошла к нему и протянула руку.

— Доброе утро! Меня зовут Элеонора Константиновна Хайц.

Он посмотрел на мою руку, будто не понимая, что с ней делать. Через несколько секунд он все — таки аккуратно взял ее в свои большие ладони и пару раз встряхнул.

Когда знакомство со всеми было совершено, а мы уже хотели рассосаться по своим делам, Маркус Эрнестович опять задумчиво взглянул на меня. О мама мия, он, что не понимает, что это я была ночью?

— Доктор Хайц, после обхода готовьтесь к операции. Будете мне ассистировать на резекции желудка. И прошу, пускай форма будет без несуществующих парнокопытных.

Он улыбнулся уголком губ и выскользнул из ординаторской. Петька непонимающе уставился на меня.

— И что это было?

— Ну, я буду ассистировать ему на операции, — пожала я плечами. — Вроде все понятно.

— А про каких парнокопытных он вещал?

— Не знаю, — я снова пожала плечами и пошла на выход, похлопав коллегу по плечу. — У меня обход, я пошла.

Не хотелось Петьке рассказывать про ночной конфуз. И мне еще предстояло выяснить, кто же меня ночью разул и укрыл одеялом. Я на автомате делала привычные дела, выписывала назначения, щупала животы, рассматривала послеоперационные рубцы. Ничего интересного, одни аппендициты да непроходимости. Хотя резекция желудка это интересно, это круто. Я еще ни разу даже не была на такой операции, про ассистирование я вообще молчу. И тут ко мне пришло волнение. Я так и замерла посреди коридора с папкой в руках и открытым ртом. А как же я буду ассистировать? Я же не знаю, что там надо делать! Ну, то есть в теории, то конечно знаю. Так, не волноваться, вдох выдох. Все будет в порядке. В крайнем случае, могу расплакаться и уйти. Или не могу?

Медсестра Юлечка напомнила мне, что уже пора готовится к операции. Так, сейчас бы мне не помешала моя счастливая бандана, с рыбками. Главное, не с единорогами и не с лошадками. Не хотелось смущать нового шефа. Но на ее поиски уже не было времени, и я скорее побежала мыть руки.

В помывочной уже был Маркус Эрнестович. Надо сказать, ему очень шел нежно голубой хирургический костюм, а на голове у него была черная бандана с ярко красными языками пламени. Он стоял около раковины и методично намывал руки до локтя. Я пристроилась рядом с ним, включила воду в свою раковину и взяла в руки мыло. Оно было мокрое и тут же выскользнуло у меня из рук в раковину. Я нагнулась, чтоб его поймать, но оно все никак не давалось мне в руки. Наконец, я его поймала. Подняв голову, я наткнулась на внимательный и чуть насмешливый взгляд серых глаз. Мне стало стыдно. Веду себя как ребенок. Соберись, Эля, ты же профи! Ну не совсем профи, но стремишься им стать. И я надела на лицо самое невозмутимое выражение лица и стала намывать руки. Но оно как назло опять выскользнуло у меня из рук. За спиной я услышала тихое фырканье, но обернувшись, увидела лишь то, что заведующий смывает мыло с рук с самым серьезным выражением лица. Я снова попыталась поймать этот злосчастный кусок мыла, но видимо сегодня не мой день. А мужчина уже расхохотался в голос.

— Надеюсь, со скальпелем вы управляетесь ловчее, чем с мылом, — сказал он мне, все еще смеясь. Я лишь хмыкнула на это. Ну, а что тут еще можно еще сказать?

Наконец, мои руки были вымыты, стерильный халат и бахилы надеты и я нырнула в операционную. Анестезиолог уже колдовал над пациентом, мужчиной средних лет. Медсестры заканчивали раскладывать инструменты, а Маркус Эрнестович просто стоял около стола и смотрел вдаль. Увидев, что я вошла, он поманил меня к себе пальцем и спросил:

— Вы делали когда-нибудь резекцию?

Я лишь отрицательно покачала головой. Он кивнул на это, потом проверил, что пациент уснул, протянул руку к медсестре:

— Скальпель.

Получив скальпель, он на секунду задумался и протянул его мне:

— Делайте первый надрез, доктор Хайц.

И тут я испугалась. Я проштудировала учебники буквально полчаса назад, а уже не помню, где надо резать. Я испуганно посмотрела на врача, но он лишь ободряюще улыбнулся. И, о Бог мой, подмигнул мне? Но видимо понял, что я боюсь сделать что-то не то, он пальцем показал, где надо резать. И так прошла вся операция. Он практически ничего

не делал, только лишь показывал и говорил. Короче говоря, он был моим ассистентом, по факту. Но мне это даже понравилось. Вышла из операционной я мокрая, уставшая, но очень счастливая. Доктор Войц вышел следом, снял бандану и вытер вспотевший лоб.

— Ну что же, доктор Эля. Это было очень даже не плохо. Для студентки третьего курса. Улыбку мою как ластиком стерли, и я непонимающе уставилась на врача.

— Что вы смотрите на меня? — голос его был строг. — Вы дипломированный врач. Я читал ваше личное дело. Академию окончили с отличием, прекрасные отзывы от вашего руководителя ординатуры. А резекцию делать не умеете. Стыдно, доктор Хайц, очень стыдно. Кажется, вам было бы неплохо вернуться в ординатуру и повторить материал. Или же поставить крест на карьере хирурга и пойти работать участковым терапевтом.

С этими словами он развернулся и вышел за дверь. Настроение упало в ноль, а к глазам подкатили слезы. А самое главное, ведь он прав. Но опять же, кто виноват, что у меня не было такой практики? Скинув с себя операционный халат, бахилы и маску и выкинув это все в корзину, я понуро поплелась в ординаторскую. Делать ничего не хотелось. Думать тоже. Но у меня еще две операции впереди. Надо как то держаться до вечера.

В ординаторской выпив кофе, я пошла обратно в операционную. По расписанию аппендицит (опять!) и холицистэктомия. Это хоть немного интереснее. А то меня уже скоро тошнить будет от этих аппендицитов.

Проведя в операционной три часа подряд, я готова была валиться с ног. Слабачка. Некоторые двенадцатичасовые операции делают, а я уже ною как ребенок. От этих мыслей я расстроилась еще больше. А может Войц был прав? Может моя стихия это участковый врач?

В ординаторской сидели Семен Семенович со своим другом Михаилом.

— Что ты такая грустная, девочка? — Семен Семенович подскочил ко мне и обнял за плечи. — Кто обидел нашу Элю?

Он усадил меня за стул, налил кофе и придвинул печенье.

— Кушай, детка, ты же даже обед сегодня пропустила. Что случилось, чего ты такая расстроенная?

И тут, я сама не ожидая от себя, взяла и расплакалась. Мужчины перепугались, Михаил схватил платок и принялся вытирать мне слезы, а Семен Семенович прижал к себе и гладил по голове как маленькую девочку.

— Ну, ну, успокойся. Что произошло?

— Он сказал, что я не в. в...врач, что м...м...мое место в ординату.у.уре, — всхлипывая, сказала я.

— Заведующий наш что ли? — Семен Семенович удивился. — Странно, вроде такой хороший мужик, а маленьких девочек обижает. Не расстраивайся, милая, ты еще молодая, научишься всему.

— Вот- вот, — поддакнул ему Михаил. — Я после университета, когда работать пришел, так вообще себя почувствовал так, будто и не было этих шести лет учебы. Но ничего, всему научили, все показали. И ты тоже научишься. Ты же молодец, пациенты очень любят тебя.

Я слушала их и старательно вытирала слезы. Вообще то, они были правы. Я всего два года как закончила учебу. Но уже многое умею. Сергей Петрович всегда хвалил мои швы, да и в диагностике заболеваний я была сильна. А то, что резекцию не делала никогда, то уж это мелочи. Зато в следующий раз я ему так и скажу. Да что там, в следующий раз, я ему сейчас все скажу! Я поблагодарила коллег за платок, кофе, поддержку и вообще за все и решительно

вышла в коридор. Маркус Эрнестович находился в соседней палате и беседовал с пациентом. Увидев меня, он кивком головы попрощался с женщиной и стремительно направился ко мне.

— Доктор Хайц, это вы делали операцию Быстровой? — сейчас заведующий уже был в светлой рубашке, черных брюках и темных кедах, а сверху был надет расстегнутый халат. Я неуверенно кивнула. Что опять надо этому змею?

— Отвратительные швы, просто отвратительные. Если вы даже шить не умеете, может вам точно не место здесь?

И развернулся. И ушел. А я так и стояла посреди коридора, ошарашенная, сжимая и разжимая кулаки. Ну...урод. Хотя нет, уродом его не назвать. Так, Эля, не плакать. Сжав кулаки, я зашла в ординаторскую,хватила куртку и понеслась вниз. Пристроившись в курилке, я подкурила сигарету и с наслаждением затянулась. Да, курить плохо и я это прекрасно знаю. Но иногда так хотелось покурить и успокоить нервишки. Следом за мной тенью зашел Петька.

— Ты умчалась быстрее молнии, я даже не смог догнать тебя! — пропыхтел коллега, подкуриваясь. — Что случилось?

— Да этот. Эрнест Маркусович, — язвительно произнесла я имя, специально коверкая его. — Предложил мне сменить специализации. Придирается ко мне, то ему не так, это не то.

— Эль, а может и правда надо присмотреться, вдруг не все гладко? — осторожно сказал Петя.

— Петя, он придирается! — я едва не кричала.

— Хорошо, хорошо, — он поднял руки вверх, соглашаясь со мной.

— Ну, ничего, я ему еще покажу, — я погрозила кулаком в воздух, потушила сигарету и пошла обратно в отделение. Петька тоже спешно докурил и пошел за мной. Спасибо другу, за то, что он пытался развеселить меня смешными историями про своих друзей. Даже звал познакомиться с ними. Но знакомиться я ни с кем не хотела. А вот кушать я очень даже хотела.

Рабочий день подходил к концу, и врачи расходились по домам. Счастливые, прощаются с коллегами и летящими походками покидают здание. А мне сегодня надо искать квартиру. Еще пару дней я могу попочевать на таком уже родном диване, но потом, я думаю, наш заведующий «добрейшей души человек» выкинет меня оттуда за шкуру. Я разогрела покупное овощное рагу, открыла ноутбук и уселась поудобнее. Так, с чего начать? Мне нужна однокомнатная, меблированная, на долгий срок и, желательно, не далеко от работы, квартирка. Я платежеспособный, тихий и абсолютно адекватный жилец, без домашних животных и друзей-алкоголиков. Я вбила это все на сайте и мне сразу повылазили варианты квартир. Нет, не то, все не то. Все они были ободранные, с диванами прошлых веков и грибок на стенах. Черт, не думала, что будет так сложно. Я захлопнула крышку компьютера и принялась задумчиво жевать рагу. Связываться с квартирным агентством не хотелось. Может по больнице поспрашивать, вдруг, кто сдает? Или лучше развешать объявления по всей больнице. Пускай квартирка сама меня найдет. Я хмуро ухмыльнулась своим мыслям. Нет, это бред. Черт, что же делать?

На ночь со мной сегодня оставался Петька. Он сбегал в магазин за печеньем, сварил кофе и уткнулся в компьютер. Работает, статью какую-то пишет. Петька умный очень, мечтает докторскую защитить, но сам даже кандидатскую еще не начал. Я же, уже переодевшись в свою любимую пижаму, сидела, закутавшись в плед и читая книжку. Мир

фантази настолько меня затянул, что я не заметила, как кто-то вошел в ординаторскую.

— Доктор Воропаев, а вы один дежурить не можете, вам поддержка нужна?

На пороге стоял Маркус Эрнестович с огромной кружкой в руках. Видимо пришел испить холопское кофе. Петька непонимающе уставился на заведующего, затем на меня и его взгляд стал проясняться.

— Нет, просто...эээ...тут такое дело..- начал выкручиваться коллега.

— Не надо, Петя, — спокойно обрубил я своего товарища и посмотрела прямо в серые глаза. — Я осталась здесь ночевать, потому что мне временно негде жить. Но я обещаю, что в ближайшее время я найду себе квартиру и буду оставаться здесь по ночам только в свое дежурство.

Войц что-то невнятно хмыкнул, но видимо принял этот ответ, так как он сделал кофе и ушел к себе, не задавая больше вопросов.

— Интересно, — протянул Петя. — Это что сейчас было?

— Акт доброй воли, — пожала я плечами. — Видимо, все-таки есть хоть немного чувства жалости у этого человека. Я думала, он совсем черствый.

Петя покивал головой и вернулся к своей статье. Я тоже открыла книгу, но не смогла понять ни строчки. Чертов Маркус, весь настрой сбил. Я резко встала с дивана и решила прогуляться до автомата с кофе, что стоял в холе отделения. Помимо кофе там были еще всякие вкусняшки, и я надеялась что-нибудь там выцепить себе по вкусу. На секунду я задумалась, что же выбрать: круассаны с шоколадом или же шоколадный батончик, как голос сзади оглушил меня. Нет, он говорил не громко, скорее наоборот, очень тихо. Но в голове это звучало как гром. Да, да, прямо за моей спиной стоял этот странный мужчина с не менее странным именем. Какой идиот его вообще так назвал? Хотя, я так полагаю, что это его родители.

— Если я разрешил вам переночевать несколько ночей в своем отделение, доктор Хайц, это еще не значит, что вы можете вольготно разгуливать по нему вне рабочее время, да еще и в таком наряде, — прозвучал вкрадчивый голос над моим ухом.

— А не слишком ли быстро вы освоились здесь? — я изо всех сил старалась никак не выдавать свое волнение. Хотя, боюсь, он заметил, что мои руки немного подрагивали, а сама я нервно сглатываю.

— Дерзите, Элеонора? — я спиной чувствовала жар его тела, а он сам уже, казалось, касался губами моей мочки уха. Я почувствовала пряный запах его парфюма и прикрыла глаза. К щекам мгновенно прилила кровь, а в животе расплылась приятная слабость. Этот мужчина ужасно на меня влияет. Мысли тотчас запутались. Что надо этому чертовому дьяволу? И рраз... Моей спине уже холодно и одиноко. Я приложила руки к горящим щекам и прислонилась спиной к автомату. Что это было то?

Постояв так пару минут, я поняла, что не хочу уже ни круассан, ни батончик, вообще ничего, и медленно поплелась в свою «спальню».

Следующий день практически ничем не отличался от предыдущего. Я проснулась, умылась, пошла на обход, затем операция, кофе, операция, выписка, снова операция. Да, все верно, обед снова не входил в мои планы. Зав. отделением все так же ко мне придирился (а я была уверена, что это именно придирки), Петька все так же шутил, а Семен Семенович все так же смотрел сочувствующим взглядом. Казалось, уже все в нашем отделении, да что там, во всей больнице, знают, что я живу здесь. Хотя живу это сильно сказано. Ведь ночевала я в ординаторской всего лишь две ночи.

Ближе к вечеру, когда я сидела за столом и заполняла истории болезни, на столе завибрировал телефон с лицом Стаса.

— Ты совсем забыла про меня? — заверещала трубка голосом моего друга.

— Привет, Стась. Прости, работы много, замоталась.

— Элли. Бросай работу. Я соскучился и жажду тебя лицезреть. Сегодня прекрасная погода, давай встретимся на нашем месте и попьем кофе? Отговорки не принимаются.

Я кинула взгляд на часы, а потом за окно. Рабочий день подходил к концу, да и погода действительно чудо. И я уже два дня безвылазно сижу на работе. Думаю, можно прогуляться, это даже полезно. Тем более что я уже успела соскучиться по моему непоседливому другу. Отодвинув от себя истории болезни, я пошла в раздевалку и распахнула свою кабинку. Хорошо, что я всегда имею на работе запас одежды. Так, на всякий случай. Я натянула вязаное платье до колен шоколадного цвета, светлые колготки, на ноги надела белые найки. Сверху накину кожаную курточку. Думаю, уже можно. Конец апреля выдался на удивление теплым и солнечным. Волосы я тщательно расчесала и распустила, а на голову нацепила черные Ray Ban.

На улице нестерпимо пахло весной. Все знают этот запах. Весна пахнет чем-то таким свежим, теплым. Талым снегом и первыми крохотными листочками. Я подошла к березе, сорвала набухшую почку, растерла между пальцев и понюхала. Наверное, со стороны это выглядело странно. Девчонка стоит, нюхает пальцы и улыбается. Я бы подумала, что она чокнутая.

Сзади меня кто-то подкрался, и я резко развернулась. На меня сверху вниз смотрел Маркус Эрнестович. И, Бог мой, он улыбался? Во весь рот, широкой белозубой улыбкой. Он аккуратно взял мою руку, поднес пальцы к своему лицу и принюхался. Я аж рот открыла от изумления.

— Весной пахнет, да? — он все так же широко улыбаясь, подмигнул мне и отпустил мою руку. Потом спокойно развернулся и направился к парковке чуть ли не вприпрыжку. Я нервно почесала запястье. Кажется, у меня уже аллергия на смены его настроения. Еще немного и волдырями вся пойду. Ладно, про это будем думать потом. А сейчас пора.

Я села в свою любимую машинку и погладила ее по рулю. Сейчас моя малышка выглядит как одна большая гардеробная. Везде валяются вещи, чемодан стоит раскрытый на заднем сиденье. Рядом стоит баул. Да уж, хорошо что окна тонированные и никто не увидит этого безобразия. Я быстро покидала все шмотки в чемодан, прикрыла его и завела машину. Стас отправил уже смс, что ждёт меня на нашем месте. Что такое наше место? Это лавочка под огромной яблоней на самой старой аллее нашего города. Мы облюбовали её практически сразу, как только приехали сюда учиться. Случайно. Гуляли и наткнулись на

эту самую уютную лавочку мира. Впоследствии эта лавочка понравилась и Маргоше. И это стало уже наше место на троих. Больше в клуб "наше место" никто не вступал. И я была рада этому.

Стас уже сидел на лавочке, рядом стояли два огромных стаканчика кофе и бумажный пакет. Судя по всему, это пончики из кофейни неподалеку. А сам Стас сидел, уткнувшись в телефон. Почувствовав мое приближение, он вскочил и заключил меня в свои крепкие объятия. Я задушено просипела, куда-то в район его ключиц:

— Ты убьешь меня, здоровяк.

Но парень, казалось, не слышал меня. Он с упоением меня обнимал и шептал в затылок:

— Элли, я так соскучился. Мы не виделись целую вечность... Я уже подумал, что ты не хочешь, чтоб мы были друзьями...

Наконец он надушился меня и отпустил. Мы посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. Так было каждый раз. Стас пытается меня задушить в своей любви, а я пытаюсь не умереть от асфиксии. На самом деле он мне как брат. Я очень люблю его, а он меня, и мы даже никогда подумать не могли, чтоб оказаться в одной постели. Он даже говорил "Хорошо, что ты меня сексуально не возбуждаешь. А то хана бы нашей дружбе". Да, он, безусловно, был очень привлекательным парнем. У него были короткие светлые волосы, которые вечно были растрепаны и потрясающей голубизны глаза. Все это дополнял квадратный гладкий подбородок и вкрадчивый баритон. Да и вообще, Стас был просто лапочка. Высокий, в меру подкачанный, стильно одетый. Плюс добряк, весельчак и просто очаровательный льстец.

Наконец с бурным приветствием было окончено и мы присели на лавочку. Я схватила стаканчик с кофе и сладостно зажмурилась. Любимый ореховый раф. Стас же пьет исключительно американо. И чем крепче, тем лучше. Но потребление неимоверного количества кофе не мешает иметь ему потрясающую белозубую улыбку.

— Ну что, дорогуша, рассказывай свои злоключения. А то по телефону было все так смято, и мне, чтоб рассказать Ритке, пришлось даже от себя немного добавить. Не уверен только, что правду.

Я состроила обиженное лицо и не сильно ударила его по плечу. Но Стас на это только рассмеялся.

— За это ты еще поплатишься, дорогой мой друг. Мог бы и не рассказывать нашей мамочке, — совсем не зло сказала я парню.

— Но, Элли, я не могу позволить тебе жить в больнице! Что это за бред вообще? Поживешь у Ритки недели две, а мы пока будем искать тебе нормальное жилье. У меня есть знакомый риэлтор. И вообще, ты поступила очень эгоистично, не рассказав своим друзьям о проблемах. Мы что тебе зла желаем что-ли?

Закончив со своей пламенной речью, Стас шумно выдохнул и сделал большой глоток кофе. А я сидела и разглядывала носки своих кроссовок. Ну а что я могла сказать на это? Да, сейчас я уже понимаю, что надо было сразу рассказать ребятам, они бы помогли. Но мне так хотелось хоть раз сделать все самой. Стас придвинулся ко мне поближе и обнял за плечи.

— Ладно, Эл, не грузись. Все в порядке. Рассказывай, давай, как так получилось.

И я рассказала. И про то, как Игорь в последнее время себя вел, и про то, как вела себя я. Как нашла его в нашей постели с какой-то телкой. Рассказала все — все, без утаек и прикрас. Во время моего рассказа Стас только хмурился и сжимал кулаки. А в конце он со всей силы треснул кулаком по лавочке, что я аж вздрогнула. Я положила руку на его

напряженный кулак и успокаивающе погладила.

— Ну, ты чего? Все же в порядке.

— Да в смысле в порядке? Эля, он поступил как гад, — прошипел друг сквозь зубы. —

Почему ты мне сразу ничего не рассказала?

— Ну не рассказала да не рассказала. Главное. Что все в порядке. Я в порядке. Я даже не плачу. Нет, я один раз проревелась конкретно и все. Этого мне хватило. Я не особо по нему скучаю, не рвусь позвонить ему или написать. Да и он не тревожит меня. А это что значит? Что чувства уже давно угасли. А может быть, их и не было. Стас, все, правда, хорошо. Главное, что у меня есть ты, Ритка и работа. И вы никуда не денетесь. И это самое главное.

Стас потихоньку расслаблялся. Наконец, он разжал кулаки и вздохнул.

— Элли, он не стоил такой девушки, как ты. Никогда. Ты слишком хороша для этого подонка. Я всегда это знал. Но видел, как ты на него смотришь. И не лез.

И он посмотрел мне, казалось, прямо в душу своими огромными глазами-озерами. Я шутливо ударила его по плечу.

— Прекрати так смотреть на меня и говорить такие вещи. А то влюблюсь еще.

— А то ты меня не любишь, — улыбнулся мне молодой человек. Ну, конечно, я его люблю. Очень люблю.

Мы так сидели и болтали на этой лавочке почти до ночи. Ходили поочередно за кофе, потом бегали туда же в туалет. Съели кучу сандвичей, обсудили все на свете.

— Как ты думаешь, что будет завтра? — спросила я у своего друга. Я сидела, тесно прижавшись к его теплому боку, запрокинув голову и выпуская в небо серебристый дым.

— Не знаю, Эл. Завтра будет новый день.

— Очень философски, — усмехнулась я. — Я бы хотела знать, что будет завтра, чтоб быть готовой к этому. Но чтоб не все владели такой информацией, а только я. Но видеть это не как фальшивые экстрасенсы, а просто. Типа выглянул в окно, и видишь завтрашний день.

— Фантазерка, — Стас улыбнулся мне куда-то в волосы.

Мы посидели так еще полчаса и разъехались, пообещав друг другу встретиться через два дня у Маргоши.

На парковке около больницы было минимум машин. Только тех врачей, которые работали в ночную смену. И машина моего заведующего. Ерунда какая-то. Я же своими глазами видела, как он бодрым шагом покидал сие заведение. Поставив машину на сигнализацию, я села на лавочку около корпуса и закурила. Днем охрана ругалась нещадно за такие поступки, но ночью делали небольшие послабления. На улице заметно похолодало, но идти в ординаторскую не хотелось. Хотелось всю ночь вот так сидеть, курить и смотреть на звезды. Небо сегодня было чистое, как раз под настроение.

Повернув голову в сторону входа, я увидела мужчину. Он тоже меня заметил и направился ко мне. И кто же это был, угадайте? Ну, конечно, это был ОН. Мне везло на такие случайные встречи.

— Доктор Хайц, курить вредно и вы должны это знать, — Маркус Эрнестович уселся рядом со мной и вытянул длинные ноги в серых джинсах.

Я внимательно посмотрела на мужчину. Он сидел, запрокинув голову, и смотрел на небо.

— Красивое небо сегодня, не правда ли? — он резко опустил голову и посмотрел мне в глаза. Я же сидела, как воды в рот набрав. Слова просто не шли.

— Доктор Хайц, почему вы молчите? Или вы меня устроили мне бойкот?

В серых глазах запрыгали смешинки, а уголок рта поднялся в усмешке.

— Да, небо сегодня очень красивое, — ответила я, наконец, и отвернулась.

— А почему вы так поздно возвращаетесь в свою обитель?

— А вы что тут делаете? — задала ему встречный вопрос.

— Я первый задал вопрос.

— Я гуляла, — пожала я плечами. — Ну, и все же. Что вы тут делаете?

— А почему тебя это так интересует? — Маркус откинул голову назад и прикрыл глаза.

— Думаю, это интересует не только меня.

— Слежу за тобой, — он открыл один глаз и внимательно на меня посмотрел. Мое лицо за несколько секунд выдало миллион эмоций, и мужчина расхохотался. — На самом деле все просто, доктор Эля. Мне так же, как и тебе, пока что негде жить. И я коротаю ночи в больнице.

Я открыла рот, что бы что-то сказать, но тут же его закрыла. Он уже открыл оба глаза и смотрел прямо в мои глаза. Так продолжалось в течение минуты. Но я не выдержала первой и отвела взгляд. Затем он поднялся с лавочки и потянулся всем телом. Я краем глаза залюбовалась этим красивым мужчиной. Высокий и мускулистый, одетый в кожаную куртку, светлую рубашку и серые джинсы, он выглядел совсем не как врач. Скорее, как модель с показа одежды. Потом он повернулся ко мне и протянул руку.

— Ну что же, пойдём, доктор Элеонора, уже холодает.

Я неуверенно взяла его за руку, а он же рывком поднял меня с лавочки и положил мою руку на сгиб своего локтя. И уверенно повел в сторону стационара. Ноги сами вышагивали вслед за заведующим, а голова в этот момент была отдельно от тела. И она определенно ничего не понимала.

— Маркус Эрнестович... — начала я.

— Зови меня просто Марк, когда никого нет рядом, — он похлопал по моей руке. И надо заметить, его ладонь была обжигающе горячая, когда моя была ледяная, как все льды Арктики.

— Маарк, — протянула я. Все слова вышибло из головы. Мы в этот момент уже стояли в лифте. Как вдруг он резко дернулся и остановился. Свет потух, и мы оказались в крошечной темноте.

— Черт, — зло прошипел мужчина. Затем он включил фонарик на телефоне и стал нажимать кнопку вызова диспетчера. Но видимо диспетчер спал в это время сном младенца. Я схватилась за голову и рассмеялась. Да уж, ситуация лучше не придумаешь. Ночь, мы в лифте с мужчиной, который меня то на дух не переносит, то кидает на меня странные взгляды. Не удивлюсь, что он вообще маньяк. Марк осветил на меня фонариком, и я увидела его взбешённые глаза.

— Так, не поддаваться панике, — спокойно сказал я, скорее себе, чем ему.

— Ты боишься темноты?

Я отрицательно покачала головой, на что он просто кивнул и отключил фонарик. Судя по звукам, он снял с себя куртку, постелил ее на пол и сел.

— Элеонора, садись. До утра нас никто отсюда не вытаскает, так что стоять ты устанешь.

Я тяжело вздохнула и на ощупь приземлилась рядом с ним. Хорошо, что лифт был большой.

— Нет, так дело не пойдет. А то еще почки простудишь, — и он уверенным движением

взял меня и усадил к себе на колени. Я ахнула.

— Что вы делаете???

— Элеонора, — строго сказал Марк. — Пол холодный, я не могу тебе позволить сидеть на нем всю ночь. Так что сиди и помалкивай.

Ну и хорошо. Мне даже лучше. Я поерзала на его ногах, усаживаясь удобнее, и попыталась откинуться назад. Но не получалось добиться удобства. Маркус вздохнул, обвил рукой мою талию и прижал к своей груди. В таком положении даже получилось удобно положить голову ему на плечо. И знаете, как ни странно, меня ни капельки не смущала эта ситуация. А ведь должна была. Вдруг я почувствовала горячее дыхание на затылке.

— Маркус Эрнестович, что вы делаете? — шепотом спросила я у мужчины. Он не ответил мне, лишь тяжело задышал. Вторая его рука легла ко мне на бедро, и поглаживать подушечками пальцев.

— Марк, — срывающимся шепотом позвала я мужчину.

— Расскажи мне что-нибудь, — так же шепотом попросил меня мужчина, проговорив это мне куда-то в затылок.

— Например?

— Почему ты решила идти в медицинский?

— Потому что мне это всегда нравилось. В смысле, лечить людей. С раннего детства я стремилась к этому. Это то, что мне интересно и то, что я понимаю. Я люблю вид крови, как бы странно это ни звучало. Мне нравится делать операции, видеть человека изнутри. И все что вокруг меня происходит, кажется мне правильным. И я никогда не сомневалась, что я выбрала правильное направление. До тех пор, пока вы не стали меня переубеждать в этом. Но знайте, что я не намерена сворачивать с этого пути. Хирургия — это то, чему я хочу посвятить свою жизнь.

— Это очень здорово, что ты с таким рвением занимаешься любимым делом. Но, Элеонора, ты женщина.

— И что?

— А то, что женщинам не положено стоять около хирургического стола. У вас не такая быстрая реакция, вы дольше принимаете важные решения, а в критических ситуациях можете запаниковать и опустить руки. Плюс хирургия требует очень много выносливости и выдержки, а эти качества считаются не женскими.

— Все равно, — упрямо сказала я, — я буду делать все, чтоб доказать, что я тоже могу. Я поерзала на мужчине, потому что моя мисс Сижу немного затекла.

— Эля, я тебя умоляю, сиди спокойно, — простонал Марк. — Я же не железный.

Мне стало неловко, когда я поняла, что он имеет в виду.

— Может мне тогда сесть рядом?

— Нет, сиди тут, — он крепче прижал меня к себе, показывая, что не собирается меня отпускать.

Марк молчал. Я молчала. Да и говорить не особо хотелось. Но я поймала себя на мысли, что мне было очень приятно вот так сидеть в этом грязном лифте, прижавшись спиной к его твердому, горячему телу и слышать его горячее дыхание на затылке. Моя голова уютно покоилась под подбородком мужчины, а руки все так же крепко прижимали к себе, не давая замерзнуть. Я обняла его за пояс, от чего мужчина немного вздрогнул. Затем подняла голову и попыталась найти его взгляд. Но в крошечной темноте это было очень сложно.

— Элеонора, — в тишине его шепот раздался очень внезапно. — Я понимаю, в такой

ситуации это очень сложно, но попытайся поспать. Не думай, что я войду в твое положение и дам тебе завтра спать весь день. Я буду работать, и ты будешь делать то же самое. Доказывать, что ты там можешь, — и он хмыкнул.

Справедливо. Ночевка в лифте еще не повод отлынивать от работы. Я попыталась уснуть, но мое тело дико волновало близость этого мужчины. Даже не смотря на то, что это мой шеф. И все же, я закрыла глаза, устроилась поудобнее в его руках, и уже вскоре спала, убаюканная дыханием Марка.

Ну что, как вам начало?) пишите свои комментарии, ставьте лайки, так я буду видеть, что вам интересно и буду писать дальше. Продолжение буду выкладывать раз в 2–3 дня, может чаще. Как будет позволять работа. Главы уже будут законченными. Люблю вас, дорогие мои читатели:*

Мозг уже проснулся и лихорадочно начал думать, почему же так затекла рука, болит затылок и вообще, не очень удобно. Открыв глаза, я наткнулась на безмятежный профиль спящего Марка. Он откинул голову назад и спал, слегка приоткрыв рот. Это было безумно мило и мне почему-то очень захотелось поцеловать эти пухлые, приоткрытые губы. Но я тут же отогнала эти мысли, тряхнув головой. Затем я вспомнила окончание вчерашнего дня и огляделась. Мы все еще в лифте. Вокруг все так же темно. Я лежу в тесном кольце рук мужчины, неудобно вывернув руку. А мой мочевого пузырь напоминает о том, что неплохо было бы его опорожнить. Я осторожно пошевелилась, и Марк тут же открыл глаза. Он посмотрел на меня сонным взглядом, облизал пересохшие губы и сказал хриплым голосом:

— Это был не сон.

После его слов внезапно вспыхнул свет, и мы поехали наверх. Через несколько секунд распахнулись двери лифта. На нас возрились удивленные глаза ремонтника, врачей с терапии и парочки пациентов. Жуть. Неудобно-то как. Но, казалось, Марку было все равно. Он, не расцепляя объятий и все так же сидя на полу, грозно посмотрел на ремонтника.

— Отлично! Хорошо выспались? А мы вот нет, знаете ли. Спать в лифте не очень удобно, подушечки не хватает.

И он легко встал на ноги, не выпуская меня из рук. Затем опустил меня на землю, и я покачнулась. Ноги ужасно затекли. Марк окинул меня взглядом, взял за руку и повел к лестнице, расталкивая толпу сочувствующих.

Оказывается, мы до своего отделения не доехали полтора этажа. Марк довел меня до ординаторской, хмуро бросил «у вас есть час, чтоб привести себя в порядок перед работой» и исчез в своем кабинете напротив. И что это было?

Я зашла в ординаторскую и, не обращая ни на кого внимания, плюхнулась на диван и закрыла глаза. Безумная ночка. Я вообще ни капли не выспалась. Марк всю ночь наглаживал мое бедро и что-то не разборчиво шептал в волосы. И это абсолютно отвлекало ото сна. Рядом со мной раздался мощный плюх, и я открыла один глаз. На меня смотрел Петя, в глазах которого плескалось не прикрытое любопытство.

— Так, так, так. Что тут у нас? А у нас тут Элси, которая провела ночку наедине с Эрнестовичем! Ничего не хочешь рассказать, детка?

Я попыталась заткнуть его рот ладошками, но это было бесполезно.

— Тише, Элси, тише. Уже все всё знают, так что скрывать что-либо бесполезно. И я требую грязных подробностей!

Он сложил руки на коленках и посмотрел на меня взглядом благочестивой девицы.

— Нет никаких грязных подробностей, Петь, — пробурчала я. — Мы просто застряли в лифте.

— Агаа, просто. А почему он тебя обнимал?

— Уже и это знают все? — ахнула я. — Это было исключительно из лучших побуждений, чтоб я не замерзла. Делиться подробностями, которых, кстати, не было, я не собиралась. — А теперь прости, я хочу, как минимум умыться и переодеться.

И с этими словами я встала и вышла из ординаторской, оставляя своего обескураженного друга одного. Ну, правда, что я могла объяснить или рассказать? Ничего. Потому что ничего не было. Кроме его возбуждения, которое я ощущала одним местом. И

его горячих рук на моей талии. И безумного дыхания на моем затылке. А так все, больше ничего.

Я зашла в душ, включила воду и закрыла глаза. Еще прошло так мало дней со дня расставания с Игорем, а мое сердце выстукивает рваный ритм уже на другого. Нормально ли это? Ритка бы сказала, что нормально. Мы все люди и нам не чужды нормальные чувства. Кстати, про сердце. Надо бы сегодня сходить на ЭКГ. А то скоро начнет звонить мама и волноваться. Надо поскорее узнать, что все нормально и успокоить ее, пока она не начала переживать. Хотя, что уж там, она всегда переживает. Это же мама.

Выключив воду, я слышала негромкое пение. Странно. Я закуталась в полотенце и вышла из кабинки. И тут же нос к носу столкнулась с Марком. Голым. Ну как голым. Только бедра были обернуты полотенцем. Я уткнулась взглядом в его мощный пресс и сглотнула. Это еще лучше, чем я себе представляла. Подняв глаза вверх, я наткнулась на насмешливый взгляд серых глаз. Мокрые волосы были растрепаны, придавая ему ребячливый вид. Я затянула полотенце потуже на груди. Неловко как-то получилось, да и пауза уже затянулась.

— Доктор Хайц, если вы уже посмотрелись, то я, пожалуй, пойду, — мягко сказал Маркус.

О Господи, теперь мне дважды неловко. Я почувствовала, как вспыхнули мои щеки.

— Маркус Эрнестович, я была бы премного благодарна, если бы вы исчезли в душевой на несколько минут, и я бы переоделась. Не хочется щеголять по коридорам в neglige, — преодолевая смущение и отводя взгляд, пробормотала я.

Он окинул меня таким взглядом, что я почувствовала себя голой. Затем задержал взгляд на груди, кивнул и развернулся к душевым. Я же не стала испытывать судьбу, молниеносно облачилась в форму и выскочила за дверь. Сердце колотилось как сумасшедшее, а перед глазами все еще стояли его бедра, обернутые полотенцем. Интересно, а о чем он сейчас думает? От этих мыслей я покраснела до кончиков волос. Так, все, никаких похабных фантазий. Только работа, только хардкор. И с этими мыслями я направилась на пост за историями болезней.

День потек своим чередом. Все было как всегда, за исключением одного. Марк не обращал на меня никакого внимания. Ну, вот вообще. Он не поддевал меня, не хвалил. Ни одного слова в мой адрес. Ни одного взгляда. Черты бы побрал этого человека!

На обеде я пошла в диагностический центр, сделать ЭКГ. В кабинете работала милейший врач, Марина Владимировна.

— Привет, Элеонорочка! Ты к нам на ЭКГшечку? Проходи, ложись!

Я сняла рубашку и бюстгальтер и легла на кушетку. Немного поморщившись от прикосновения холодных приборов. Не люблю эту процедуру. По мере того, как из аппарата вылезала лента с моим сердечным ритмом, Марина Владимировна хмурилась все больше и больше.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросила я у врача.

— Элеонора, было бы не плохо, если бы мы прямо сейчас сделали тебе еще и УЗИ сердца. Меня немного беспокоит твое состояние.

Я задрожала всем телом. Только не это. Приступов давно не было, чувствовала я себя прекрасно. Я уже и думать забыла о том, что болею.

Мы прошли в соседний кабинет, я снова разделась и легла на кушетку. Марина Владимировна налила мне немного геля на грудную клетку и стала водить датчиком. Выражение ее лица было невеселым. Я схватила врача за руку.

— Что там?? Ваше выражение лица говорит о том, что мне конец.

— Ну не то что бы конец, Эля, — она дала мне салфетку, чтоб я вытерла гель с груди и продолжила серьезным голосом. — Состояние твое ухудшилось, а я тебя наблюдаю уже достаточно давно. То, что нет приступов, еще ни о чем не говорит. Скорее всего, тебе нужна будет пересадка сердца. И чем быстрее, тем лучше.

Я застонала и закрыла глаза. По щекам заструились слезы. Нет, я знала, что исход болезни будет именно такой, но не думала что так скоро. У меня была сердечная недостаточность. Очень странное заболевание для девушки моего возраста, согласна. Диагноз мне поставили еще в тринадцать лет. Врачи говорили, что рано или поздно мне потребуется пересадка. Но я не воспринимала это всерьез и изо всех сил пыталась прожить жизнь со своим сердцем. Но видимо, судьба решила иначе.

Марина Владимировна села рядом со мной и легонько погладила по плечу.

— Элечка, в нашей больнице хорошо развито органное донорство, и ты сама это знаешь. Я думаю, что у тебя даже больше шансов получить сердце в короткие сроки. Хочешь, я сама поставлю тебя на очередь?

Я кивнула. Затем я открыла глаза и принялась вытирать слезы. Никто не должен видеть, что я плакала. Никто не должен сейчас знать об этом. Я все расскажу. Позже. Намного позже.

— Спасибо, Марина Владимировна. Я буду вам благодарна, если вы похлопчете над тем, чтоб меня поставили на очередь. А сейчас я пойду, мне пора работать.

Врач кивнула, обняла меня и сочувственно посмотрела. А я пошла в свое отделение, стараясь не думать о свалившейся проблеме. По дороге раздался звонок телефона. Вот она как чувствует, что со мной что-то не то.

— Норочка, доча, привет, — защebetала мама в трубку. — Как дела? Ты не занята? Совсем что-то не звонишь, забыла про своих стариков.

— Ну, маам, что ты такое говоришь. Ничего я не забыла, просто в последнее время так много работы и всего остального, что практически нет времени.

— Ладно, я все понимаю. Рассказывай, дорогая, как у тебя дела? Как здоровье? Как Игорек?

— Дела хорошо, здоровье тоже, — я не стала по телефону рассказывать маме неприятные новости. — Как Игорек не знаю, мы расстались.

— Как расстались? — в трубке послышался треск и мамино чертыханье.

— Мам, ты чего там?

— Да Настасья пораскидывала тут своих каблуков, я запнулась. Что произошло?

— Мммм, ничего особенного. Мама, я не хочу обсуждать это по телефону, тем более в больнице. Тут везде уши. Когда вы приедете? Я ужасно соскучилась по твоим пирогам.

— Дочь, мы приедем ближе к выходным. Если вы расстались с Игорем, то где ты сейчас живешь?

— Пока что в больнице, но на днях приезжает с отпуска Маргоша, я поживу пока у нее, потом сниму квартиру. Так что вы если приедете, то к Марго. Но она только будет рада, а особенно твоему малиничному варенью. Так что захвати пару баночек.

— Хорошо, Норочка. Ты иди, работай, не буду тебя отвлекать. Ближе к пятнице позвоню тебе, сообщу, когда приедем. Мы с папой тебя очень любим.

— И я люблю вас, мамочка, — я чмокнула трубку и сбросила вызов.

Эх, мамочка, знала бы ты, как дико скучает по тебе твоя Норочка.

День пошел своим чередом. А еще сегодня вечером мне предстояла работа в приемном отделении. А так же ночное дежурство. Дежурству я даже была рада, потому что в ординаторской я буду находиться совершенно одна и смогу делать что угодно. Хоть на голове стоять.

Спустившись в приемное отделение, я громко спросила:

— Кому тут хирург нужен?

Все врачи приемника мне мило заулыбались. Мне кажется, что они меня любили. Ну, или по крайней мере хорошо относились. Ко мне подошла старшая медсестра отделения и сказала:

— Эля, у мужчины сильные хронические боли в мышцах, настаивал на хирурге. Ты будь с ним аккуратна, он немного странный.

Я кивнула и пошла в кабинет, где меня уже ждал пациент. Мужчина средних лет, крупный и объемный. Если бы не моя врачебная тактичность, я бы даже назвала его толстым. Он смотрел на меня с невероятно жалостливым видом. Видимо, правда болит.

— Добрый вечер, — я заглянула в карточку, лежавшую на столе, — Сергей Иванович. Ну что, рассказывайте, что вас беспокоит? Как давно?

— Меня беспокоит то, что моя жена мне изменила и сбежала в Болгарию с каким-то щенком, младше ее лет на пятнадцать, — хмуро сказал мужчина. — А еще меня беспокоит, что я могу попасть под сокращение. А еще...

— Нет, стоп, — остановила я мужчину. — Мы сейчас говорим о том, что у вас болит.

— А, вы про это. Ну вот, болят руки, вот здесь, — и он ткнул пальцем в локтевой и плечевой суставы.

— Снимите рубашку.

После того как мужчина разделся, я начала пальпировать его суставы, отводить и приводить в разные стороны.

— Так больно? А так?

— Нет, нет, нет. Знаете, как только вы до меня касаетесь, мне становится не больно. Даже больше скажу, приятно, — мужчина кинул на меня масляной взгляд. Я тут же отошла от него. Божечки-кошечки, маньяк в больнице! Так, не паниковать.

— Одевайтесь, Сергей Иванович, — я отвернулась от мужчины и принялась заполнять историю болезни. Написав в ней "аккуратно, извращенец!!!", я положила планшетку на стол и сказала пациенту:

— Советую вам сделать рентгенографию локтевого и плечевого сустава и обратиться к травматологу. Боюсь, ваше заболевание не по моему профилю. Всего доброго!

Выскочив из кабинета, я перевела дух и рассмеялась. Да, такие экземпляры были не редкость. Бывало даже раздевались догола. Главное, не кричать и никак не подавать виду, что ты нервничаешь. А то вот Катька с терапии, молоденькая девчушка, похожая на саксонскую куколку, нарвалась на одного такого. Начала плакать и кричать, а он прижал ее к стенке и чуть не изнасиловал. Еле оторвали от нее. Потом девушка почти месяц сидела на больничном, приводила нервы в порядок.

Дальше работа пошла без эксцессов. Забрав к себе в отделение двух пациентов с грыжей и очередным аппендицитом, я счастливая пошла на свой этаж. Лифтом пользоваться пока не хотелось. Да и что я там буду делать одна, если застряну?

В отделение была вечерняя суматоха. Сновали туда-сюда медсестры с таблетками и градусниками. Пациенты возвращались с душа и со свиданий со своими родными. Отделение

покидали последние посетители лежачих больных. Мне нравится это все. Яркий теплый свет потолочных ламп, запах медикаментов и какой-то запеканки из столовой. Звук каталок, открывающихся ампул для внутривенных инъекций и шаркающих первых шагов лежачих пациентов. Все это абсолютно мое. Здесь я в своей стихии.

Я отдала новых пациентов на попечение медсестры на посту, а сама пошла в ординаторскую. Там уже было тихо, все ушли по домам. На столе стоял контейнеры с чем-то и записка "Элси, покушай, Анька готовила, специально для тебя оставил". Петька. Я тепле улыбнулась. Спасибо, дорогой друг. Это очень кстати. В контейнерах обнаружился капустный салат и картошка с мясом и сыром. Желудок тут же начал активно выделять желудочный сок, а слюни потекли как у шарпея. Не медля ни секунды, а поставила разогревать картошку в микроволновку, а сама направилась к кофемашине. Сейчас мы хорошенько подкрепимся и будем работать работу. Мамочки, какие запахи! Кажется, я сейчас захлебнусь в собственной слюне. Микроволновка сообщила мне о том, что мое блюдо горячо, как будто только что из жерла вулкана, и я в срочном порядке кинулась поглощать еду. В желудке приятно заныло, и я вспомнила, что уже несколько дней нормально не ела. Чертов Игорь, все из-за него! Так и до гастрита недалеко. Поев, я откинулась на спинку стула и отдышалась. Сейчас бы поспать. Но нет, дел по горло. Я заполнила истории болезней и кинула взгляд на часы. Ровно полночь. Телевизор смотреть не хотелось, книги надоели. Займемся саморазвитием. И мне в руки прыгнула том про внутренние кровотечения. За чтением я провела часа два, как в ординаторскую сунулась дежурная медсестра и скороговоркой сказала:

— Элеонора Константиновна, внутреннее кровотечение, срочно в операционную!

Я тут же вскочила на ноги и побежала за медсестрой. Такое в нашей больнице случается редко, но все-таки случается. Обычно всех везут в тысячекоечную. Помыв руки, я натянула халат, маску и бахилы, и зашла в операционный зал. На столе лежала молоденькая девушка, лет двадцать. Ее лицо было все в крови, а на животе расплывался огромный синяк. Дмитрий Петрович, анестезиолог, уже приложил к ее лицу маску и пустил сонный газ. Медсестры в срочном порядке раскладывали блестящие скальпели и зажимы. Я подошла к операционному столу. На удивление, я была спокойна, будто знала, что надо делать. Да и я действительно знала.

— У нее разрыва селезенки, — сказал я, — скальпель.

Медсестры уже обработали место разреза и я полосонула нежную кожу девушки. Выступили первые капли крови, которые медсестра тут же убрала. Разрезав внутренние ткани и вставив расширитель, я поняла, что была права. У нее действительно был разрыв селезенки. Осложняло это то, что селезенку разнесло почти по всей брюшине. Спокойно убрав лишние мысли на задний план, я автоматическими, точными движениями принялась чистить брюшину. Медсестры вовремя подавали мне инструменты. Наконец, удалив последние разорванные ткани, я наложила швы на место кровотечения и зашила брюшину. Секунду полубовалась швом. Он получился таким тоненьким. Пульс был в норме, сатурация тоже. Думаю, все будет хорошо.

— Отвезите девушку в реанимацию, понаблюдаем ее там. Если все будет хорошо, перевезем ее в хирургию, — не своим голосом сказала я и вышла из операционной. За дверями на меня накинулись ее плачущие родственники. Женщина с красными глазами, судя по всему, была мама. Высокий статный мужчина-отец. Еще была зареванная девчушка, тоже лет девятнадцать-двадцать.

— Ну что, как там наша Анечка? Доктор, скажите, как она? — бросилась ко мне женщина.

— С ней все будет хорошо, у нее был разрыв селезенки. Но ее во время привезли к нам, еще немного и пошло бы заражение. Но теперь все будет в порядке.

Я похлопала женщину по плечу и пошла в свое отделение. Неожиданно на плечи навалилась усталость. До жути хотелось упасть в мягкое кресло, накрыться пледом и закрыть глаза. Хорошо, что завтра приезжает Маргоша. Плюс к этому у меня два долгожданных выходных, которые я проведу за пределами больницы. Как бы я ни любила свою работу, я все равно от нее немного устаю. Все-таки надо иногда менять место локации. Думаю, я даже не откажу Марго сходить куда-нибудь в бар и развеяться.

Я зашла в ординаторскую и заметила, что за окном уже светает. Это не могло не радовать. Почему-то захотелось плакать. Я вспомнила эту девочку на столе, с окровавленным лицом и жутким синяком на животе, который с каждой секундой становился больше. А если бы я ее не спасла? Нет, на моем столе уже умирали люди. Но потерять это молодую девочку было бы страшно.

На улице уже вовсю светало, на горизонте показались первые лучи солнца, а в открытую форточку вовсю доносилось пение птиц. А я просто свернулась калачиком в кресле и уснула.

Я распахнула глаза. На улице уже было светло, в ординаторской было пусто, а где то под моей филейной частью вибрировал телефон. Я нащупала его и, не смотря кто звонит, приняла вызов. В ухо мне ворвался возмущенный голосок подруги.

— Элли, я не поняла, я приехала, я тебя нет! Где ты? Давай уже приезжай ко мне!

— Привет, Марго, я так рада тебя слышать, — прохрипела я в трубку.

— Я не поняла, ты что, спишь? А ну ка собирай тело в кучу и кати к мне, — продолжила возмущаться Ритка.

— Окей, босс, я скоро буду!

И сбросила вызов. Протерев глаза, я окончательно проснулась и вскочила с дивана. Странные странности, я опять проснулась под пледом. Хотя абсолютно точно помню, что засыпала без него.

Ладно, надо уже ехать к Маргоше, иначе она сама приедет и душу из меня вытрясет. Выйдя в коридор, я пошла к душевым, чтоб умыться. Мне на встречу шла высокая стройная брюнетка, с ногами как говориться от ушей, пухлым капризным ртом и огромными черными, прям таки жгучими, глазами.

— Девушка, — остановила она меня неожиданно тонким, высоким голосом. — Скажите, в каком кабинете я могу найти Маркуса?

Я указала рукой на кабинет нашего заведующего. Скорее всего, это родственница одного из пациентов. Она кивнула мне головой и пошла к кабинету, из которого выскочил Марк. Он как-то раздраженно посмотрел на женщину и тихо ей сказал, но я услышала:

— Лена, сколько раз тебя просил, не приходи ко мне на работу.

Затем он схватил ее за руку и потащил в свой кабинет. Оглядев коридор, он наткнулся на мои удивленные глаза. Как-то виновато улыбнувшись, мужчина скрылся в кабинете со своей посетительницей. Я почему-то ни капли не сомневалась, что это его жена. Тогда почему-же он живет в больнице? Куча вопросов, а ответов нуль.

Умывшись и переодевшись, я собрала свою сумку с вещами, которыми пользовалась в больнице, а именно пижаму, любимую подушку и шампунь, покидала туда же грязную форму, попрощалась с коллегами и двинулась к лифтам. Прекрасный день, чудесный день!

Около лифтов стоял Маркус Эрнестович с некой Леной.

— Марик, Машеньке нужно новое пальто на весну!

— Лена, я же сказал, с зарплаты я переведу деньги, — раздраженно отвечал он женщине.

— Марик, а еще Машенька по тебе очень скучает. Ты бы мог забрать ее на выходных?

— Ты в своем уме? Куда я ее заберу? Если ты не заметила, то я... — увидев меня, он осекся и замолчал.

— Марк, — снова начала Лена.

— Лен, помолчи, умоляю. Давай поговорим позже, — Маркус закатил глаза и всем своим видом показал, что он вообще не хочет разговаривать с этой женщиной. Интересно, кто ему она?

Мы зашли в лифт вместе. В тот самый, где совсем недавно мы сидели с Марком всю ночь. От этих воспоминаний я покраснела, а мужчина кинул на меня понимающий взгляд. Как только мы оказались на первом этаже, я пулей вылетела из лифта, и, не обращая ни на

кого внимания, быстрым шагом направилась к своей машине. На телефон пришло сообщение "Сегодня в пять буду у Ритки с твоим любимым другом Джони". Я улыбнулась. Стас знал, чем поднять мне настроение. Вот только пить мне сейчас как раз нельзя. Сегодня вечером еще предстояло рассказать друзьям эту тяжелую новость. Марго расплачется, это точно. Так, грустные мысли в стороны. И я завела машину и поехала в сторону дома подруги.

Встреча с Маргошей прошла бурно. Он так сильно прижала меня к себе, что мои ребрышки затрещали.

— Элли, детка, ты похудела, — сказал она, окинув меня взглядом.

— Марго, ты не моя мама. Ты должна говорить, что худоба мне к лицу, — и мы дружно рассмеялись.

— Нет, Эл, ты как-то болезненно похудела. С тобой все в порядке? — уже серьезно спросила Маргоша.

— Маргарита, все разговоры на потом, — попыталась поменять я тему. — Я голодная как волк и просто жажду твоего омлета с беконом.

Подруга рассмеялась и потащила меня за собой на кухню. Там она рассказывала о своем новом ухажере, Максе, как они слетали отдохнуть, сколько подарков она нам со Стасом привезла. При этом готовя самый вкусный омлет во всем мире.

— Ну а ты как тут? Стас позвонил и сказал, что у тебя тут трагедия на трагедии, но я хочу услышать это все из первых уст.

Марго поставила передо мной тарелку с едой и я тут же схватилась за вилку и принялась это уплетать

— Малгоша, фкусно-шуть, — прошмакала я с набитым ртом.

— Ты жуй, потом говорить будешь, — улыбнулась мне подруга. Себе она заварила чашку травяного чая и сидела напротив меня, поджидая момента, когда же я начну говорить.

Наконец я покончила с едой, грустно посмотрев на некогда полную тарелку. Затем взяла чашку горячего кофе с молоком и сладостно зажмурилась. Такой кофе умела варить только Марго. В меру крепкий, с идеальным соотношением сахара и молока.

— Ну давай же уже рассказывай, — нетерпеливо вскрикнула Ритка.

И я опять поведала эту печальную историю нашей с Игорьком любви. Рита лишь покачала головой на это.

— Да уж, не ожидала от Игорька такой свиньи. Честно. Но ты как, в порядке?

— Маргош, я в полнейшем порядке. Правда. Я нисколечко не умираю по нему. Только мне надо будет забрать у него остатки вещей. Но я думаю, что мы съездим с тобой вдвоем завтра. Одна я не хочу там появляться.

— Как скажешь, подруга. Главное, держи меня, чтоб я его не треснула!

— Марго, — я кинула на нее укоризненный взгляд. — Нельзя бить убогих. Ты сама мне это говорила.

— Иногда можно и поступиться своими принципами, — все еще горячилась Ритка. Я решила перевести тему.

— Ритусь, а Стас тебе не рассказывал случайненько о моем новом зав. отделением?

— Точно! — она прям подскочила на своем месте. — Он рассказал, но так. Что он к тебе придирается и жить тебе не дает. И еще, что ты сказала, что он до жути сексуальный.

— Я так не говорила! Я сказала, что он грубиян и еще что-то. Не помню что, — попыталась я отмазаться.

— Нет, нет. Стас так и сказал "До жути сексуальный". Элли, я хочу его увидеть! — глаза

подруги враз загорелись озорными огоньками. — Может быть получится вас свести?

Я закатила глаза.

— Ты опять за свое? Давай без всяких там свождений, серьезно.

— Ну он хоть красивый? Стас не обманул меня? — продолжила допытываться Ритка.

— Красиививый, — я мечтательно закрыла глаза. — Глаза серые, как штормовое море.

Рита, а видела бы ты его пресс! Мамочки, я такого еще никогда не видела. А когда он спит, то похож на мальчишку...

— Так, а где это ты видела, как он спит?

— Ну, мы застряли в лифте, — смущенно сказала я. И рассказала подробности той ночи.

— Эх, романтика, — протянула Рита. — Жаль, у меня такого нет. Одни бабки да диабетки вокруг.

— Ну у тебя есть Макс, который возит тебя в отпуск, а это тоже не плохо, — возразила я подруге. — Да и тем более, какого такого? У нас вообще с ним ничего нет. Все, давай пока оставим этот разговор. Давай лучше показывай, что ты мне привезла и покажи комнату, в которой я буду жить.

Ритка тут же вскочила и понеслась в глубь квартиры с криками "Элли, за мной!". Я улыбнулась. Марго как ураган, стремительная, все снесет на своем пути. Мы втроем представляем собой очень странное трио. Я спокойная, покладистая, в основном разговариваю тихо и вывести меня на эмоции крайне трудно. Марго очень вспыльчивая, дерзкая, всегда говорит все в глаза, но при этом она верный друг и никогда не обидит дорогого ей человека. Стас же всегда веселый, любую ситуацию может перевернуть в шутку, очень позитивный болтун.

Марго жила в огромной четырехкомнатной квартире, которая досталась ей от бабушки. В ту пору у нее имелся очень богатый любовничек, за счет которого она и сделала здесь первоклассный ремонт. Она до сих пор его добрым словом поминала. Выделив мне комнату, она притащила туда кучу пакетов и начала вытаскивать разноцветные тряпочки, закидывая ими меня.

— Так, это платье для тебя, это новый хир. костюм, тоже для тебя, кстати, смотри какие на нем веселые мордочки, как ты любишь, — бормотала подруга, — так, это у нас для Стаськи. Ты бы видела глаза Макса, когда я начала покупать мужские рубашки, — Марго звонко рассмеялась. — Эй, а ты чего такая хмурая? Не нравится костюм?

Я вышла из анабиоза и посмотрела в два удивленных лазурных глаза.

— Все в порядке, Маргош, — улыбнулась я подруге. Она ответила мне улыбкой и продолжила рассказывать что-то. Её щебет прервал звонок в дверь.

— О, Стася пришел! — в голос воскликнули мы и отталкивая друг друга, понеслись открывать дверь. Это был действительно он. С огромным пакетом и улыбкой на лице.

— Слонята, вы проломите пол! — он сгреб меня в свои объятия и чмокнул в макушку. Маргошу же он просто поцеловал в щечку. — Давайте, потрошите пакет, а я дико хочу в уборную, прошу меня простить.

Марго только фыркнула на это, а я закатила глаза. Вот всегда он такой, бесцеремонный.

— Попшикать не забудь, — крикнула ему вдогонку Рита.

Еле дотащив тяжеленный пакет, мы стали его с увлечением разбирать. Чего там только не было! Кажется, он взял каждого салата по одному из кафе напротив дома Марго. Несколько потрясающе вкусных пирожных, мясо в горшочке, мои любимые меренги. И, конечно же, бутылка Джони Уокерра. Куда же без него. Стас в это время уже вышел из

кабинета задумчивости.

— Ты куда столько набрал? — с удивлением спросила я у друга. — Мы же это и за год не съедим!

— Ой, Эл, ты всегда недооцениваешь Ритку. Она сейчас сметет это за один присест и не заметит! Да, Риточка?

— Неплавда, — прошепелявила та с набитым ртом. Судя по всему, она уже засунула туда десяток тарталеток. Стас же посмотрел на меня взглядом "я же говорил". Я только лишь развела руками и начала раскладывать все это буйство гастрономии по тарелкам. Стас достал три бокала, но я отрицательно покачала головой.

— Не буду пить.

— Почему?

— Давайте мы сядем и я все расскажу.

Стас удивленно поднял бровь, но промолчал. Вскоре мы уже накрыли стол. У ребят в бокалах был виски, я же довольствовалась яблочным соком. Ну а что, в темноте по цвету почти и не различишь. И не важно, что еще только начало шестого и на улице светло как днем.

— Ну чтож, девочки мои припевочки. За встречу!

И мы дружно чокнулись бокалами.

— Элли хотела нам что-то рассказать, да? — пытливо посмотрел на меня парень, набивая живот салатиками.

— Эмм, да, — я не уверено крутила бокал в руках. — Я делала сегодня ЭКГ и УЗИ сердца. В общем и целом, если не вдаваться в подробности, меня поставили в очередь на пересадку.

И я подняла глаза на друзей. В глазах Марго светилось недоверие. Нет, не то что она мне не верит, она не хочет верить в то, что происходит. На Стаса вообще можно было не смотреть. Он сразу как-то весь поник и уменьшился в росте. Первая отмерла Марго.

— Слушай, но ведь в последнее время все было в порядке. Ты после двух недель стационара была как огурчик. Тебя беспокоила отдышка или еще что-нибудь?

— Не больше чем всегда, — покачала я головой. — Я чувствую себя прекрасно. Вообще, я надеюсь, что Марина Владимировна могла ошибиться. Может сходить в другую больницу провериться?

— Давай, я могу договориться с нашим кардиологом, чтоб она тебя посмотрела. Хочешь?

— Рита, но ведь это бесполезно, — сказал Стас глухим голосом. — И вместо того, чтоб тратить нервы и время на все эти походы к врачам, Элеонора лучше будет готовиться к пересадке.

— А вдруг вышла ошибка? — попыталась возразить Марго.

— Рит, мы прекрасно знаем, что с таким диагнозом срок годности сердца ограничен и в любом случае потребуются пересадка, так что...

— А я смотрю, за меня уже все решили, да? — усталым голосом спросила я у друзей.

— Элли, мы же беспокоимся о тебе.

— Еще рано беспокоиться!

Я встала, опрокинув стул и, не глядя на друзей, вышла из кухни. Вот и поговорили, блин. Я взяла ключи и сумочку и принялась обуваться.

— Эл, ты куда? — в прихожую выскочила встревоженная Ритка.

— Я прогуляюсь. Не смотри так на меня, Маргарита, я буду вечером. А вы постарайтесь не сильно напиться здесь.

И вышла за дверь. Хорошо, что она не стала меня останавливать. В тот момент я бы даже смогла наругать подруге, а потом бы корила себя за это. Но мне просто необходимо сейчас побыть одной и проветрить голову. Я села в машину и задумалась. Есть только одно место, которое спасает меня. И я поехала к набережной.

Около воды было прохладно и я посильнее запахла плащик. Над головой летали крикливые чайки, солнце немилосердно припекало голову, а упрямые волны с шумом разбивались о парапет. Я села на прохладный бетон и свесила ноги вниз. Люблю это место. Очень люблю воду, в смысле смотреть на нее. Ну и плавать тоже. По знаку Зодиака я рыба и это все объясняет. Раньше я очень любила рисовать море, но потом я забросила это дело из-за нехватки времени. Хотя мама до сих пор хранит мои акварельные рисунки. Ветер от воды приятно охлаждал кожу и откидывал в лицо капли от реки. Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч, разгони и мои проблемы, пожалуйста. Хотя, никакой ветер их не разгонит. Боюсь, дико боюсь операции. Тем более пересадка, это вам не аппендицит вырезать. Но другого выхода нет. Сколько я еще продержусь на препаратах? Я не знаю. Вдруг я почувствовала на спине чей-то взгляд. Обернувшись, я увидела своего заведующего, черт бы его побрал. Уже складывается впечатление, что он за мной следит. Тем временем мужчина подошел ко мне и улыбнулся.

— Свалитесь, доктор Эля, а мне потом спасать вас.

— Можете не спасать, — я передернула плечами и отвернулась. Но он, не долго думая, уселся рядом со мной.

— Почему вы не на работе? — не поворачивая голову, спросила я у Маркуса.

— Ну у меня тоже могут быть выходные. Не только же вам отдыхать.

— Кстати. Я съехала с ординаторской, хочу вас обрадовать.

— Очень жаль, — серьезно сказал он.

— Жаль? — я удивилась. — Почему?

Он не ответил.

— Маркус, что тебе надо от меня?

— От тебя мне нужна ты, — он повернулся и посмотрел своими глазами цвета штормового моря. Я даже не сразу поняла смысла фразы.

— Ч..что? В смысле?

— Во всех смыслах, Элеонора.

И он ушел. Я даже не поняла, когда он ушел. Может быть сразу, может быть через час. Я и сама не знала, сколько времени я сидела на этом холодном парапете, ошарашенная его словами. "От тебя мне нужна ты". Звучит волнующе. Слова вихрем проносятся в голове снова и снова. Зачем? Зачем я тебе нужна? В следующий раз я точно задам все свои вопросы. Хотя не исключено, что я опять впаду в ступор и потеряю счет времени. Как это обычно бывает с этим невозможным мужчиной.

Посидев еще минут пять, я все таки решила, что пора ехать к ребятам. Вдруг они там волнуются, места себе не находят. А я сижу тут такая, водичкой люблюсь. И я направилась к машине.

Открыв дверь, я увидела потрясающей красоты квартиру. Мои пьяные друзья лежали на ковре в гостиной, пускали самодельные мыльные пузыри и ржали как кони. Все в детстве такие делали. Замешивали мыльный раствор и брали трубочку от ручки. Мыльные пузыри готовы. Я пошла в гостиную и покачала головой. Весь серый ламинат вокруг них был заляпан мыльными разводами. А вот там, кажется, лужица чего-то алкогольного. Я сходила на кухню, взяла недоеденный салат, вернулась обратно к ним и села на пол. Рита уже не смеялась, а постанывала от изнеможения.

— О, Элли, ты вернулась. А мы тут со Стасом пузыри пускаем. Будешь с нами?

Я отрицательно покачала головой. Стас поднял голову и посмотрел на меня удивительно трезвым взглядом.

— Эл, все в порядке?

— Все отлично, дорогой друг. Лучше и быть не может, — и я улыбнулась в подтверждение своих слов.

Марго лежала на полу, раскинув руки и что-то невнятно бормотала. Я покачала головой.

— Стас, нафига ты ее так накачал-то?

— Кто ее накачивал? — возмутился друг. — Она сама хлестала виски как заправский алкоголик. И еще говорила "ой, что-то меня совсем не берет", — передразнил Стас Маргошу тоненьким голоском. Я рассмеялась.

— Вот она в клубе, кстати, так же делает. Я мне потом волочь ее тушку на себе до дома. Как хорошо, что ты есть и мне не придется напрягаться с перевозкой этого тела. Хотя, что это я. Я бы вообще ее здесь оставила.

— Давай, Ритка, пойдем, уложу тебя баиньки, — и Стас кряхтя и пуча глаза, начал поднимать девушку с пола. — Мать моя, Маргарита, в тебе сколько живого веса? С виду такая худенькая...

И картинно причитая "так и грыжу можно схлопотать" он понес ее в комнату. Затем парень пришел обратно и сел рядом со мной на пол.

— Прости, Эля.

— За что? — я вскинула на парня удивленный взгляд. — Это я должна извиняться. Поступила как маленькая девочка. Обиделась и ушла. Надо было нормально поговорить, а я пошла на поводу у эмоций. Мне стыдно.

— Брось, Эл, — Стас обнял меня и прижал к себе, — все в порядке. Это мы тут начали решать за тебя, как и что тебе нужно делать. А все потому что мы очень волнуемся. И сейчас, я, наверное, склонен прислушаться к Ритке. Может, стоит сделать УЗИ еще и у другого врача? Еще какие-то обследования провести. Что там еще делают?

— Я тоже думала над этим. Надо, наверное, навеститься в клинику к Маргоше.

Мы посидели еще так с часок и разошлись по комнатам. Но мне сон как назло не шел. Я уже и баранов считала, и козлов, и слонов. Потом в голову пришли опять эти слова. "От тебя мне нужна ты". Чепуха какая-то. Он неадекватный. Даже если предположить, что он каким-то невероятным образом влюбился в мою скромную персону. Может, он меня с кем-то перепутал? Господи, что за бред я несу. Перевернувшись вокруг своей оси несколько раз, я подмяла под живот подушку и опять попыталась уснуть. А если все-таки влюбился? И если это так, то вообще когда он успел? Мы же и не общались толком! Тогда может он дьявол и

ему нужна моя душа? Или он работорговец, и тогда ему нужно мое брненное тело. Да, скорее всего, он дьявол. Прекрасный дьявол. Хм, а такому бы я душу продала. И с этими мыслями, я наконец погрузилась в сон.

— Элли, ты чокнутая! Почему тебе взбрело в голову ехать именно сейчас? — Марго сидела рядом со мной на пассажирском сиденье и пила воду. Вообще-то, она представляла собой очень печальную картину. Глаза мутные, как у рыбы, волосы нерасчесанные и кое-как собранные в хвост, потрескавшиеся губы и рука, приложенная к затылку. Кстати говоря, какую по счету бутылку она уничтожает?

— Тебе сильно плохо, да? — сочувственно спросила я у подруги.

— Меня тошнит, мутит и тянет к моему фарфоровому черному дружку. У меня дикий сушняк, а в голове сидит обезьянка и играет на тарелках. Как ты думаешь, на сколько мне плохо?

— Думаю, твой вид уничтожит Игоря.

— Почему ты не взяла Стаса? — вновь застонала моя подруга. — Какой тебе толк от меня? Я тяжелее чашки с чаем уже давно не поднимаю.

— Марго, хватит причитать! — резко оборвала я подругу.

Она надулась и замолчала. И всю дорогу со мной не разговаривала. Я этому была даже немного рада. Потому что пыталась представить нашу встречу с Игорем. Что он скажет? Тем более, я еду без предупреждения. Но прекрасно знаю, что в это время он дома. Подъехав к подъезду, я вышла, обошла машину и открыла пассажирскую дверь.

— Давай выползай.

Марго попыталась выйти из машины с королевской грацией, но запнулась о порожек и чуть было не упала. Я вовремя подставила ей свое дружеское плечо.

— Вот видишь, я тебя спасаю, а ты только и делаешь, что обижаешься на меня постоянно, — укоризнено сказала я подруге.

— Ой, так уж и постоянно, — парировала Маргоша. — Но спасибо. Благодаря тебе мои колени целы.

Я сделала шутливый реверанс и подруга рассмеялась. Не люблю, когда она на меня дуется. Да и вообще кто-либо. Чувствую себя какой-то морально пустой из-за этого. Поэтому стараюсь не обижать людей.

И вот мы уже стояли на третьем этаже и пялились на серую евродверь. Я хмуро, а Марго с нетерпением.

— Ой, да сколько можно ее гипнотизировать, — не выдержала подруга и нажала на пупочку звонка.

В квартире раздалась звонкая трель, а через несколько секунд послышались шаги. Дверь распахнулась и на пороге появился Игорь. Лучезарную улыбку, которая красовалась на его губах еще мгновение назад, будто стерли ластиком. Он протянул руки ко мне и прошептал:

— Элечка, ты пришла!

Ээ, дружочек, ты что, обниматься вздумал что-ли? Я тут же оборвала его поползновения и резко сказала:

— Я за вещами.

Он побледнел, отошел чуть в сторону и сделал приглашающий жест рукой. Я прошла в квартиру, неся в руке огромный пустой чемодан. Марго, хмыкая, зашла за мной. Он протянул руку к чемодану, но я отшатнулась от него, как от прокаженного.

— Я просто хотел помочь...

Пройдя в гардеробную, он показал на полки рукой.

— Вот, я все твои вещи сложил сюда. Чтоб ты не мучалась в поисках. Обувь разложил по коробкам. Какие-то крема сложил в пакет. Эля, давай поговорим?

— Говори, — я не поднимая на него взгляд, принялась складывать вещи в чемодан. Марго уселась на стуле в углу и уставилась в телефон, пытаясь притвориться невидимкой.

— Наедине, — с нажимом сказал мужчина.

— Игорь, — я устало посмотрела на своего бывшего возлюбленного. — В этом нет необходимости. Ну что ты хочешь мне сказать? Что тебе жаль? Попросить прощения? Думаю, ничего нового я не услышу.

— Элеонора, — он попытался взять меня за руку, — я совершил ошибку. Чудовищную. Я знаю, что мне нет прощения. Но без тебя я — не я. Внутри меня все умирает. Когда ты ушла, от меня будто кусочек оторвали. Я очень хочу все исправить, очень. Если бы ты дала мне маленький шанс, все было бы иначе, обещаю.

— Юсупов, ты вообще себя слышишь? — я как раз закончила складывать вещи, застегнула чемодан и выпрямилась, — Я не хочу вступать с тобой в дискуссии. Никаких шансов, ничего. И знаешь что? Самое обидное в этой ситуации, что я не успела тебя опередить. Не успела уйти раньше, прежде чем увидеть всю эту грязь. Хотя... В таком случае, я бы лила слезы, а так нет. Разговор окончен. Марго, уходим.

Я развернулась и пошла к выходу, катя за собой чемодан. Марго так же безмолвной тенью двигалась за мной. В коридоре, когда мы обувались, запахнулась входная дверь, а на пороге оказалась высокая шатенка с ключем в руках.

— Ой, Игорек, я не вовремя? — спросила она неожиданно приятным голосом.

— Вижу я, как внутри тебя все умирает, — язвительно сказала я напоследок. И все. Мы ушли.

Нервозность накатила уже когда мы уселись в машину. Марго ошарашенно смотрела на меня и гладила по руке.

— Эл, ты в порядке? Ну ты, конечно, монстр, — восхитилась мной подруга. — Я поглядывала на тебя. Видела бы свое лицо! Ни один мускул не дернулся, такой хладнокровный голос. Я горжусь тобой, дорогая.

— Я сама от себя в шоке, — почему-то прошептала я. — Я все время думала, а что будет, если Игорь позовет меня обратно. А оказалось ничего. Маргош, у меня же даже ничего в душе не зашевелилось. Будто и не было этих трех лет и передо мной стоит абсолютно чужой человек. Это так страшно. Вот был он тебе дорог, раз — и все. И ничего нет. Одна пыль и несуразные воспоминания.

Я уставилась в одну точку, гоняя в голове слова Игоря. Потом опять прислушалась к себе. Неа, ничего нет. Глухо как в танке.

— Все, короче, — я стукнула ладонками по рулю. — Спасибо Игорю, что был. А мы едем дальше.

Марго качнула головой, соглашаясь со мной и мы поехали домой.

Дальше дни полетели как сумасшедшие. А все дело в том, что на город напала какая-то неведомая эпидемия гриппа и у нас слегло три хирурга. В связи с этим, нам было наказано ходить чуть ли не в скафандрах, есть чеснок и работать круглосуточно. В отделении объявили карантин, опасаясь за здоровье пациентов. Это меня даже радовало. Мне не очень

нравилось, когда по отделению ходили посторонние люди. Порой даже без бахил! Это бесило до дрожи в коленях. Ну да ладно. Жаль было только то, что родители неожиданно-негаданно отправились отдыхать. Видите ли, путевка подвернулась горящая. Но по приезде они клятвенно обещали приехать ко мне.

Работать действительно приходилось много. Пациентов не убавилось, а только прибавилось. Поэтому пахали, как говорится, на износ. Но меня немного жалели. Давали поспать лишний часик, отправляли на обед. Но только не Маркус. Этот изверг издевался как мог. Один раз даже позвонил посреди ночи, когда я беззаботно спала в своей кровати, и сказал, что привезли людей с крупной аварии и мне срочно нужно ехать. И это после того, как я тридцать шесть часов провела в больнице! Ну как его еще назвать, конечно изверг. Правда, когда я приехала в больницу и увидела его, всю злость как рукой сняло. Лицо осунулось, под глазами лежали глубокие тени, а глаза были такие усталые, что хотелось его уложить в кровать и спеть колыбельную. Но он всегда был в больнице.

В очередное утро я сидела в ординаторской и делала записи в карточках. У одного из пациентов очень сильно ухудшились показатели крови, и меня это очень беспокоило. Немного подумав, я направилась в кабинет заведующего посоветоваться, что делать. Стукнув в дверь два раза, я толкнула ее и зашла. Передо мной открылась удивительная картина. За столом сидела милая, кудрявая девчушка, лет пяти на вид. Она что-то усердно рисовала цветными карандашами и еле слышно бормотала под нос. А наш заведующий спал. Лежал на коротком диванчике, еле помещаясь в него, вытянув ноги на подлокотник и прижимая к себе плюшевого котенка. Я не удержалась и фыркнула. Девочка тут же подняла на меня глаза и улыбнулась.

— Привет. А ты кто? Меня зовут Маша. А тебя как зовут? Ты доктор, да? Как папа? — засыпала она меня вопросами. Я даже растерялась. У меня не было большого опыта общения с детьми. Я даже забыла, зачем пришла в этот кабинет.

— Привет, — я подошла к девочке. Не отвечать ребенку было бы не вежливо. — меня зовут Эля. Да, я доктор, как папа. Скажи мне, пожалуйста, давно он спит?

— Хотелось бы подольше, но видимо не судьба, — раздалось с дивана. — Что вы хотели, доктор Хайц?

— Эээ, тут вот Горячев, у него... Простите, я не хотела вас будить, — я повернулась и посмотрела на мужчину. Он уже сидел на диване, потирая виски и пытаясь сфокусировать взгляд. — Если хотите, я могу забрать Машу в ординаторскую, она порисует там, а вы отдохнете.

Кажется, Маркус Эрнестович не ожидал этого.

— Это не обязательно. Но раз уж вы предложили свою помощь, то я бы не отказался от огромной чашки кофе без сахара. И, желательно, с молоком.

Я просто кивнула и направилась к двери. На выходе я уже услышала:

— Пап, а тебе понравилось спать с котиком? Я специально тебе его положила, чтоб он охранял тебя.

Я улыбнулась. Забавная малышка. Даже как-то не привычно думать о Маркусе в роли отца. Так, получается, что та женщина, Лена, все-таки его жена. Настроение неожиданно упало.

Я сделала заведующему кофе, прихватила для Машеньки коробочку сока и шоколадные вафли и направилась обратно к нему в кабинет. Он уже сидел за столом с дочкой на коленях и смотрел в какие-то бумаги. Подняв на меня глаза, он улыбнулся.

— Не ожидал, что вы выполните мою просьбу. Это приятно. Спасибо.

Да что ты, я сама от себя этого не ожидала! Я поставила перед девочкой сок и вафли и потрепала ее по кудрявой макушке. Она тут же мне улыбнулась и схватила за руку.

— Спасибо, Эля.

В моей душе заворочилась неожиданная нежность. Она была такая милая. Светленькая, такая же сероглазая, как отец, пухленькая. Так и хотелось ее потискать.

— Доктор Хайц, так какая же была ваша цель первого визита? — еще раз спросил меня Маркус.

— Я сама справлюсь с этим, не волнуйтесь, — твердо ответила я мужчине. У него и так дел невпроворот. А тут я еще. Сама справлюсь, не маленькая.

— Ну что же, хорошо, — я уже направилась к выходу, как он снова меня окликнул. — Элеонора!

Я повернулась и вопросительно взглянула на мужчину.

— Спасибо за кофе.

— Да не за что, — я пожала плечами, улыбнулась и вышла из кабинета.

Остаток дня пролетел незаметно. А вечером я пошла домой. Как нормальный белый человек. К сожалению, моя машинка сегодня была в оккупации Маргоши, поэтому мне предстоял путь на автобусе. Тысячу лет на них не ездила. Ну ничего, последний квест на сегодня и я дома. Горячая ванна, сон и заслуженный, долгожданный выходной.

Я уже направилась к воротам, как сзади меня окликнул знакомый голос. Я повернулась и увидела Маркуса Эрнестовича.

— Элеонора, вы забыли дорогу на парковку?

— Я сегодня на автобусе.

— Никаких автобусов! Я подвезу вас.

Я попыталась возразить, но Маркус уже взял меня за руку и мягко, но настойчиво потянул за собой в сторону парковки. Ну и хорошо. Мне даже лучше. Он распахнул передо мной дверь огромного внедорожника. Я вскарабкалась в высокую машину и с наслаждением вдохнула запах дорогой кожи. Маркус уже сел рядом, завел машину и плавно двинулся с парковки.

— Маркус Эрнестович...

— Просто Марк, мы же договаривались.

— Марк... Хм, хорошо. У меня вопрос. Как вы оказались в нашей больнице? Да еще и сразу на такую должность. Или у нас все как в шоу-бизнесе?

Мужчина громко рассмеялся.

— Нет, Элеонора, все намного проще. Я очень долго время работал и жил за границей в команде хирургов-трансплантологов. Наверное, и до сих пор бы там работал. Но у меня заболел отец и я вынужден был вернуться. Около четырех месяцев я находился рядом с ним, но все напрасно. Он все равно умер, — он остановил меня движением руки. — Не надо, Эль. На это период выпало много отвратительных событий. И как раз мой крестный, Сергей Петрович, собрался на пенсию. Да, да, ваш бывший зав. отделением, — подтвердил он, увидев мои удивленные глаза. — Ну вот он и похлопотал, чтоб меня взяли на его место. Правда, у меня не очень много опыта в управлении персоналом, но пока что с этим не возникало проблем, как видишь. Я люблю оперировать. Это моя страсть. А вся остальная бумажная работа это так.

— Вот и раскрылась тайна века, — пробормотала я. — А мы-то все думали и гадали,

откуда на нас упало такое счастье в виде вас.

— Счастье, значит, — улыбнулся мужчина. Вдруг у него раздался звонок телефона и он ответил на звонок. Разговор был короткий, но его исход заставил Маркуса нахмурить брови.

— Элеонора, небольшие трудности. Мне надо заскочить в одно место и разобраться с документами. Ты не против, если мы это сделаем вместе? Просто у меня не хватает времени, чтоб отвезти тебя.

— Без проблем, — пожала я плечами. — У меня завтра целый выходной, я никуда не тороплюсь.

— У вас завтра выходной, если я вам это позволю, — зловеще сказал Марк, улыбаясь при этом.

— Марк, давайте уже как-нибудь определимся. Вы то выкаете мне, то тыкаете.

— Я обязательно что-нибудь выберу, обещаю. Только и вы пообещайте мне, что как только я разберусь с документами, мы поужинаем. А только потом отвезу вас домой.

Хм, ужин? Он что, намекает на свидание? И это при живой жене? Ну и гад же он.

— А ваша жена не будет против?

— Эля, моя жена уже бывшая жена и думаю, что она уже ничему не против.

Этот ответ меня удовлетворил. Что ж, свидание так свидание. И я согласно кивнула на это.

Через минут восемь мы подъехали к высокому офисному зданию.

— А что здесь? — полюбопытствовала я, выбираясь из машины

— А здесь компания моей старшей сестры. Она занимается фармакологическими препаратами. И так как у меня есть доля во всем этом, то иногда требуется и мое вмешательство. Обещаю, это не надолго.

Мужчина взял мою руку, положил к себе на сгиб локтя и повел ко входу здания. Оказавшись внутри, я принялась крутить головой и восхищенно осматривать все вокруг себя. Кругом зеркала и стекло, кожа и металл. Рабочий день, судя по всему, был окончен, потому что холл здания пустовал. Мы вошли в просторный стеклянный лифт и Маркус нажал на кнопку этажа. Мамочки родные, 36 этаж! Так высоко я еще не бывала. Лифт пришел в движение и я непроизвольно прижалась к Марку. Я не трус, но было очень страшно. Мужчина рассмеялся и потрепал меня по макушке. Доехали мы очень быстро, к моему великому облегчению.

— Может, обратно по лестнице? — скромно предложила я.

Но мое предложение было со смехом отвергнуто. Марк провел меня через огромную приемную к тмено-вишневой двери, на которой была табличка "Серова Оливия Эрнестовна, Генеральный директор". Мужчина толкнул дверь и мы вошли в красивый, светлый кабинет. Все было сделано очень просто, но с большим вкусом. На полу молочный ламинат, стены были выкрашены в персиковый цвет, но стена за сидящей в большом белом кожаном кресле, была вишневая и на ней были развешаны многочисленные рамки с грамотами. Посреди кабинета стоял большой т-образный стол из темного дерева. А в углу кабинета находились два светлых кожаных дивана и стеклянный столик, на котором стоял графин с водой и два стакана. Но отдельного описания заслуживает женщина, которая сидела за столом, заваленным бумагами. Строгое лицо с высокими скулами, увенчанное очками в тонкой черной оправе, пухлый красиво очерченный рот, длинная тонкая шея с красивыми ключицами, выглядывающими из под расстегнутого ворота голубой рубашки. И грива курчавых темных волос, цвета горького шоколада. Она подняла на нас огромные, серые,

совсем как у Маркуса, глаза и улыбнулась.

— Марик, ты пришел. Да еще и не один.

Маркус порывисто подошел к женщине и поцеловал ее в щеку.

— Лив, это Элеонора, моя коллега. Эля, а это Оливия, моя обожаемая старшая сестра.

— Очень приятно, — в ответ улыбнулась я женщине.

— Взаимно. Элеонора, в приемной ты найдешь кофе и чай. Похозяйничай, пожалуйста, сама. Мы с Маркусом быстро разберемся со всеми делами и я отдам тебе его обратно.

Я кивнула и пошла в приемную, чтоб найти, чем там поживиться. Марк уже сидел рядом с сестрой прямо на столе и рассматривал бумаги. Они были поразительно похожи. Но больше всего меня удивило то, что Оливия была старше Маркуса! На вид я не дала бы ей больше тридцати, а ведь мужчине уже тридцать пять. Хотя Марк тоже потрясающе выглядит. Может у них это семейное.

Выйдя в приемную, я подошла к панорамному, во всю стену, окну. Город отсюда был как на ладони. Солнце уже клонилось к горизонту, кидая свои прощальные лучи. Я прижалась к стеклу ладошками, как ребенок. Да, ради такой красоты не страшно было бы подниматься каждый день на тридцать шестой этаж. Да я бы даже по лестнице поднималась!

Не знаю, сколько я так простояла. Но солнце уже село, так что не меньше получаса. Из кабинета вышли Маркус с сестрой и удивленно уставились на меня. Я лишь пожала плечами и смущенно пояснила.

— Здесь очень красиво.

Брат и сестра понимающе закивали на мою фразу. Ну конечно, они-то не в первый раз это видят, и даже не во второй.

— Ладно, друзья, мне надо еще в типографию, так что я вас покидаю. Спасибо, Марик, что приехал. Эля, было приятно с тобой познакомиться, — Оливия послала мне добродушную улыбку, хлопнула Маркуса по плечу и уплыла в недра коридора, бодро цокая каблучками. Мужчина только покачал на это головой.

— Эта женщина как энеджерджер. И абсолютно не умеет отдыхать.

Мы уже зашли в лифт, когда я спросила:

— А сколько лет твоей сестре?

— В марте было сорок один.

Я восхищенно ахнула.

— Она выглядит потрясающе!!!

— Ну, скажу одну фразу, выдав свою сестрицу с потрохами. Пластическая хирургия. Но секрет Лив в том, что она умеет пользоваться этими благами в меру и не перебарщивает. Но, пожалуйста, не говори ей, что знаешь ее тайну. Она съест меня.

— Я могила, — заверила я мужчину.

Мы вышли на улицу, Маркус помог мне сесть машину и через мгновение уже сидел рядом.

— Ну что? Куда поедем? Оставляю выбор за дамой.

Я задумалась. Вечер был потрясающе теплый, и не скажешь, что середина мая. Хотелось чего-то эдакого.

— Я могу выбирать все что угодно? — уточнила я у мужчины.

— Абсолютно, — подтвердил он мои слова.

— Тогда поехали в "Неаполь". Ты был там?

— Нет, меня ждет сюрприз?

— Надеюсь.

Это был небольшой, уютный ресторанчик, который располагался на крыше двенадцатиэтажного здания. Мы были там пару раз с Игорем еще когда только начинали встречаться и он пытался произвести на меня впечатление. Произвел, мать его.

Мы сели за столик около невысокого парапета, откуда открывался потрясающий вид на город, залитый вечерними огнями.

— Да, мне здесь определенно нравится, — Маркус уже сделал заказ и откинулся на спинку кресла, осматриваясь. За столиками сидели парочки и небольшие компании, тихо переговариваясь. Все пространство было освещено теплым, желтым светом ламп, а на небольшой сцене играла живая музыка. — А если пойдет дождь, что тогда?

— Не знаю, — я пожала плечами и сделала глоток сока, который только что принесли. — Возможно, натягивают тент. Скажи, а у твоей сестры есть семья?

— Вся ее семья-это я. Отец умер, мама умерла еще раньше. К сожалению, она свою жизнь принесла карьере. Хотя Лив ни капли не сожалеет. И безумно балует мою дочь, — на этих словах Марк мягко улыбнулся.

— Знаешь, ты так откровенно мне все это рассказываешь, — удивилась я. — Почему?

— Я не знаю, Эля. Это очень хороший вопрос. Честно? Просто потому что мне этого хочется. Ты очень милая девушка и мне хочется быть с тобой таким.

— Даа? Почему же на работе ты совсем другой?

Марк неожиданно стал серьезным.

— Потому что я думаю, что ты выбрала не ту профессию, Элеонора. Хирургия-это не то место, где нужно строить карьеру молодой девушке. Любая другая специализация. Для тебя вообще лучше педиатрия. Но не это.

— Почему ты так думаешь? — я нахмурила брови. — Неужели у меня так плохо получается?

— Ну, не то, чтобы очень плохо. Но у женщин хуже с реакцией и ты не можешь этого отрицать. Иногда ты не в состоянии принять самостоятельно какие-то решения. Нет, я видел твои операции. И некоторые из них были просто блестяще проведены. Одна та история с разорванной селезенкой чего стоила.

— Ты видел? — мои брови взлетели вверх.

— От начала и до конца. Но это не меняет моего мнения.

— Все равно. Я не уйду. И буду работать там. Тебе на зло, — упрямо сказала я мужчине.

— Я знаю, — он склонил голову в бок. — И, как бы это странно не звучало, даже очень надеюсь на это.

Я Пользуясь минуткой откровенности этого мужчины, я решила вытянуть из него все. И первым стоял самый интересующий вопрос не только меня, но и всего нашего отделения.

— Маркус, почему ты живешь в больнице?

— Потому что я боюсь, что как только покину отделение, там начнут умирать люди, — попытался отшутиться мужчина. Но поняв, что у него это не получилось, он вздохнул. — Да дурацкая, нелепая ситуация. Нашел свою жену в постеле с каким-то молодым парнем. Но, если быть откровенным до конца, с моих плеч рухнула огромная груда камней и я испытал облегчение. Поговорив с ней, мы поняли, что лучше расстаться без истерик и ссор, тем более, что у нас маленькая дочь. Квартиру оставил им, а сам вот ушел. Не было времени найти себе новое жилье и пришлось довольствоваться тем, что стоит в моем кабинете. И я так завидовал тебе, когда ты беззаботно спала на этом шикарном диване в ординаторской, ты не представляешь. Порой хотелось предложить тебе поменяться.

Казалось, это случайность, что наши ситуации были так похожи. С кем не бывает? Но все равно, для меня это было странно, что мы оказались прикованны к больнице по одинаковым причинам.

— А у тебя что случилось, не расскажешь?

— Абсолютно такая же ситуация, — не было причин скрывать от него это. — Нашла парня в постеле с девушкой. Но я девушка, мне можно эмоционально собрать вещи и уйти, громко стукнув дверью.

Больше об этом мы не разговаривали. Но темы для разговора появлялись сами собой. Например, путешествия. Сама я была мало где, только в Греции и Италии, ну еще в Сочи. А Марк объездил всю Европу и очень увлекательно рассказывал о особенностях этих стран. А я ведь даже и не знала, что во Франции расположено 28 объектов культурного наследия ЮНЕСКО, что в Австрии находится самое большое в Европе кладбище, а у Испании есть владения за пределами Европы: Канарские острова и два города на африканском континенте: Сеута и Мелилья. И у меня в голове не укладывается, когда он успевал туда ездить, если все время работал. О чем я у него и спросила.

— Ну не утрируй, я не все время работал, — рассмеялся мужчина. — Тем более, Европа не очень большая. От Мюнхена до Парижа чуть больше 800 километров. А это ночь езды на машине. Не так уж и много, на выходных можно смело съездить.

— Круто, — вздохнула я. — У нас же на выходных можешь максимум съездить в Дивногорск, прогуляться по набережной.

— Пожалуй, соглашусь с тобой. Но это все потому, что мы очень удалены от европейской части страны. Если бы мы жили, скажем, в Воронеже, то можно было бы съездить и в Белгород, и в Курск, и в Липецк.

— И что там красивого?

— Ну не скажи. Ты была там? — я отрицательно покачала головой. — Если честно, я тоже не был. Но уверен, что там тоже можно что-нибудь найти.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Потом разговор как-то плавно сполз на школьные годы чудесные. Я призналась, что в школе была хулиганкой, отвратительно училась и отказывалась носить юбки. А еще показала фотку с выпускного в девятом классе, от которой Марк рассмеялся так громко, что на нас

стали оборачиваться. Эта фотография была мною нежно любима и кочевала из телефона в телефон, когда я их меняла. На ней были счастливые пятнадцатилетние выпускницы, в красивых платьях и с прическами. И я. В старых джинсах, отцовской спортивной куртке, руки в карманах, насуспенный взгляд исподлобья. Я со смехом вспоминала, что маму тогда чуть удар не хватил, а классный руководитель сказала, чтоб в таком виде я в ресторан не заявлялась. Надо сказать, это единственная фотка с того выпускного. Причины того своего поведения я даже и вспомнить не могу сейчас. Возможно, таким образом я выразила протест против чего-то. А вот против чего это загадка. Хотя мама помнит. Надо узнать будет у нее, освежить память.

— Да уж, — отсмеявшись, сказал Марк. — А в ресторан ты в итоге попала?

Неа, — ответила я, помешивая коктейль трубочкой. — Мама сказала, что я уже отгуляла свой выпускной. И мне было даже не обидно. Я не очень любила своих одноклассников.

Мы сидели в ресторане почти до самого закрытия. Потом Марк бесконечно долго вез меня до дома по непонятным улицам. Сомневаюсь, что это была прямая дорога до дома Марго. Наконец, он мягко припарковался около подъезда и повернулся ко мне.

— Спасибо тебе.

— За что? — я удивленно вскинула брови.

— За этот вечер. Мне давно уже не было так спокойно и легко. В последнее время постоянно какие-то проблемы, заморочки, и сегодняшний вечер явно выделяется из моих обычных вечеров.

Я не знала, что ответить на это. Сегодня этот мужчина раскрылся мне абсолютно с другой стороны. Он был очень милым, обходительным и постоянно улыбался, от чего у него на щеках появлялись ямочки. Его серые глаза внимательно наблюдали за мной, будто пытаюсь найти во мне ответ на кой-то сложный вопрос. И мне это было приятно. Я поймала себя на мысли, что не хочу, чтоб этот вечер заканчивался. Хотелось долго-долго вот так сидеть с ним в машине и разговаривать. А еще лучше, прижаться щекой к его груди. Почувствовать его дыхание на своих волосах. И руки на своей талии. И прежде чем поняла, что делаю, я резко потянулась к Марку и прижалась губами к его губам. Марк мгновенно сориентировался, притянул меня к себе за талию и ответил на поцелуй. Между нами будто прошел разряд тока. Горячее дыхание мужчины будоражило кровь и мысли. Голова закружилась, ноги стали ватными, а внизу живота бабочки пытались вырваться наружу. Обняв мужчину за шею, я сильнее прижала его к себе. Он оторвался от моих губ, дорожкой коротких жарких поцелуев пробежался по шее до чувствительного местечка до уха и прошептал:

— Элеонора, пожалуйста, иди домой...

Я ухмыльнулась. Мозг тут же включился и я поняла, что надо уносить ноги. А то еще поддамся слабости и отдамся Маркусу на заднем сиденье автомобиле. Я с почти со скрипом оторвала руки от шеи Марка, открыла дверь и бросила на него прощальный взгляд. В темноте было не видно выражение его лица, я могла лишь разглядеть влажно поблескивающие глаза и слегка поджатые губы. Я отвернулась и выпрыгнула из этой машины-монстра. Не успела я закрыть дверцу, как автомобиль взревел и рванул из двора. Да уж, замечательное окончание... Чего? Свидания? Дружеской встречи коллег? Кто мы друг другу? Кажется, я окончательно запуталась. Но одна я поняла точно. Мой заведующий мне был абсолютно не безразличен.

Придя домой, я на цыпочках, чтоб не разбудить спящую Маргошу, пробралась в свою

комнату, стянула вещи и тут же уснула глубоким сном без сновидений.

Проснулась я от страшного грохота. Подняв голову, я поняла, что дом не рушится, за окном не стреляют, а на часах только половина седьмого. Я сползла с кровати, натянула длинную футболка и побрела на источник шума. А это был никто иной, как Маргарита, которой срочно с утра понадобилось кофе, а молотые зерна закончились. И она решила молоть кофе на старинной дребезжащей кофемолке именно с утра. Я подошла к этому электрическому исчадию ада, выдернула его из сети и с несчастным видом плюхнулась на диванчик.

— Ой, прости, Эл, я тебя разбудила? — с наигранным удивлением спросила подруга. — У тебя совершенно невыспавшийся вид!

— Подруга, ты переигрываешь.

— Где ты была всю ночь? — ее голос уже был гневным. — Я волновалась, почти не спала. Могла бы хотя бы позвонить.

Маргоша отвернулась от меня, засыпала кофе в турку и поставила ее на огонь. Затем достала из холодильника ветчину и творожный сыр и принялась делать сендвичи. Я же сидела на диване, закинув ноги на стул и накручивала растрепанный локон на палец.

— Просто вчера так все неожиданно получилось. Маркус предложил подбросить меня до дома, но перед этим мы заехали в одно место, затем в ресторан...

— У вас что, было свидание? — она резко ко мне повернулась, а в ее взгляде плескалось уже не злость, а любопытство. — И ты молчала? Рассказывай, я хочу знать все!

— Нечего рассказывать, — поморщилась я. — Да, все было нереально круто. Мы много разговаривали и бла бла. Но в конце он повел себя очень странно.

— Как он себя повел? — Маргоша повернулась обратно к рабочей поверхности и продолжила готовить завтрак.

— После того, как он довез меня до дома, мы целовались. Но минут через пять он отправил меня домой, а сам так быстро стартанул со двора, что я едва успела закрыть дверь. Маргош, что бы это значало? Ты же нас искушенная женщина, объясни неразумной девчонке, — Марго повернулась, чтоб поставить тарелку с бутербродами на стол и наткнулась на мои грустные глаза.

— Элли, он просто не хотел поддаваться соблазну, — разъясняла мне подруга, между делом наливая в кружку себе черный, ароматный кофе, а мне зеленый чай, — он взрослый мужчина, а ты для него еще девчонка. Может быть он на секунду забыл, а потом вспомнил, что ты его подчиненная, а он не в восторге от служебных романов. Но я настаиваю на искушении. Не забивай пока что себе этим голову, Эл. Ты только рассталась с парнем, живи и радуйся.

И Марго шумно отхлебнула кофе, сладостно зажмурившись. Да, в чем-то я была согласна с подругой, я ведь только рассталась с Игорем. Надо привести в порядок здоровье, мысли, решить проблему с жильем. Не могу же я у нее жить до скончания веков. Но потом в голову ввинтились воспоминания о горячих губах Маркуса. И я поймала себя на мысли, что хочу еще. Марго смотрела на меня так внимательно, что казалось, читает мои мысли. Я даже покраснела от ее взгляда.

— Чего ты так пялишься? — спросила я у подруги, прячась лицо за кружку чая.

— Эл, я сегодня до обеда на работе, — она проигнорировала мой вопрос. — Как на счет того, чтоб пробежаться по магазинам? Я же знаю, что у тебя выходной сегодня, так что ты не

отвертись.

— Почему бы и нет, — пожалала я плечами, — давай я заеду за тобой после смены. Ты же до двух?

— Да. Но я тебе еще позвоню предварительно.

Марго быстро допила кофе и побежала собираться. Судя по ее повизгиваниям, я поняла, что она опаздывает. Вот всегда она такая. До последнего расслаживается, а потом носится вся в мыле в поисках колготок.

— Эл, я пошла! Люблю тебя, — крикнула мне подруга уже из прихожей и хлопнула дверью. Я сладко потянулась. Давно я не была дома одна и не наслаждалась этой блаженной тишиной. Убрав тарелку и чашки в мойку, я прошлась по квартире, размышляя, с чего же начать свой выходной. Так, сначала уборка, потом готовка, потом поваляемся в ванной. Идеальный расклад. И я направилась к музыкальному центру, который стоял в гостиной. Самое примечательное в этом центре было то, что колонки от него располагались в каждой комнате, даже в ванной. Это было очень удобно и позволяло слушать музыку буквально везде на обычной громкости. Включив своих любимых Би-2, я напевая пошла в ванную, планируя начать уборку с вытирания пыли. Вытерев пыль везде, где только смогла, я убрала вещи по своим местам и помыла полы. Пройдя на кухню, я открыла холодильник. Надеюсь, моя подруга буде рада овощному рагу. Готовить я умела и любила. Вот только делать это приходилось крайне редко. Во-первых, из-за загруженности на работе. Иной раз я просто приходила домой, раздевалась и падала в постель. Хорошо, что сейчас была Марго, которая с удовольствием брала эту обязанность на себя. Но раньше я жила с Игорем и его не прельщало есть пельмени и вареники. Поэтому приходилось вставать и готовить любимому. Я закинула овощи в сотейник, поставила огонь поменьше и взяла в руки телефон. Проведя пальцем, я открыла сообщение. "Без тебя на работе невероятно скучно, никто и слова наперекор не скажет". Я улыбнулась. Хоть номер и был неизвестный, я прекрасно знала, кто отправитель этого сообщения. Быстро набрав ответ "Ничего, завтра оторветесь", я отправила и кинула телефон на диван. Но он тут же пиликнул, сообщая о входящем сообщении. Но на этот раз была Марго "Прости, бубличек, сегодня после работы я с Максом. По магазинам в другой раз:*".

"Мне же лучше, мой выходной будет полноценный:)" был мой ответ ей. На самом деле, по магазинам не очень хотелось. Мне нужно было просто лечь на кровать, взять в руки книжку и читать до тех пор, пока глаза не станут закрываться. Но я не могла отказать Марго.

Рагу уже было готово, поэтому я отключила плиту и пошла в свою комнату. Встала я очень рано, поэтому мне просто необходим был сон. Я легла на кровать и уснула, немного поворочившись перед этим.

И вот наступило утро моего понедельника. Личного. Не важно, что за окном был четверг. Я сидела в ординаторской, попивала чай и пыталась вчитаться в газету. За окном лил дождь, от которого настроение портилось окончательно. Как я провела остаток выходного? Не помню. Я проснулась, поела и опять уснула. И потом еще два так. Не помню, как пришла Марго, хотя она мне явно пыталась что-то рассказать. Не помню, как разговаривала по телефону со Стасом, который обещал меня сегодня забрать с работы, как оказалось. Он напомнил мне об этом сегодня в смс. Да, я опять без машины. Маргарите срочно понадобилось сегодня ехать после работы к маме в деревню, поэтому она отвезла меня до моей больницы, помахала ручкой и отчалила.

В ординаторскую ворвался Петька. Немного осунувшийся, но все равно сияющий, как начищенный пятак. Он подошел и тряхнул рыжими волосами прямо на меня, орошая роем прохладных брызг.

— Элси, дорогая, я так скучал, — он прижал мою голову к своему животу, едва меня не задушив. Что вообще за мания у моих друзей обнимать меня до удушья? — Как ты тут без дяди Пети, не сошла с ума?

— Петька, я скучала по тебе, только отпусти меня, молю, — прохрипела я другу в живот.

Он рассмеялся и выпустил меня из своих железных тисков, которые он называл руками. Я почувствовала тяжелый взгляд на себе, обернулась и увидела внимательный взгляд Маркуса.

— Доброе утро, коллеги, — поприветствовал он всех. — Доктор Хайц, пройдите ко мне в кабинет. Надо поговорить.

— Может потом? У меня сейчас обход.

— Сейчас, — в голосе заведующего звенел металл. Я недоуменно посмотрела на Петьку, будто ища ответа на свой вопрос. Петька же только пожал плечами. И я направилась вслед за Маркусом. Пройдя в кабинет, он рукой указал мне на стул, кинул передо мной лист А4 и спросил:

— Что это, Элеонора?

Я недоуменно бросила взгляд на лист бумаги. Черные буквы складывались в слова, а слова в список имен и фамилий. Очередь на трансплантацию. Все-таки Марина Владимировна сделала это.

— Почему ты в очереди на трансплантацию? — почти прорычал он — Кто тебя вообще поставил в эту очередь без моего ведома? С чего ты взяла, что тебе она нужна? Элеонора, — он присел передо мной на корточки и взял мои ладошки в свои, — я хочу знать. Судя по твоим последним анализам, твое сердце со своей работой еще справляется.

— Ты смотрел мою карточку? — вспыхнула я.

— Да. Прости. Еще раз спрашиваю, кто тебе сказал, что нужна пересадка?

— Скворцова.

— Элеонора, ты серьезно? Врач функциональной диагностики? Почему ты не могла подняться на седьмой этаж к заведующей или хотя бы подойти ко мне? Ты же врач, ты же должна знать, что нужно хотя бы сделать томографию и ангиографию. Давай сделаем так, — он поднялся на ноги, хрустнув суставами. — Я договариваюсь с другом из Центра ядерной медицины и мы едем на томографию. Я звоню Чащиной и она на ближайшее время записывает тебя на ангиографию. И потом мы уже смотри по результатам. Хорошо? Хорошо, — ответил он за меня. — А сейчас иди, у тебя обход. Он отвернулся и уткнулся в какие-то бумаги, показывая всем своим видом, что разговор закончен. Я же была в полном шоке.

— Нет, не хорошо, Маркус Эрнестович, — вскочив со стула, я уперлась руками об стол и наклонилась к мужчине, старательно пытаясь пробуравить его глазами. — Я сама буду решать, как и что мне делать. Ясно вам? И вы мне не указ.

Кажется, он опешил от моего дерзкого взгляда и уверенного тона голоса. Опасно прищурился, он сложил руки на груди и кивнул.

— Хорошо, Элеонора.

Я удивленно вскинула брови. Это оказалось так просто?

— На пересадку разрешения не дам, пока не будет результатов ПЭТ. Разговор окончен.

Сквозь зубы прошипев ругательство, я стукнула кулаком по столу и выскочила из кабинета, тяжело дыша. Я сказала, что было просто? Как же я ошиблась.

Рабочий день пролетел на одном дыхании. Взбешенная утренним разговором, я была под напряжением целый день, то и дело ловя недоуменные взгляды Петьки и напряженные Маркуса. Друг несколько раз пытался со мной заговорить, но после того, как я рыкнула на него третий раз, он обиженно нахмурился и оставил эти попытки. Мне было стыдно, но я ничего не могла с этим сделать. Я даже не до конца понимала, почему раздражаюсь и сержусь. Маркус был прав по всем статьям, надо было сделать еще обследования, прежде чем действовать так радикально. А я опять повела себя не профессионально, пошла на поводу у эмоций. Рубанула с плеча. Послушалась узиста, смех, да и только. Сейчас то я понимаю, что не смотря на то, что у Марины Владимировны опыт ого-го какой, она даже не кардиолог и не могла давать мне такие рекомендации, а уж тем более ставить на очередь. А я понимала, что утром была не права и от этого злилась еще больше. Я гоняла эти мысли в своей голове до самого вечера, да так усердно, что у меня разболелась голова. К концу рабочего дня мне уже было невероятно стыдно за свое поведение. На столько стыдно, что я была готова слезно просить прощение. Перед всеми. Даже перед пациентом из пятой палаты, за то, что пальпировала его холодными руками.

С работы я вышла замученная, какая-то растрепанная, с огромной головой и красными глазами. Стас задерживался на работе, поэтому добираться до дома мне сегодня предстояло своим ходом. И я решила прогуляться. Любимая музыка, пару литров какао и полтора часовая прогулка до дома. Думаю, это то, что мне сейчас так необходимо.

Вставив наушники и включив новый альбом Ragamogé, я взяла курс на свое жилище. Но не успела пройти и пару десятков шагов, как меня остановила твердая рука на моем плече. Обернувшись, я тяжело вздохнула.

— Маркус Эрнестович, вы что-то хотели? — спросила я, вытащив один наушник.

— Я подвезу тебя, — скорее не вопрос, а утверждение.

— Нет, не подвезете.

— Элеонора, — он устало закатил глаза. — Давай без пререкательств. Пошли в машину.

И Маркус мягко, но уверенно потянул меня в сторону парковки. Я повела плечом, стараясь сбросить его ладонь.

— Я не хочу с вами в машину, я хочу идти пешком, — заупрямилась я. И в самом деле, не хочу я. Хочу гулять. — Почему вы все время указываете мне, что мне делать? Как маленькому ребенку. Вот вы сами и езжайте на своей машине, а меня оставьте в покое.

Я непроизвольно повысила голос и почувствовала, что на нас уже начинают оборачиваться. Меня опять затопило чувство стыда. Черт, а ведь я правда веду себя как ребенок, какого еще отношения я должна ждать.

— Хорошо.

Я уже подумала, что он оставит меня и пойдет себе с миром, но нет. Маркус надел кожаную куртку, которую держал в руках, сунул ключи от машины в карман и посмотрел на меня.

— Ну что, пошли тогда пешком.

Тут мне уже нечего было сказать. И я пошла вперед, стараясь не обращать внимания на мужчину рядом. Его, кажется, это совсем не смущало. Он что-то насвистывал себе под нос и спокойно вышагивал рядом со мной. Я изредка бросала на него косые взгляды и пыталась

понять, что же в голове у этого мужчины. Его внимание ко мне больше похоже на какую-то гиперболизированную опеку. Не хотелось думать, что это только из-за моей болезни. Потому что на сколько бы я не сопротивлялась, мне нравился этот мужчина. От него волнами исходила уверенность, сила и сумасшедший поток энергии, который заряжал все вокруг. Задумавшись, я не заметила, что мой взгляд на нем задержался дольше, чем положено. Маркус заметил это и улыбнулся.

— Элеонора, я же вижу, ты что-то хочешь сказать.

— И ничего я не хочу, — буркнула я себе под нос.

— Знаешь, такое ощущение, что у меня появился еще один ребенок, — рассмеялся он и прижал меня к себе за плечи.

— Почему? — я прижалась к мужчине, заглядывая в глаза.

— Ну, Маруся тоже иногда себя так ведет. Ломается и набивает цену, чтоб я немного ее поупрашивал. Это забавно, если честно.

— Маркус, так поступают женщины.

— Послушай, женщина, давай, что бы не было больше такого. Я отвожу тебя домой и точка.

— Я сама отвожу себя домой.

— Ну, значит я буду и забирать тебя из дома, чтоб потом увозить обратно.

Я бы могла еще немного посопровивляться, но уже знала, что победа опять будет на стороне Маркуса.

— Зачем тебе это? Ну, возиться со мной и все такое.

— Эля, — мужчина закатил глаза и рассмеялся. — Ты чудо. Ты не против поужинать со мной, кстати? Я голодный как волк.

Ответа на свой вопрос я так и не получила. А жаль. Мне так хотелось услышать, что Маркус что-то испытывает ко мне. Как известно, женщины любят ушами. Хотя я и так вижу, что я ему не безразлична. Не могу не видеть. Судя по тому, как вспыхивают его глаза, когда он разговаривает со мной, становится сразу все ясно и понятно. Думаю, он видит тоже самое, потому что я тянусь к этому мужчине всеми фибрами души. Хоть и пытаюсь сопротивляться. Глупая.

Мы зашли с ним в первое, попавшееся по дороге кафе, оказавшееся очень даже приятным местом. Свет в зале был немного приглушен, а столики были отгорожены друг от друга ширмами. Сделав заказ, мужчина подождал, пока я определюсь со своим. Откинувшись на спинку кресла, он скользил по мне взглядом, внимательно разглядывая. Щеки вспыхнули, я смутилась.

— Ты так смотришь на меня...

— Как?

— Жадно.

— Так и есть, — согласился со мной Маркус, улыбнувшись уголками губ. — Иногда мне кажется, что я уже больше не смогу держать себя в руках.

Это было странно. Это было необычно. Это было до жути приятно. Я, сама того не понимая и не осознавая, сравнивала Маркуса с Игорем. Мой бывший молодой человек за три года отношений не посмотрел на меня таким взглядом, каким сейчас разглядывает меня мужчина, сидящий напротив. Да что там, если бы я начала упрячиться и отказываться садиться в машину, он бы плюнул и поехал один.

Ели мы молча. Маркус о чем-то напряженно думал. Как я это поняла? Между его бровей

пролегла складка, которая появлялась в минуты раздумий. И я с удивлением поняла, что заметила эту и еще много других мелочей, связанных с ним.

— О чем ты думаешь? — не выдержала я. И я указала, прочертила кончиком пальца между своих бровей. — У тебя морщинка появляется вот тут. Ну, так о чем?

— Да так, глупости всякие. Слушай, давай вернемся к больнице и заберем мою машину. На улице уже холодает, а ты в тонкой кофте. И еще я бы хотел забрать Машку. Съездишь со мной?

— Конечно.

Я очень хотела еще раз увидеть хорошенькую дочку Маркуса. Эта маленькая болтушка понравилась мне с первого взгляда.

Разговаривая о всяких пустяках, мы закончили ужин и вышли на улицу. В воздухе витала весенняя прохлада, пробираясь под кофту и холодя руки. Я поежилась и обхватила себя руками. Марк заметил этот мой жест, без лишних слов снял с себя куртку и накинул мне на плечи, оставаясь в одной светлой рубашке.

— Не надо, ты же замерзнешь, — попыталась протестовать я, при этом блаженно вдыхая запах, идущий от куртки, который окутал меня с головой.

— Если ты будешь быстро перебирать ножками, то не замерзну.

Он взял меня за руку и мы пошли обратно к больнице, от которой, к счастью, отошли не так уж и далеко. И дошли даже быстрее, минут за двадцать. Забравшись в машину, я прикрыла глаза и начала неистово втягивать воздух носом. Пахло им, Маркусом. Я немного фетишистка на запахи, которые мне нравятся. Мужчина завел машину, и мы поехали за его дочкой.

Его бывшая жена, Лена, жила за городом, в большом двухэтажном доме, обнесенным высооченным забором. Я так поняла, что раньше они жили там втроем, всей семьей. Но после развода, Маркус, как истинный мужчина, оставил все своему ребенку. Открыв автоматические ворота с маленького пульта, он заехал на огромную парковку около дома и припарковал машину около белой спортивной иномарки.

— Ты посиди здесь, я быстро заберу Марусю и вернусь. Ладно? Пять минут.

Он чмокнул меня в нос, взял телефон и вышел из машины. Я невольно залюбовалась этим красивым мужчиной, который уверенной походкой шел к дому.

Прошло уже минут пятнадцать, как я сидела в машине и листала ленту Инстаграмм. Ничего интересного там, как обычно, не было. Откинувшись на сиденье, я начала разглядывать ухоженную придомовую территорию, где только-только начали просыпаться от зимней спячки деревья. Отвлек меня звонок телефона. Звонил Маркус.

— Алло?

— Эль, мне срочно нужна твоя помощь, — раздался в трубке взволнованный голос.

Я выпрыгнула из внедорожника и поспешила в дом. То что я увидела меня не просто удивило. Мягко говоря, я охренела. Прихожая плавно перетекала в огромную гостиную. На белом кожаном диване лежала женщина без сознания. По черным волосам я опознала Елену. Небольшой столик был заставлен разнообразными полупустыми бутылками, какой-то закуской и картонными упаковками лекарств. Маркус стоял к ней спиной и что-то смешивал в литровой банке с водой. Машенька была там же, маленькая и заплаканная, она сидела в большом кресле, прижав к себе серого медвежонка.

— Эль, забери Машку и иди с ней на кухню, — попросил Маркус, не отрываясь от своего занятия.

Я подошла к девочке и протянула к ней руки.

— Привет, маленький. Помнишь меня? — девочка неуверенно кивнула, вытирая слезы кулачками, — Пойдем, покажешь где у тебя можно попить водички, а?

— А мама, с ней все будет хорошо? — еле слышно спросила Маша.

— Конечно, с ней все будет хорошо. Иди ко мне на ручки.

Я прижала ребенка к себе и пошла, искать кухню. По звукам, раздававшимся из гостиной, я понимала, что Маркус чем-то промывает женщине желудок, а она пытается сопротивляться.

Кухню искать долго не пришлось, она как-то неожиданно вынырнула из-за угла. Огромная, белая, стерильно-чистая, она блестела хромированными элементами. Усадив Машу на высокий стул, я попыталась как можно веселее разговорить ее. Но опыт общения с маленькими детьми у меня сводился практически к нулю.

— Мама много плакала сегодня, — неожиданно начала говорить девочка, — потом начала пить. Она с кем-то разговаривала по телефону, ругалась и кричала. Я очень испугалась и хотела позвонить папе, но мама разбила свой телефон об пол. Я плакала, но она вообще не смотрела на меня, а когда хотела ее обнять — оттолкнула. Она пила, пила и потом уснула. Я хотела разбудить ее, но она не просыпалась.

— Все хорошо, Машенька, — я обняла ребенка и прижала к себе, поглаживая растрепанные кудряшки, собранные в небрежный хвостик, — ты же знаешь, что папа доктор, он обязательно вылечит твою маму.

На кухню зашел Маркус, устало потирая виски.

— Папа! — девочка тут же кинулась к мужчине и прижалась к его ноге. Он взял ее на руки и поцеловал в щеку.

— Эля, сейчас должна приехать бригада, подожди их, пожалуйста, в гостиной. Я соберу Машкины вещи, и мы поедем. Прости, что мне приходится тебя об этом просить.

— Все хорошо, Маркус. Ничего страшно.

— Спасибо тебе, — он как-то виновато мне улыбнулся.

Елена уже не лежала на диване бездыханным кулем. Глаза ее были открыты, она смотрела куда-то в одну точку. Мне стало немного неловко, но я не могла покинуть эту комнату. Я села в кресло и с преувеличенным интересом стала рассматривать дорогую обстановку вокруг меня.

— Кто ты? — раздался хриплый голос с дивана. Затем женщина повернула голову и окинула меня пустым взглядом. — Ааа, я помню тебя. Ты с его новой работы. — она снова вернула взгляд в потолок. — Тебе повезло, детка. Марик прекрасный человек. Держись за него. Жаль, что я поняла это слишком поздно. Я никогда его не ценила. Не понимала, как мужчина может во всем угождать женщине. И видишь, как получилось. Изменила ему с его другом, позарилась на... Да даже не знаю на что, ведь он по всем параметрам проигрывал Марику. И в итоге потеряла и Марика, и Сергея. Осталась одна в этом огромном доме, никому не нужная.

— У вас же есть ребенок, — неуверенно вставила я.

— Ха, ребенок. Машка безумно любит своего отца. Она такая маленькая, но мне кажется, что ей уже в тягость мое присутствие в ее жизни...

Договорить ей не дали. Раздался звонок в дверь. Я подошла и увидела на небольшом экранчике двух мужчин в белых халатах. Интуитивно нажала на кнопку, калитка открылась и они прошли на территорию дома. Через минуту они уже были в доме. Как раз в этот момент

спускался Маркус со второго этажа.

— Вы от Алексея Викторовича? — спросил он мужчин и получил положительный ответ. Маркус отдал мне Машу, подошел к дивану, сел на корточки и взял Лену за руку. — Лена, ты же понимаешь, что так надо? Это пойдет тебе на пользу.

Женщина нехотя поднялась с дивана и попыталась улыбнуться.

— Спасибо, Марик. Правда. Ты самый прекрасный человек. Жаль, конечно, что ты так вовремя приехал. Ну что, мальчики, поехали?

Она взяла протянутую сумку, видимо, с вещами и пошла за мужчинами в белых халатах. Уже около двери она обернулась и посмотрела на меня.

— Удачи. Не обижай их и не повторяй моих ошибок.

И вышла. Маркус непонимающе посмотрел на меня, но спрашивать ничего не стал.

— Пойдем, Эля, уже поздно очень.

Он выключил везде свет, взял большую сумку с вещами девочки и пошел к выходу. И я пошла за ним. Машка, обняв меня за шею, уже клевала носом. Время уже было часов десять, неудивительно, ребенку уже спать пора.

Маркус уже прикрепил детское кресло на заднее сиденье машины. Взяв у меня засыпающую девочку, усадил ее в кресло и поцеловал в лобик, погладив по волосам. Девочка сонно улыбнулась.

Вопросов чтоб отвезти меня домой даже не возникло, поэтому я даже не удивилась, когда мы остановились около высокой новостройки.

— Возьмешь сумку? Она не тяжелая. А я возьму Машку, она уже уснула. И возьми у меня ключи из кармана.

Поднявшись на лифте на седьмой этаж, я открыла дверь, запустила вперед Маркуса с девочкой на руках, затем зашла сама. Квартира была очень милая, чистая, хоть и какая-то полупустая. Необжитая. Пока я разувалась и оглаживалась, мужчина снова появился в прихожей.

— Проходи, не стесняйся. Надеюсь, ты не против, что мы приехали ко мне? Если честно, я только сейчас понял, что не отвез тебя домой. Я вызову тебе такси, но только немного позже, ладно? Побудь немного со мной.

Мы прошли на кухню, и Маркус устало опустился на высокий стул. Я подошла к мужчине, обняла его и чмокнула куда-то около уха. Он же обнял меня за талию и притянул к себе.

— Устал? — я легко провела по его волосам рукой, пропуская их сквозь пальцы.

— Безумный день. Эль, в холодильнике должно быть что-то выпить. Составишь мне компанию?

— Без проблем.

В холодильнике обнаружилась бутылка вина, сыр и шоколадка. Бокалы висели на специальном держателе. Маркус ловким движением откупорил бутылку и разлил красное, ароматное вино по бокалам. Сделав маленький глоток, я закинула в рот кусочек горького шоколада.

— Расскажешь, что это было? — спросила я у мужчины.

— Дурацкая ситуация. Прости, Эля, я не думал что так получится и тебе придется увидеть это. У Лены всегда была болезненная тяга к алкоголю, она никогда не видела меры. После рождения Машки она немного поутихла, занялась ребенком, и я уже подумал, что все налаживается. Но в какой-то момент, упущенный мной, она снова начала пить. И все стало

еще хуже, чем было до рождения Маши. Когда мы развелись, это усугубилось, хотя казалось бы, куда еще больше. Сегодня Лена помимо алкоголя выпила еще и какие-то таблетки, так и не призналась какие. Это мы с тобой еще очень вовремя приехали, она уже отъезжать начала. Когда она пришла в себя, я уговорил ее лечь в лечебницу. Есть у меня один хороший знакомый, глав. врач такой больнички. Ну, я ему и позвонил, он отправил своих мальчиков. Вот и весь рассказ.

— А потом что будет?

— Не знаю. Но Машку я ей уже не отдам. Знаешь, я сначала думал, что девочке будет лучше с мамой, тем более, что я очень много работаю. Я надеялся, что Лена изменится, начнет больше внимания уделять дочке. Когда я приезжал к ним, то все было хорошо. Да и Машка молчала о том, что мама много пьет.

— Может быть, Лена хочет, чтоб ты вернулся к ней? Может она страдает и из-за этого много пьет?

— Ну, нет, Элечка. Лена всегда любила выпить и дело тут не во мне. Да и как я могу вернуться к человеку, которого не люблю. Я устал от нее.

Я молча крутила бокал с вином.

— Маркус, а так всегда получается?

— Ты о чем?

— Не бывает такого, чтобы раз и навсегда?

— Ну почему же, бывает. Вот твои родители, они же вместе? Просто отношения зависят от обоих партнеров. И когда один старается, а другой нет, то ничего хорошего из этого не выходит.

— Жаль, что нельзя это сразу узнать, когда познакомишься с понравившимся тебе человеком, — вздохнула я.

— Да, действительно, — согласился со мной Маркус. — Но это жизнь. От этого она только интереснее. И, допустим, если бы я не встретил Лену, то у меня бы не было Машки.

— Ну значит была бы Кристина, а не Маша, — улыбнулась я.

— Дай угадаю. Ты хочешь дочку назвать Кристина?

— Угадал.

Так за разговорами мы прикончили бутылку вина. Отвлекла нас вибрация мобильного, идущая откуда-то из прихожей. Моего мобильного, я точно помню, как включила виброрежим.

— Алло, — я старалась говорить как можно тише, чтоб не разбудить Машку.

— Элеонора Хайц, я тебе убью когда-нибудь, — заорала Марго. — Ты где?

— Маргош, не кричи, — попыталась успокоить подругу.

— Да как я могу не кричать, если ты так безобразно себя ведешь. Почему так сложно предупредить? Когда дома будешь?

— Немного позже. Я завтра все расскажу тебе, — я еле слышно охнула в трубку от того, что мне на талию приземлились горячие ладони, а на макушку колючий подбородок.

— Что там? — почувствовала неладное Марго. — Ты где вообще?

— Маргарита, все. Позже, я расскажу тебе, но не сейчас.

— Ты у мужика что ли? Элс...

Я уже не могла говорить, потому что обжигающие, настойчивые губы начали свое путешествие по моей шее.

— Марго, не могу больше разговаривать, — едва сдерживая стон, сказала я в трубку и

отключилась. Повернувшись в его руках, я заглянула в глаза Маркусу. Он только сильнее сжал мою талию, прижал к себе и накрыл мои губы своими, целуя так мягко и нежно, но в тоже время страстно и дерзко. Мои руки захлестнули его шею, и я начала с упоением отвечать на его поцелуй. Разум абсолютно отключился, я забыла про все. Даже про то, что где-то совсем недалеко спит его маленькая дочь. Я хотела только того, чтоб его губы и руки не останавливались. Хотелось кричать от нахлынувшего наслаждения. Мои пальцы уже быстро-быстро расстегивали пуговицы на его рубашке и вот они уже запутались в курчавой растительности на его груди. Мой джемпер уже был где-то на полу, ремень и ширинка расстегнуты, а его руки скользили по моей спине в томной ласке.

— Нет, здесь нельзя, насколько бы мне не хотелось, — прошептал он мне в губы. Подхватив меня на руки и заставив обхватить ногами за талию, он пошел вглубь квартиры, не переставая меня целовать. Оказавшись в спальне, он бережно положил меня на кровать и улыбнулся абсолютно крышесносной улыбкой. И все, мир померк. Остались только я и он.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь. Пошарив рукой позади себя, я наткнулась только на пустоту. Снова закрыв глаза, я вспомнила прошедшую ночь. В груди возникло приятное, тягучее томление и я улыбнулась. Маркус был безумно нежный и ненасытный. Уснули мы уже когда начало светать. Да и то, уснула я, а Маркус еще что-то долго нашептывал мне в затылок и накручивал мой локон на палец. Вскочив с кровати, я осмотрела комнату, в которой ничего не находилось, кроме огромной кровати из темного дерева и двух прикроватных тумбочек. Вещи лежали тут же на тумбочке, аккуратно сложенные. Правда, среди них я не обнаружила своих трусиков, видимо, заброшенных куда-то в порыве страсти. Ну да ладно. Натянув джинсы и джемпер, я выглянула за дверь. Светлый коридор с темными плинтусами, еще одна дверь напротив. Дальше была еще одна дверь. Сколько же тут комнат? Как партизан, заглянула за угол и нашла, то что искала. Ванная. Тенью проشمгнув туда, я аккуратно прикрыла дверь и посмотрела на себя в зеркало. На меня смотрела встрепанная светловолосая девушка, зацелованная и счастливая. Глаза горели как у кошки. Я провела пальцем по нижней губе и улыбнулась. Умывшись и собрав волосы в хвост, я вышла из ванной и пошла на кухню. Оперевшись об косяк, я с улыбкой наблюдала чудесную картину. За столом сидела Машенька и ела кашу, что-то рассказывая мужчине, который стоял к ней спиной и варил кофе. Он был в темной футболке и длинных джинсовых шортах, с растрепанными волосами, такой весь милый и домашний. Обернувшись, он увидел меня. Его серые глаза вспыхнули и он улыбнулся.

— Уже проснулась? Я думал, ты будешь спать до обеда. Будешь завтракать?

— Конечно, буду, я голодная как зверь!

Я подошла к нему и потерлась щекой об крепкое, смуглое плечо.

— Что на завтрак?

— Я бы предложил тебе кое-что другое, но увы, — он стрельнул глазами на девочку, которая как ни в чем не бывало продолжала есть кашу. — Так что только бутерброды и кофе. Есть еще чай.

Я сделала себе чай, достала из холодильника ветчину и сыр, порезала хлеб. Затем мы вместе уселись за стол. Это было так мило, по-семейному приятно. И тут ко мне пришло озарение. Я даже вскочила, едва не опрокинув стул.

— Маркус! Надо же на работу!

— Эля, — рассмеялся мужчина. — Я уже позвонил и предупредил, что меня сегодня не будет. А тебя отпустил твой начальник. Он очень понимающий мужчина оказался. Сказал, что бы ты отработала на выходных.

Я приземлилась обратно на стул и улыбнулась.

— Да, начальник у меня просто чудо, согласна. Хорошо, если сегодня не надо на работу, то чем мы займемся?

— Найдем чем, не переживай. Для начала отвезем Машку к моей маме на пару дней. Потом съездим в Икею, надо обставить ее комнату, а то там кроме кровати ничего нет. Я так полагаю, что она задержится у меня очень и очень надолго. Ты же мне поможешь? — я с готовностью кивнула, активно пережевывая бутерброд. — Отлично. Потом надо заехать в агентство и найти Машке няню. В садик она не ходит. Так что видишь сколько дел.

— Хорошо. Только я бы хотела заехать домой.

— Хм. Хорошо. Давай тогда так. Сейчас мы собираемся, я отвожу тебя домой, потом отвожу Машку и еду обратно за тобой. Идет?

— Отлично.

— Я вернусь за тобой так быстро, что ты даже соскучиться не успеешь, — шепнул мне Маркус и слегка укусил за мочку уха, от чего по телу побежали острые мурашки.

— Верю. Пока, Машенька, — я обернулась и помахала рукой девочке.

— Пока. А мы же еще с тобой увидимся?

— Конечно, увидимся, — пообещала я ребенку и вышла из машины.

Оказавшись дома, я опустилась на скамеечку в прихожей и прислонила ладони к пылающим щекам. Все происходящее казалось сном.

— Явилась! — раздалось над моим ухом, и я подняла глаза. Маргоша стояла в дверях своей комнаты, сложив руки на груди и грозно поглядывая на меня. — Где была?

— Ох, Марго, если бы ты только знала, где я была, — рассмеялась я.

— Ну так я и спрашиваю. Господи, Эл, что с тобой? — она пристально посмотрела на меня. — Ты что, влюбилась??

— Да, Марго. Ты права, как никогда.

Я рассмеялась, на ходу чмокнула подругу и чуть ли не вприпрыжку пошла в ванную. Раздевшись, я села на бортик ванной и сунула ладонь под струю воды. Мыться не хотелось лишь по одной причине — мне казалось, что тело все еще хранит поцелуи и прикосновения мужчины. Моего мужчины. Эта мысль неожиданно пронеслась в моей голове и я поняла, что он действительно мой. И я никому его не отдам.

Наскоро помывшись, я завернулась в полотенце и пошла, искать подругу. Она лежала в моей комнате, закинув ноги на стену и разговаривая по телефону, накручивая на палец прядь волос. Заметив меня, она тут же свернула разговор.

— Все, милый, до вечера. Целую и жду встречи, — проворковала она в трубку и отключилась. — Ну, давай, выкладывай, — это уже было сказано мне грозным тоном.

— Мммм, что выкладывать? — я задумчиво рассматривала полки с вещами в поисках одежды на сегодня.

— Эл! Не беси! Где ты была всю ночь?

Я повернулась к подруге, держа в руках джинсы и серую, короткую футболку и улыбнулась. Она не злилась, а изнывала от любопытства.

— Нуу, я была у мужчины, — решила я немного поиздеваться над ней.

— У какого?

— Ох, Марго, какой же это мужчина...

— Элс, я ударю тебя! — она от нетерпения даже подпрыгнула, чем вызвала у меня приступ смеха.

— Да у Маркуса я была.

— У Маркусаааа? — большие глаза подруги стали еще больше, — У своего вот этого нового заведующего?

— Ну да, у него.

— Как это получилось? А сейчас ты опять куда? К нему? Элеонора, ну не молчи, не мучай меня.

— Да, да, Ритка, к нему, — я приземлилась рядом с подругой на диван и положила голову ей на плечо. — Я, кажется, влюбилась. Марго, это не похоже ни на что. Я с ним как

будто летаю. Это очень сложно объяснить, я не знаю, как это получилось. Просто вчера произошел ряд событий от меня независимых, и я оказалась у него дома. И это было... как-то по-другому. Марго, я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Что это все кончится. Я не хочу этого. Не хочу его терять.

Прервал нас телефонный звонок. Звонил мой телефон.

— Эль, я уже буду через пять минут, — раздался в трубке голос Маркуса. — Надеюсь, ты готова?

— Не совсем, тебе придется меня немного подождать.

— Я готов тебя ждать сколько скажешь. Эль, — позвал меня мужчина.

— Да?

— Не поверишь, но я уже соскучился. Чувствую себя пацаном, спешащим на свидание, — коротко хохотнул Маркус. — Необычные ощущения, но мне нравится.

— Я тоже, — тихо сказала я, чувствуя, как щеки заливают румянец.

— Я рад. Правда. Все, я уже подъезжаю. Жду тебя.

— Элли, у тебя сумасшедший взгляд, — заметила подруга с улыбкой.

— Да, — согласилась я с ней.

Быстро одевшись, я подсушила волосы феном, схватила длинный черный кардиган, поцеловала странно улыбающуюся подругу и побежала к Маркусу, перепрыгивая через ступеньки. Выбежав из подъезда, я сразу же попала в его стальные объятия. Он прижался губами к моей влажной макушке и провел рукой по волосам.

— Я бы стоял так с тобой целую вечность.

Но мы не могли себе этого позволить и уже через пару минут ехали в Икею. Мы долго ходили по огромному магазину, выбирая Машке в комнату компьютерный стол и стул, шкаф для вещей и всякие нужности для детской комнаты. Я бы скупила там все, что попадалось мне на пути. Множество милых ковриков, настольных ламп, всяких тарелочек, салфеточек, пледов. Я кружила по всему магазину, в полном восторге дергала его за рукав и с восторгом разглядывала милые вещицы.

— Эля, мне так нравится твоя детская непосредственность. В тебе чудесным образом сочетаются взрослая девушка и непоседливый ребенок, — со смехом говорил он.

Маркус поддался на мои уговоры и мы купили для Машки постельное белье с единорогами. Правда, он не заметил, что оно на двухспальную кровать и я уже хитро потирала руки, так как спать на нем будем мы. Мы провели там несколько часов и едва не опоздали на встречу в агентстве. Милая девушка-менеджер предложила нам несколько кандидатур. И Маркус абсолютно на полном серьезе советовался со мной, давая понять, что мое мнение ему очень важно. Договорившись о встрече с няней на завтра, мы заехали в супермаркет и около часа ходили по магазину, набирая в тележку продукты, поминутно целуясь.

Как только мы зашли в его квартиру, Маркус тут же прижал меня к себе и потащил в спальню.

— Я мечтал об этом целый день, — шептал он мне в губы, судорожно снимая с меня джинсы и я охотно поддерживала его в этих начинаниях.

Немного утолив накотившую на нас страсть, мы как были, не одеваясь, раскладывали продукты в холодильнике по полкам, целовались, кормили друг друга бутербродами и безумными поцелуями. Потом все повторилось, прямо здесь, на кухне. Но после мы все-таки

переместились обратно в спальню и повторили все еще раз.

Я лежала на его руке, слушая мерный стук его сердца и чувствуя, как его пальцы скользят по моему обнаженному плечу. Внутри все сжималось от безумной нежности. Мне до сих пор казалось абсолютно нереальным все то, что происходило со мной и с ним. С нами. Еще несколько дней назад я даже и не подозревала, что я буду вот так лежать с моим заведующим в одной постели и наслаждаться его близостью.

— Эля?

— Мм?

— А ты понимаешь, что я тебя никуда теперь не отпущу?

— В каком смысле?

— Во всех. Я хочу видеть и чувствовать тебя постоянно. Я хочу, чтоб ты спала только в этой постели. Рядом со мной.

— Маркус. Все так быстро... — неуверенно попыталась я возразить.

— Быстро? А чего ждать? Элеонора, зная девушек, смею полагать, что ты хочешь трепетных свиданий, цветов и всего такого. Все будет, обещаю. Но при этом я хочу, чтоб ты засыпала со мной каждую ночь. Но если ты против...

— Я не против, — я перевернулась на живот и ласково погладила кончиками пальцев по колючей щеке, — я сама этого безумно хочу.

Он взял мои пальцы и нежно поцеловал каждый из них.

— Ты удивительная. А сейчас спи. Я договорился с твоим начальником, только на один день.

Он прижал меня к себе, и я почти тут же уснула, убаюканная его ровным дыханием.

Проснулась я от невесомых поцелуев в висок.

— Просыпайся, моя спящая красавица, — в мозг ввинчивался низкий, мужской голос с легкой хрипотцой.

— Доброе утро, — сонно протянула я и улыбнулась.

— Вставай, я уже сделал тебе чай.

Пробуждение было приятным. Уже очень-очень давно меня не будили нежные, мужские поцелуи. Да, Игорь никогда так не делал. Чаще я его будила, чем он меня.

Одевшись и умывшись, я прошла на кухню. Маркус сидел на подоконнике, курил и пил кофе. На коленях у него был планшет, в котором он что-то читал. Он уже был одет. Темные джинсы, рубашка, закатанная до локтей и обнажающая крепкие предплечья. На столе стояла тарелка с яичницей, тарелка с бутербродами и кружка с чаем для меня

— Ты просто супер мужчина, — улыбнулась я.

— Давай ешь, болтушка. Иначе опоздаем.

Уговаривать меня долго не пришлось, и я с аппетитом накинулась на еду.

— Куда ты так торопишься? — удивилась я, кинув взгляд на часы. — Время только семь утра.

— Оставляю резерв времени, чтоб еще успеть тебя пообнимать.

Внизу живота вспыхнуло пламя от его слов, а на лице расплылась блаженная улыбка. Есть перехотелось. Я отложила вилку и подошла к Маркусу. Убрала планшет с его колен и самым наглым образом уселась на него, прижавшись к крепкой груди. Его руки тут же проникли мне под футболку, поглаживая спину. Губы нашили мои и впились жадным

поцелуем. Вдруг он резко отстранился и серьезно сказал:

— Элеонора, если мы не прекратим, то и этот рабочий день полетит к чертям. Я безумно тебя хочу, но нам нужно на работу.

Я вздохнула, но понимала, что он прав.

— Не расстраивайся, сладкая, вся ночь будет в нашем распоряжении, — многообещающе сказал мне Маркус и еще раз коротко поцеловал меня в губы. — Ты же останешься и сегодня у меня?

Подъехав к больнице, Маркус вышел из машины и помог сползти мне. До сих пор не могла привыкнуть правильно, выпрыгивать из этого огромного монстра. Приобняв меня за плечи, он повел меня по направлению к нашему корпусу, здороваясь с коллегами, которые с интересом и любопытством оглядывали нас.

— Как все смотрят, — поморщилась я.

— Забей, — шепнул он мне в макушку.

В лифте, когда створки уже почти закрылись, а Маркус потянулся поцеловать меня, в щель пролез черный кроссовок и створки опять начали разъезжаться и перед нами вырос Петька.

— О, Элси, — обрадовался парень и обнял меня, — тебя не было вчера. Что-то случилось? Доброе утро, Маркус Эрнестович, — и он протянул заведующему руку.

— Эмм, нет, просто были дела.

Уже на нашем этаже мы с Маркусом разошлись. Он в свой кабинет, а мы с Петькой в раздевалку

— Элси, я вчера делал дичайшую операцию, — возбужденно рассказывал Петька, переодеваясь за шкафчиками. — Двойное бедренное шунтирование.

— Да ладно? — поразилась я.

— С Семен Семенычем, правда, но это было круто. А ты чем вчера занималась?

— Да так, были дела, — туманно ответила я товарищу.

До обеда день пролетел незаметно. Так странно, не была на работе день, а такое ощущение, что неделю. На обходах я витала где-то в облаках, по коридорам передвигалась, чуть ли не вприпрыжку с мечтательной улыбкой на лице и ловила удивленные взгляды коллег. Когда пришло время обеда, я прошла в кабинет к Маркусу и закрыла за собой дверь на ключ. Он разговаривал с кем-то по телефону. Увидев меня, он улыбнулся и указал на стул. Но я его проигнорировала и уселась перед ним на стол, аккуратно сдвинув бумаги в сторону. Глаза Маркуса расширились и в них запрыгали озорные искорки. Он начал поглаживать меня по ноге, нетерпеливо постукивая пальцами. Видимо, на другом конце провода никак не хотели заканчивать разговор. Наконец, он шлепнул трубку на стол и облегченно выдохнул.

— Вот как прицепятся, так потом не отвяжешься от них. Ты решила, что вместо обеда у меня будешь ты? — он уже встал и прижимал меня к себе, поглаживая костяшками пальцев мои скулы.

— А ты против? — я зажмурилась, чуть ли не мурлыкая от ласки.

— А не боишься, что я тебя съем? — он пробежался поцелуями по щеке до мочки уха и слегка ее прикусил. В ответ я его обняла, зарываясь пальцами в густые волосы и слегка взлохмачивая их. — Тогда будь потише, ладно?

Закончить начатое нам не дали, кто-то самым наглым образом начал стучаться в дверь.

— Уходите, здесь никого нет, — жалобно простонал мне в шею мужчина. —

Пожалуйста...

Но его мольбы были не услышаны, потому что стук в дверь не прекращался. Маркус, тяжело дыша, отстранился от меня и вздохнул.

— Кажется, обед отменяется.

Хитро улыбнувшись, он поправил мои волосы, снял со стола и сунул в руки какие-то бумаги.

— И постарайся сделать вид, что мы обсуждали что-то важное, а не занимались непристойными вещами.

Я улыбнулась. Наверное, я выглядела сейчас не лучше чем он. Глаза блестят, волосы растрепанные.

— Застегни халат, а то ты первый нас выдашь.

Поцеловав меня в нос, Маркус поспешил открыть дверь, на ходу застегивая халат, за которой оказалась женщина, нервно сжимающая ручки маленькой сумочки.

— Добрый день! Извините, я отвлекла вас?

"Еще как отвлекла" вопило все мое естество, но я промолчала, благоразумно уткнувшись в бумаги, оказавшиеся историей болезни одного из наших пациентов.

— А что вы хотели? — вежливо спросил ее Маркус.

— Вы же заведующий отделением, да? Я мама Семенова Егора, Вера Ивановна, хотела узнать, каков его прогноз на сегодняшний день.

Семенов Егор как раз был моим пациентом. У молодого, двадцатипятилетнего парня была болезнь Бюргера. Проще говоря, это сужение вен и артерий верхних или нижних конечностей. Если вовремя не начать лечение, то начинает развиваться гангрена. Вот и этот парень подзапустил, началось поражение пальцев левой ноги. Когда он попал к нам в больницу, вся ступня была в гангренозном состоянии.

— Проходите, Вера Ивановна, присаживайтесь.

Сообщать грустные новости всегда сложно. Особенно матери совсем молодого парня. Когда Маркус сказал, что ампутация неизбежна, женщина расплакалась.

— Неужели ничего нельзя сделать? Я читала, что можно прокапать и все пройдет.

— Капельницами и лекарствами можно было помочь, когда гангрена только начала появляться, — откликнулась я. — Сейчас уже это не поможет.

— И сколько вы ему отрежете? — глухо спросила женщина, вытирая слезы протянутым ей бумажным платком.

— Надо сделать несколько исследований. Но скорее всего это будет чуть ниже колена.

— Но у него же только ступня...

— Заражение уже могло пойти выше.

Я стояла и смотрела на плачущую женщину и внутри меня все сжималось. Вот он, единственный минус моей работы. Сообщать такие новости я абсолютно не умею. Ну как, скажите, можно сказать людям, что их отец умирает? Или что молодому крепкому парню отрежут половину ноги? Мама парня уже ушла, а я все так и стояла около стола, уткнувшись в ненужную мне историю болезни. Маркус подошел ко мне, приобнял за плечи и поцеловал

В висок.

— Ты чего?

— Это ужасно. Сколько я уже работаю, а до сих пор не могу привыкнуть к тому, что надо как-то говорить плохие новости родственникам пациентов. Я не умею их говорить, эти плохие новости.

— Но ведь ты же говоришь и хорошие новости, — резонно заметил Маркус, — а их гораздо больше.

— Все равно.

— Тогда может быть тебе все-таки попробовать себя в другой области? Педиатрия, допустим. Будешь сидеть на приемах, ничего страшного там нет.

— Ну точно! Нет, Марк, лучше я попрошу сообщать плохие новости Петьку. Или тебя.

— Хитрюга, — улыбнулся мужчина. — Кстати, сегодня должны привезти шкаф и стол в Машкину комнату, так что я уйду пораньше. И заеду за тобой после работы.

— Договорились. Ладно, я пойду. Надо еще сказать этому гангренозному, что пора приобретать костыли. А потом операция.

— Элеонора! — пораженно воскликнул Маркус и рассмеялся. — Не стыдно?

— Когда все переводишь в шутку, то становится не так страшно, — улыбнулась я.

Поцеловав мужчину напоследок, я выскользнула из кабинета и направилась в палату к Семенову. Надо сразу покончить с этой проблемой.

Это оказалось на удивление легко. Парень нормально перенес новость о том, что скоро лишится одной опоры о землю. Хотя, может быть мне просто так показалось. Но он с готовностью кивнул, сказал, что знал, что так и будет. Либо парень был просто силен духом, либо откровенный идиот. Ну, или оптимист во всем видящий только хорошее.

Позже была операция, очередной вырезанный желчный пузырь, наполненный камешками. Жаль, что не драгоценными. А то по количеству их там хватило бы на хороший браслет.

Уже сидя в ординаторской и попивая чаёк, я неожиданно вспомнила, что сегодня мое ночное дежурство и сразу приуныла. Я надеялась на обжигающе-горячую ночь с моим мужчиной, а получится, что у меня будет прохладно-бессонная с кипой незаполненных историй болезней. Достав из кармана телефон, я обнаружила там смски от Маркуса, две от Стаса и кучу от Маргоши. Марго скидывала музыку, веселые картинки и горячие пожелания посетить клуб на этих выходных. Стас обзывал говнюшкой, писал, что очень соскучился и грозился забрать меня после работы. Маркус тоже писал, что уже дико скучает и с нетерпением ждет сегодняшнего вечера. Я написала подруге, что позвоню вечером и набрала Стаса.

— Привет, кукушонок.

— Привет, пропажа. Где потерялась? Я уж думал тебя с собаками искать. Не пицешь, не звонишь, совсем забыла про меня.

— Прости, сладкий. Работа, работа и еще раз работа.

— Знаю я твою работу, обманщица. Ритка уже сказала, с кем ты зажигаешь.

Я чертыхнулась про себя. Марго, болтушка, блин.

— Ну считай, что это тоже часть моей работы, — с улыбкой сказала я другу.

— Вооот за что тебе зарплату платят, — рассмеялся Стас. — Ладно, давай я заеду сегодня за тобой и поболтаем.

— Я бы с удовольствием, дружочек, но сегодня в ночную. Хотя, — пришла ко мне

интересная мысль, — приезжай часов в восемь, я смогу сбежать на пару часиков, попьем кофе около моей работы.

— Заметано, — обрадовался друг, — я позвоню, как соберусь ехать.

— Окей. До встречи.

Следующий мой звонок был сделан Маркусу.

— Эля, что-то случилось? — озадаченно спросил мужчина, как только взял трубку.

— А что, должно что-то случиться, для того, чтоб я позвонила? — удивилась я. —

Просто я соскучилась и захотела услышать твой голос.

— Милая моя девочка. Я тоже соскучился. И очень скоро я тебе это докажу.

По телу дрожью пробежало предвкушение, но вспомнив про ночное дежурство, я опять загрустила.

— Не получится, — печально ответила я Маркусу. — Я сегодня дежурю.

— Чертовы дежурства! Кто вообще их придумал? — расстроено протянул он. — И как я буду сегодня спать без тебя?

— Так же как и спал всегда? — предположила я.

— Отвратительно я буду спать, Эль.

— Бедный мой мальчик, — пожалела я его.

— Элеонора, — в трубке раздался смех. — Знаешь, сколько лет назад меня в последний раз называли мальчиком?

— Представляю. Ладно, — я подняла глаза, увидела входящих в ординаторскую Петьку и Михаила и поняла, что пора закругляться. — Мне уже пора.

— Хорошо. Я позвоню тебе позже. Целую.

— И я тебя, — увидев, что меня с интересом разглядывает Петя, я улыбнулась. Кажется, сейчас начнутся расспросы. И я не ошиблась. Он плюхнулся рядом со мной и начал буравить взглядом золотых глаз, в которых плескалось любопытство.

— Ну-ка, Элси, колись, кого ты там целуешь? Насколько я могу помнить, ты совсем недавно рассталась со своим предательским Игорьком. Уже нашла нового ухажера?

— Ну, допустим, — говорить о том, с кем я встречаюсь, естественно, не хотелось. Я понимала, что рано или поздно, все узнают. Но пускай лучше поздно, чем рано.

— Ну, что допустим-то? Эля...

— Петь, я пока не буду ничего рассказывать, ладно? — как можно мягче сказала я другу, — я не совсем еще сама понимаю, что у нас происходит, поэтому не хочу огласки. Но ты обязательно все узнаешь, обещаю.

— А ты не с Эрнестовичем случайно? — подозрительно прищурился Петя, спросил Петя. Меня сразу бросило в жар, я растерялась, но виду не подала.

— Нет, что ты такое говоришь! — возмущенно воскликнула я.

— Элеонора, смотри мне в глаза, — Петька пальцем повернул мое лицо к себе за подбородок и улыбнулся. — Я угадал, да? Дааааа! Офигеть можно!

— Петя, ори потише!

Я старательно пыталась закрыть ему рот ладошками, но он одним взмахом руки откинул их и заговорил, старательно понизив голос:

— Элси, я охренеть как в шоке! Как так получилось? Давай рассказывай, я с тебя не слезу же.

— Да нечего рассказывать, Петь. Все получилось до жути странно и непонятно.

— А вы уже перевели ваши отношения в горизонтальную плоскость?

— Петя! — я воскликнула так громко, что на нас с интересом оглянулся Михаил, мирно пьющий кофе и читающий журнал. — Ты что несешь, идиот? — прошипела я, не скрывая улыбки.

— Ну а что такого? Взрослые же люди, — рассмеялся этот рыжий плут. — Знаешь, Элси, это все не важно. Важно, чтоб ты была счастлива. Я буду очень рад, если Эрнестович окажется тем самым. Ты ведь хорошая девчонка, не хочу, чтоб он тебя обижал.

— Как мило с твоей стороны, дорогой друг. На самом деле я очень счастлива. С ним рядом настолько легко и естественно находиться. И я начинаю ловить себя на мыслях, что дико скучаю, когда его нет рядом. Это все, да? Я пропала?

— Еще как пропала, — улыбнулся Петя и потрепал меня по макушке.

Время уже приближалось к двум часам ночи, но мне, напившейся энергетиков, все было не по чем. Я уже вдоволь наболталась с Марго, обсудив все вдоль и поперек. Услышав о том, что Марк сказал, чтоб я переезжала к нему, она возмутилась.

— Эля, не смей этого делать! Я серьезно. Если хочешь — оставайся ночевать, но не перевози вещи. И изредка оставайся ночевать у меня, тем более что я тебя никуда не гоню. Вы еще так мало знакомы и уже съезжаться?

— Да что в этом такого, не могу понять? Мы взрослые люди. Захотели — начали жить вместе.

— Ага, а вот Игорь...

— Марго, Марк не Игорь! — оборвала я подругу. — Их даже сравнивать нельзя, они полярно разные. И я не думаю, что человек в тридцать пять лет будет вести себя как мальчик в пубертатном возрасте.

— Ты не говорила, что твоему заведующему тридцать пять!

— Да? Возможно, как-то к слову не пришлось. В общем, намеренно переезжать к нему я не буду. Хотя, зная Маркуса, он меня затащит к себе либо хитростью, либо силой. И даже не знаю, что приятнее.

Договорившись с ней встретиться завтра с утра дома, я положила трубку. Как раз я после ночной, а она во вторую смену. Идеально складывается.

Я встала с дивана, лениво потянулась и направилась к компьютеру, с целью немного поработать. Когда еще заниматься всеми этими дурацкими делами, если не ночью? Погрузившись в истории болезней, я не услышала, как за моей спиной распахнулась дверь. Рраз-и мне на плечи опустились горячие ладони. Я вскрикнула и подняла голову. Кто бы мог подумать! Надо мной возвышался Маркус, собственной персоной. Сказать, что я удивилась — значит промолчать. Я потерлась щекой об его руку и радостно спросила:

— Ты что тут делаешь?

— Я не мог уснуть и приехал к тебе, — ответил мне мужчина, садясь на стул рядом со мной.

— Маркус, ты сумасшедший! — я прижалась к его груди и с наслаждением вдохнула уже такой знакомый запах его парфюма.

— Это ты делаешь меня таким, дорогая. Ну что, чем ты тут занимаешься?

— Да вот, — я жестом указала на истории болезней, — куча незаполненных бумаг. Поможешь?

Я не ожидала, но мужчина с готовностью скинул куртку, закатал рукава рубашки и притянул к себе истории.

— Давай, я пишу, ты заполняешь в компьютере. Чем быстрее мы справимся, тем больше времени у нас останется.

— На что?

— А вот увидишь. Давай, за работу!

За разговорами и шутками время пролетело незаметно. Маркус рассказывал забавные истории из жизни, заставляя меня хохотать до слез. Смешил меня, а потом строгим голосом попытался призвать к порядку и внимательно вбивать данные. Но теперь на меня его голос, как я его назвала начальничий, и нарочито серьезный взгляд серых глаз не действовал. Теперь то я знала, какой он, настоящий.

— Маркус, а когда ты заберёшь Машку домой?

— Думаю, что завтра. Сегодня ещё придут рабочие устанавливать шкаф в прихожую, не хочу, чтоб она этой пылью дышала. Так что пускай ещё с бабушкой побудет.

Меня неожиданно осенило.

— Ты как-то говорил, что твои родители уже умерли. А еще ты говорил, что отвезешь ее к маме.

— Это моя крестная мама.

— Черт. Об этом я как-то не подумала. Так, ну все, я закончила, — я победно закрыла программу на компьютере и повернулась к Маркусу. — А ты?

— Еще нет, — ответил он, быстро и непонятно делая записи на бумаге, — ты подсунула мне самое сложное, хитрюга.

Он легко стукнул мне по кончику носа подушечкой пальца и вернулся к записям.

— Будь добра, сделай мне кофе, — попросил он, не отрываясь от карточек.

Конечно, я буду добра, милый. И сделаю тебе не только кофе, но даже поделюсь своим последним батончиком мюсли, до которых ты большой охотник. Включив кофе-машину, я задумчиво барабанила пальцами по полке и бездумно смотрела в уже светлеющее небо. Ночи становятся все короче и короче, надо бы повесить темные жалюзи. Не могу спать, когда светит солнце в глаз. И тут я с удивлением поймала себя на мысли, что думаю про дом Маркуса. Ведь в комнате, которую мне выделила подруга, висят плотные портьеры, не позволяющие даже малейшему лучику проникнуть сквозь них. Видимо, подсознательно я уже готова разделить с ним не только постель. Но как бы и сознательную часть себя на это настроить? Я не заметила, как мужчина подкрался сзади меня и обвил руки вокруг моей талии. Проведя носом по скуле, он спросил:

— О чем задумалась? У тебя такой странно-отрешенный вид, что мне становится страшно. Я звал тебя несколько раз, но ты даже не пошевелилась.

— Да? — я вдохнула любимый запах его парфюма, наслаждаясь близостью с этим

невероятным мужчиной. Рядом с ним мысли путались, а сердце срывалось будто после стометровки. Интересно, сколько это будет продолжаться? Хоть бы всегда. Я мысленно скрестила пальцы на удачу.

— Эль, что-то случилось? — он развернул я к себе, с беспокойством заглядывая в мои глаза. И я тут же утонула в его серых озерах. — У тебя что-то болит? Элеонора, не молчи.

— Нет, все в порядке, — ответила я ему и улыбнулась. Я прижалась к нему, пряча счастливую улыбку, зарываясь лицом в его грудь, — абсолютно ничего не случилось.

Просто я рада, что ты сейчас со мной. Что ты мой. Я не оставлю тебя. И ты тоже, не оставляй меня, пожалуйста.

До конца моего дежурства мы с Маркусом сидели в обнимку на диване и смотрели "Доктор Хаус". Оказалось, Маркус тоже без ума от этого сериала и от Хью Лори в частности.

— Тебе вообще-то положено любить Тринадцатую или Кэмерон. Но никак не Хауса.

— Они тоже крутые. Но как он играет эту роль, — он щелкнул пальцами, подбирая слово. — Не могу. Нет такого слова, чтоб описать всю мощь. Если честно, я бы тоже так хотел. Ну, всякие загадки, интересные случаи.

— А ты бы смог?

— А ты сомневаешься? — он удивленно поднял бровь.

— Конечно, нет. Что ты, — погладила я его по щеке. — Ты самый крутой док.

— Вот так-то, — довольно улыбнулся Маркус.

Он аккуратно снял мои ноги со своих колен, встал с дивана и потянулся всем телом. Я невольно залюбовалась этим. Все-таки он был очень красив. Дьявольски красив. Думаю, ему бы очень пошли маленькие красные рожки и оранжевое пламя в глазах. И в этот момент стукнула дверь ординаторской, впуская Петьку. Он присвистнул, хмыкнул и хохотнул одновременно.

— Доброе утро, коллеги, — поздоровался он, скидывая рюкзак рядом со мной. — Элси, скажи мне, ты голодна?

— В смысле?

— Видела бы ты свой голодный взгляд, — сказал он, понизив голос так, чтоб Маркус его услышал. Заведующий только усмехнулся на это.

— Пойдем, доктор Эля, у меня в машине есть яблочко, — он протянул мне руку и легко поднял с дивана. — Переодевайся, я буду ждать тебя в своем кабинете.

— Вы круто смотрите с Маркусом, — сказал мне Петька. когда мы шли в раздевалку. — И ты такая счастливая. У тебя глаза горят.

— У меня глаза горят, Петенька, потому что от компьютера в глазах песок, — сказала я ему с улыбкой.

— Брось, — отмахнулся он. — Ты же понимаешь, о чем я. Ты стала другая. Не ходишь, а летаешь.

— Главное, чтоб кто-то меня резко не спустил на землю, — пробормотала я себе под нос.

Быстро переодевшись, я кинула форму в сумку, нацепила солнечные очки на голову и в припрыжку помчалась к кабинету Маркуса. Стукнув два раза, я распахнула дверь. Он разговаривал с кем то по телефону и хмурил брови. Бросив трубку, он потер переносицу и виновато сказал:

— Прости, Эль, я не смогу отвезти тебя домой. Мне надо на заседание по

транспланталогию. Ты же знаешь, что у нас развивают новый блок. Скоро здесь будет совсем другая хирургия.

— Ничего страшного, я доберусь сама.

Я подошла к Маркусу и легко поцеловала его в колючую щеку.

— Ты куда сейчас?

— Как куда? — удивилась я. — Домой. К Марго.

— Хорошо. Вечером я заеду за тобой, вместе съездим за Машкой и ко мне. Идет?

— Как скажешь, — шепнула я ему в губы и провела языком по губе. Маркус уже потянулся, чтоб поцеловать в ответ, но я ловко отскочила назад и подмигнула. — А продолжение вечером.

— Заберу свое в двойном объеме.

Я улыбнулась на прощание и вышла из кабинета.

Выйдя из корпуса, я вызвала такси и потихоньку пошла к воротам.

— Эля, — окликнул меня знакомый голос.

Я обернулась и болезненно поморщилась. Прямо на меня шел Игорь. Правда выглядел он не совсем как Игорь. Весь какой-то помятый, небритый, волосы взъерошены. И одет он в какую-то не понятную футболку и джинсы. Всегда гладко выбритый, причесанный и лохотный молодой человек превратился в помятое нечто.

— Эля, стой!

Он почти бегом подошел ко мне и остановился в метрах трех, переминаясь с ноги на ногу.

— Стою. Зачем ты приехал?

— Поговорить.

— Игорь, — я потерла лоб и устало посмотрела на него, — о чем нам еще с тобой разговаривать?

— Я не могу без тебя. Я ошибся, Эля.

— Я повторяю тебе в последний раз. Слышишь? В последний. Мне все равно. На тебя на то, что ты ошибся. На то, что ты без меня не можешь. Понимаешь ты меня?

— Но ведь ты любила меня, — отчаянно крикнул он. Игорь схватил меня за плечи, но я принялась вырываться. Мне было не приятно даже его взгляды, не говоря уже о прикосновениях. Откинув его руки, я отскочила от него. Я была в ярости.

— Не подходи ко мне, Юсупов, иначе я закричу. Давай говорить так, на расстоянии. Я боюсь тебя.

— Но я же не сделаю тебе ничего плохого. Эля, а хочешь, я на колени встану? Хочешь? — и он бухнулся передо мной на колени и пополз ко мне.

— Игорь, немедленно встань с колен, прекрати меня позорить! На нас уже все смотрят, — прошипела я ему.

— Ладно. А если я встану, мы поговорим?

— Да о чем?

— Ну, как о чем, — он встал и принялся отряхивать пыльные колени, — о нас.

Тут он нахмурился и посмотрел куда-то мне за спину. Я инстинктивно обернулась и наткнулась взглядом на знакомую грудь, обтянутую светлой рубашкой. Подняв голову, я увидела и глаза Маркуса, которые были слегка прищурены, а губы сжаты. Как, как он тут оказался? Но потом меня осенило, что окна его кабинета как раз и выходят на эту сторону.

— Эль, почему ты еще не уехала? — спросил он, не сводя глаз с Игоря. А Игорь сразу выпрямился, развернул плечи во всю широту и как-то немного поднапрягся.

— Я такси жду еще.

— Пойдем, я сам тебя отвезу, — он взял меня за руку и потянул в сторону парковки.

— Эля, — окликнул меня Игорь, — мы не договорили. В следующий раз, да?

Маркус отпустил меня и почти молниеносно оказался около Игоря. Посмотрев на него сверху вниз (Маркус был выше почти на целую голову), он отчеканил тихим голосом в котором звенел металл.

— Еще раз я увижу тебя рядом с Элеонорой — разговаривать уже буду по другому. Уяснил?

— Ты думаешь, я тебя боюсь? — смело поднял подбородок Игорь.

— А я еще тебя и не пугал, чтоб ты меня боялся. Но обещания я свои держу, запомни.

Снова взяв меня за руку, он повел меня к своей машине. Да так быстро, что мне пришлось практически бежать. Сев в автомобиль, он резко тронулся с места, громко взревев мотором. Я только лишь молча поглядывала на него.

— Почему ты так разозлился? — спросила я у него минут через пять.

— Я не разозлился, — он вздохнул и взял мою руку в свою большую ладонь. — Но меня дико взбесило, когда он тебя начал хватать. Эля, честно, я не помню, как оказался на улице. Мне с трудом удалось держать себя в руках и не размозжить его череп. Кто это был?

— Бывший.

— А что он хотел от тебя? Это из-за него ты ночевала в больнице?

— Не знаю я, что он от меня хотел, — от бессонной ночи дико слипались глаза, а рот раздирала зевота. — Поговорить, блин. Но вот о чем нам с ним разговаривать — я не знаю. Я все ему уже сказала, а вот что он там хочет, мне совсем не интересно.

Мы как раз подъехали к дому Марго, и Маркус повернулся ко мне.

— Ну, все. Беги, отдыхай. А после работы все как договорились, хорошо?

— Хорошо. Как скажете, шеф.

Он взял мои руки и по очереди поцеловал запястья.

— И все? — разочарованно спросила я.

— Все. Продолжение сегодня вечером, так ты вроде бы сказала? — лукаво улыбнулся Маркус.

Зайдя в прихожую, я швырнула ключи на комод и весело крикнула:

— Маргарита! Выходи сама, я все равно тебя найду.

Сняв кеды, я прошла на кухню, щелкнула чайник и залезла в холодильник в поисках еды.

— Привет, подружка, — Марго стояла в дверном проеме, потягиваясь и сладко зевая.

— Привет. Давай покушаем? — я в это время доставала из холодильника сковороду с котлетами. Они были такие аппетитные, что я уже была готова закапать слюной всю кухню.

— Ты мой голодный кролик, — рассмеялась подруга, забирая у меня котлеты. — Давай, я приготовлю все. Ты надолго?

— В смысле? Это намек какой-то?

— Это намек на то, что я хочу немного побыть со своей блудной Элли.

— До обеда я вся твоя, — рассмеялась я.

— Только до обеда?!

— Потом же ты на работу, забыла?

Наконец, котлеты были согреты, чай налит, бутерброды сделаны. Марго уселась со мной на диванчик, сделала глоток чая и пристально уставилась на меня.

— Что ты так смотришь? — прошамкала я с набитым ртом безумно вкусной котлетой.

— Жду, когда ты будешь вываливать на меня новости. Или тебя нужно поумолять? И кстати, ты знаешь, что Стас обиделся на тебя?

— В смысле? — я даже жевать перестала.

— Ну, вы с ним договаривались встретиться вчера, он приехал, а ты тупо не взяла трубку. В больницу его, естественно, никто не пустил.

— Странно. У меня не было пропущенных. Даже смс не было.

Я взяла телефон и проверила еще раз. Потом сообразила, что возможно он писал Вконтакте, а у меня не приходят оповещения. Открыв приложение, я только подтвердила свои догадки. От него висело двенадцать оповещений. Грозных и пропитанных обидой.

— Да уж, некрасиво получилось, — сказала я, одновременно набирая извинительные и оправдательные речи для своего друга. Позвоню ему чуть позже. Надеюсь, он будет не долго обижаться на меня, как всегда. — Но пропущенных правда нет. А оповещения с социальных сетей у меня не приходят.

— Ладно, Стасик отходчивый мальчик, я уверена, что он уже не обижается. Расскажи лучше, как там у вас с твоим заведующим. Ты уже за вещами приехала сегодня, да?

— Нет, — улыбнулась я. — Вещи пускай еще пока у тебя побудут. Но ночевать я поеду к нему. Маргоша, я влюбилась в него и очень сильно.

И я принялась вываливать все это на свою подругу. Даже жевать перестала. Видимо, высокие чувства намного сильнее моего чувства голода.

— Кстати, — спохватилась я, — самое-то интересное за произошедшее утро. Игорь приходил сегодня ко мне!

Я вкратце изложила ей сегодняшнюю ситуацию.

— Да уж, — покачала головой Марго. — Если честно, я почему-то думала, что так и будет.

— Серьезно? Даже я об этом не думала. Он мне казался таким гордым, таким независимым.

— Главное, чтоб он больше не преследовал тебя. Так, — Марго встала из-за стола и принялась убирать посуду в раковину, — ну что, прошвырнемся по магазинам?

— По каким магазинам, Марго, — я широко зевнула, прикрывая рот рукой, — я так дико хочу спать. Я же после ночной. А тебе скоро на работу.

— Черт, — расстроилась она, — а я думала, мы погуляем, накупим вещей, потом съедим шаурму.

— Обещаю, что на выходных так и будет. Я полностью посвящу один день тебя, — я встала с дивана, и, беспрестанно зевая, пошла к себе в комнату.

— Я запомнила это, — крикнула мне в спину Марго.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где я нахожусь и вообще в каком веке я существую. Голова болела, от того, что переспала, а под щекой на подушке была мокрое пятно. Вытерев мокрую щеку, я села в кровати. Окно было закрыто, шторы задернуты и в комнате было ужасно душно. По телу разливалась неприятная слабость, хотелось лечь обратно. Но я через силу встала и поплелась в душ. Встав под тугие струи, я закрыла глаза и попыталась

расслабиться. Но тут в грудь стукнула резкая, острая боль. Да такая сильная, что у меня подогнулись колени, и я со стоном осела на пол душевой кабинки. Прислонившись плечом к стеклянной стенке, я приложила руку к груди. Сердце стучало так сильно, что я слышала пульс в ушах. Собрав последние силы в кулак, я поднялась с пола, выключила воду и вышла из кабинки. Замотавшись в полотенце, я побрела в свою комнату. Голова кружилась, а перед глазами расплывались красные круги. Невидящим взглядом я стала искать лекарства на полке, роняя на пол разные безделушки. Найдя таблетки, я трясущимися руками открыла пузырек и закинула в себя сразу три штуки. В изнеможении опустилась на пол, прислонилась спиной к стене и снова схватилась за сердце. Ну, же, миленькое, не подводи меня. Дотянувшись до телефона, я бездумно набрала номер и закрыла глаза, прижав телефон к уху. Кровь от головы уже отхлынула, но сердце все равно билось невероятно сильно.

— Я слушаю, — раздался в трубке голос Стаса.

— Стасик, — заплакала я, — приезжай, пожалуйста.

— Эй, ты чего плачешь? — взволнованно воскликнул друг. — Что случилось? Эля, я сейчас приеду. Ты где?

— Я у Марго. Стас, мне так плохо. Сердце прихватило. Мне очень страшно, — всхлипывала я ему в трубку.

— Эл, я еду. Слышишь? Я скоро буду!

— Я жду тебя.

Я положила трубку рядом с собой и попыталась успокоиться. Но рыдания сдавливали грудь и вырывались громкими всхлипами. Почему я позвонила Стасу? Да потому что у него были ключи от квартиры Марго. На всякий случай.

Прошло минут пятнадцать с того момента, когда я позвонила Стасу. Я поняла, что таблетки совсем не действуют в тот момент, когда опять грудь пронзила острая боль. Кажется, я закричала. Дико стало не хватать воздуха. Я попыталась встать, чтоб открыть окно, но ноги меня совсем не слушались. Последнее, что я увидела, перед тем, как провалиться в забытье — расширенные от ужаса глаза моего друга. А дальше темнота.

Открыв глаза, я поморщилась от яркого солнца. Кто открыл шторы? Но оглядевшись, я поняла, что нахожусь не дома, а в больнице. Причем в своей. Причем в реанимации. К груди были приклеены датчики, которые тянулись от небольшого экрана с мониторингом сердечного ритма. В груди эхом отдалась боль и я вспомнила что было. Сегодня? Или вчера? Или на прошлой неделе? Кнопки вызова медсестры, естественно, у меня не было. Мы же не в сериале. Я попыталась крикнуть, но мне помешала трубка в горле, которая шла от аппарата ИВЛ. И вот тут у меня началась паника. Я не понимала, что со мной такое, раз у меня даже трубка в горле стоит. Но тут дверь распахнулась, впуская посетителя. Это был Маркус. Его лицо было таким усталым и отрешенным, а уголки губ были такие грустные и опущенные, что мне стало не по себе. Увидев, что я открыла глаза, он немного оживился, молниеносно оказался рядом со мной и присел на край кровати. В его серых глазах плескалось столько беспокойства. Взяв меня за руку, он нежно провел пальцем мне по щеке.

— Эль, ты не представляешь, как всех напугала.

Я-то представляю, но вот ответить тебе на это не могу. Я жестами попыталась ему объяснить, что я уже могу дышать сама, и трубку можно было бы уже убрать.

— А, трубку убрать? Уверена?

Кивнула. Маркус вздохнул и аккуратно вытянул из горла эту дурацкую конструкцию. Я

закашлялась, пытаясь подавить рвотный позыв. Горло неприятно саднило.

— Дай попить, — голос был ужасно хриплым.

Осушив почти всю бутылку, я с наслаждением откинулась на подушку.

— Марк, сколько я тут уже?

— Два дня. Ровно два дня ты была без сознания. Тебя привез сюда твой друг на Скорой. Хорошо, хоть догадался сказать, чтоб тебя везли сюда. Эль, у тебя была клиническая смерть. Почти две минуты. Хорошо, что скорая приехала достаточно быстро. А потом ты впала в кому. У тебя отмирают ткани сердца. Элеонора, тебе срочно нужна пересадка.

Я закрыла глаза и по моей щеке потекла слеза. Одна. Продолжения не последовало. Сжав сильнее его ладонь, я тихо, но твердо сказала:

— Хорошо. Я справлюсь. Только будь со мной.

— Обязательно.

А дальше потянулись мучительные дни ожидания наполоам с болью. Мне делали всевозможные анализы и, наверное, выкачали галлон крови. Главный врач нашей больницы лично приходил ко мне и пообещал, что сердце мне достанут в самые кратчайшие сроки. И в этот момент я вознесла благодарности небу, что здесь работаю. Это давало мне какую-то привилегированность, все ко мне относились иначе, зная, что я здешний врач. Было немного неловко, но я отгоняла эти мысли прочь. И как молитву повторяла у себя в голове, что безумно хочу жить. В такие мгновения, когда балансируешь между жизнью и смертью, начинаешь ценить все. Происходит переосмысление своей жизни. Начинаешь все видеть в другом свете. Я немного замкнулась в себе, много думала и размышляла о смысле жизни в принципе.

На следующий день ко мне приехали родители. Бедная мамочка держала меня за руку и поливала слезами мое одеяло. Я так хотела ее успокоить. Я хотела успокоить всех вокруг. Понурую Марго, которая приходила ко мне каждый день и изо всех сил пыталась непринужденно болтать, поникшего, не привычно молчаливого, Стаса. Единственный, кто не унывал — это Маркус. Он кружил надо мной, как коршун, проводил рядом каждую свободную секунду. Он разрывался между мной и Машкой, которая так и жила у его крестной мамы, заезжая домой только для того, чтобы помыться и переодеться. И пытался всеми силами меня поддержать. Познакомился с моей мамой и очень ей понравился. Конечно, такой мужчина как он просто не мог не понравиться моим родным. Ночью выгонял мою маму домой почти силой, чтоб она хоть немного отдохнула. Он откуда-то притащил большое кресло из ротанга и сидел в нем все ночь, держа меня за руку и иногда проваливаясь в дремоту. Однажды ночью я проснулась, от того что захотела пить и сразу же увидела Маркуса, который сидел в этом самом кресле, неловко подвернув ногу под себя и укрывшись халатом. Почувствовав, что я проснулась, он тут же распахнул глаза и потер их кулаком.

— Эль? Ты чего? Болит? — взволнованно спросил он меня.

— Нет, пить хочу.

Выпив протянутый мне стакан, я снова посмотрела на Маркуса.

— Марк?

— Что такое? — он тут же подскочил и взволнованно заглянул мне в глаза.

— Ляг со мной, — тихо попросила я его. — Я так хочу этого.

Для большей убедительности я подвинулась, освобождая ему место на не очень широкой кровати. Для большого Маркуса этого было очень мало, но он прилег рядом, уверенным и аккуратным движением вжимая меня в свое тело. Сразу стало спокойно и легко. Это было так правильно, спать рядом с ним, чувствовать его запах, его пульс. Я прижалась крепче к его груди, пытаюсь сделать так, чтоб между нами не было и миллиметра свободного пространства.

— Маркус?

— М?

— Спасибо тебе, за то, что ты не льешь надо мной слезы и не ходишь с грустным лицом. Мне так...сложно. Все как будто меня уже похоронили. И от этого мне очень страшно. Я не хочу умирать.

Я не выдержала и тихонько заплакала.

— Тшш, не плачь, милая моя, — он ласково перебирал мои волосы и целовал в макушку. — Все будет хорошо. Верь мне, Эль. Я сделаю для тебя все, даже невозможное.

— Спасибо тебе. Спасибо, — зашмыгала я носом.

— Эй, ты чего там, сопли об меня вытираешь? — я его улыбку и улыбнулась в ответ.

Как хорошо, что он рядом. С этими мыслями я уснула.

Когда я проснулась, Маркуса уже не было. И мне оставалось только вдыхать аромат его одеколона, которым пропиталась вся подушка.

После обеда, я, Марго и мой рыжеволосый коллега, который тоже не забывал про меня, сидели и играли в карты. Марго нагло уселась рядом со мной на кровати, а Петька развалился в кресле. Он с самым умным видом рассказывал моей подруге про аортокоронарное шунтирование.

— Петька, — удивилась я, перемешивая колоду карт. Я, как обычно, осталась в дураках, — неужели, тебя пригласили ассистировать на этой операции?

— Ну, вообще-то нет, — он смутился всего лишь на секунду, но потом снова лучезарно улыбнулся, — я просто смотрел.

— А пафоса то сколько, — расхохоталась Марго.

— Ну ну, я еще только на заре своей карьеры. Скоро я буду так же как наш Эрнестович, это я вам точно говорю!

— Да уж, Петруша, самоуверенности тебе не занимать, — покачала я головой.

— Самоуверенность — один из залогов успеха для хирурга, если ты не знала, дорогая Элеонор.

— Я думала, что залог успеха — это профессионализм и опыт.

— Да ну, о чем ты говоришь, — махнул рукой Петя, — немного уверенности и все, ты хирург Года. Кстати, так работает со всем. Вот ты, Марго, ты кто по профессии?

— Эндокринолог.

— О, коллега, — он потянулся и пожал ей руку. — Ну, так вот, если бы ты была более уверена в себе, то была бы уже директором эндокринного центра, скажем.

— А с чего ты взял, что я не уверена в себе? — ее бровь удивленно выгнулась.

— Так ты же не директор эндокринного центра, — резонно заметил Петя.

Наш разговор прервал ворвавшийся как вихрь Маркус. На его лице было столько разнообразных эмоций, что я невольно поежилась.

— Элеонора. Сердце нашли.

От этих его слов я даже забыла, как дышать.

— Сейчас придет медсестра, будет готовить тебя к операции, — он сел рядом на кровать и провел ладонью по моей щеке, — все будет хорошо.

— Я боюсь, — прошептала я.

— Не бойся, мой милый Эль. Я все сделаю как надо. Ты мне веришь?

Я кивнула.

— Уже провели совместимость донора с тобой, так что надо действовать очень быстро.

Я кинула взгляд на Марго, которая улыбалась мне сквозь слезы. Она сжала мою руку, поддерживая. Как раз в это время пришла Анастасия Сергеевна, грозная медсестра реанимации. Маркус улетел готовиться к операции, а она занималась со мной, предварительно выгнав Марго и Петьку. Петя чмокнул меня в щеку и сказал, что сделает

селфи на моем фоне с раскрытой грудной клеткой, на что я нервно хихикнула.

Подготовив меня, Анастасия Сергеевна помогла пересест в кресло-коляску и повезла меня в операционную. Моё сердце отсчитывало свои последние удары. Боялась ли я в тот момент, когда меня везли в операционную? Безумно. Я боялась, что операция пройдет хорошо, но я не выйду из наркоза. Или сердце не запустится. Или еще могло бы быть куча куч последствий. Но когда я увидела встречающего нас Маркуса, все страхи ушли на второй план. А еще он говорил, что ему будут помогать два кардиохирурга из Кардио-центра.

— Хочешь посмотреть на свое новое сердце? — спросил меня Маркус, когда я лежала уже на столе.

— Давай я лучше уже почувствую его в себе.

Он кивнул анестезиологу, чтоб начинал. Анестезиолог приложил маску к моему лицу и последнее, что я услышала, это был шепот Маркуса.

— Я люблю тебя, Элеонора.

А может, это уже был сон.

От лица Маркуса

Взяв скальпель в руки, я полосонул нежную, обработанную йодом, кожу девушки, на которой выступили крохотные капельки крови. Я продолжал резать ткани, а второй хирург, Иван, в это время пережимал кровеносные сосуды и тампонирует рассеченные ткани. После, остановив вентиляцию легких, я взял вибрационную костную пилу и принялся распиливать по центру грудной кости. Восстановив вентиляцию легких, Иван, ввел грудинный расширитель, обнажая сердце, которое сбито билось. В голове летали разные мысли, но я всеми силами отгонял их, сосредоточившись на операции. Третий хирург, Алексей, вскрыл перикард и подключил к верхним и нижним полым венам аппарат искусственного кровообращения, перекрыв движение крови через полости сердца зажимами. Потом он отошел подготовить трансплантат, я принялся иссекать сердце, чтоб вытащить его из грудной клетки. Когда все было готово, я аккуратно вытащил сердце и положил его в специальную миску, а Алексей в это время уже вставлял моей Эль ее новое сердце. Соединив сердце с помощью швов, он убрал зажимы с сосудов, запуская кровоток. Но сердце не начало сокращаться.

— Черт, — прошипел я сквозь зубы и принялся делать прямой массаж сердца, ритмично сжимая и разжимая ее сердце. Давай же, Эль, давай!

Почувствовав, что сердце начало сокращаться, я шумно выдохнул. Удалив из грудной клетки кровь, Иван вытащил расширитель и мы начали закрывать рану, соединяя грудную кость пластинами. Сделав последний шов на мягких тканях, я положил иглу на стол и посмотрел на свои руки, которые по локоть были в крови моей Эль. Кинув взгляд на мониторы, я удовлетворенно кивнул. Сердечный ритм хороший. Моя девочка будет жить.

Выйдя в предоперационный зал, я первым делом, скинул с себя окрававленный халат и перчатки. Снял маску. Оперевшись об раковину, я посмотрел на свое отражение в зеркале. Не смотря на то, что операция длилась почти восемь часов, живее себя я еще никогда не чувствовал. Помыв руки, я вышел из операционной, где на меня накинулась Марго.

— Воу, потише, подружка, — рассмеялся я.

— Ты смеешься, — взвизгнула она, а затем расплакалась навзрыд. Она вцепилась в мой хир. костюм и поливала его слезами, всхлипывая и размазывая тушь. — С ней все хорошо?

— Ну, раз я смеюсь, то полагаю, что да.

— Спасибо, Маркус, спасибо.

Спасибо. Это ей спасибо, моей сильной девочке.

Открыв глаза, первое, что я почувствовала — дикую боль в груди. Я хотела привычно прижать руку к груди, но обе руки опутывали провода. Прикрыв глаза, я открыла рот и с шумом втянула воздух. Хотелось пить. И чтоб в груди не болело. Через секунду я уже чувствовала на своих плечах знакомую, теплую тяжесть. Руки Маркуса.

— Эль? — неуверенно позвал он меня.

— Пить, — хрипло протянула я.

Я почувствовала, как он стал аккуратно смачивать мои сухие губы тампоном и не выдержала:

— Не издевайся, дай нормально попить.

Маркус скрипнул зубами, но все-таки поднес к моему рту кружку с водой. Напившись, я откинулась обратно на подушку. Голова еще была мутная от наркоза, и очень хотелось спать. А еще хотелось повернуться на бок. Но, естественно, этого делать было нельзя. В груди невыносимо сильно болела, и я застонала сквозь зубы.

— Эль, ты чего? — я почувствовала, как мужчина сел рядом со мной на кровать.

— Больно. В груди больно... Ащц, — я зашипела, сморщившись. Боль становилась нестерпимой.

Маркус откинул простынь и нахмурился. И мне совершенно не понравился его взгляд.

— Что там? — заволновалась я.

— Лежи и не двигайся.

Он вышел из палаты буквально на две минуты, но за эти минуты я потеряла очень много нервных клеток, кажется. Включив свет, он втолкнул в палату металлический столик. Подойдя ко мне, он первым делом воткнул в катетер укол. Обезболивающий, я полагаю. Потом аккуратно снял повязку с моей груди и положил ее на столик. Краем глаза я успела увидеть, что она вся в крови.

— Терпи, Элеонора, сейчас будет немного больно.

— Что случилось?

— Шов немного разошелся, — и он, стиснув зубы, начал накладывать шов. Мне не было больно, совсем. Не знаю почему. Может потому, что я была еще под действием наркоза в какой-то степени. Наложив мне два шва, он наложил мне на грудь толстенную повязку.

— Ну, вот и все. Сейчас как, не больно?

— Все хорошо, — шепнула я и зевнула. Хотелось спать. И хотелось, что Маркус лег рядом. Но я понимала, что сейчас это не возможно.

— Спи, милая моя, — он поцеловал мне в лоб и погладил по волосам. — Спи. А я буду рядом.

И я уснула.

Когда я вновь проснулась, на улице уже было светло. Первое мысль, что промелькнула у меня в голове "Я жива". От этой мысли хотелось смеяться в голос и танцевать, подняв руки вверх. Я понимала, что впереди долгие месяцы реабилитации, но это чувство, когда ты понимаешь, что внутри тебя бьется здоровое, сильное сердце — не передаваемо. Знать, что теперь я могу все. Смогу не носить полную сумочку таблеток. Не держать пальцы на пульсе. Хотя, думаю, что с этой привычкой я еще не скоро расстанусь. Распахнув глаза, я увидела

маму и улыбнулась, поймав ее ответную улыбку. Она села рядом со мной на стул и взяла за руку.

— Как ты, Норочка? Я понимаю, глупый вопрос, — вдруг спохватилась она, — но все же.

— Мам, это странно. Но я прекрасно себя чувствую. Хочется сворачивать горы, — и я счастливо засмеялась.

— Ну, до гор нам еще далеко.

В палату вошел Маркус с Еленой Владимировной Чащиной, заведующей кардиологическим отделением.

— Зачем вы так, Маркус Эрнестович, — улыбнулась она, — у девушки столько энтузиазма. Это же хорошо. Быстрее пойдет на поправку.

— Ну, что ж, доктор Хайц. Мое дело выполнено, и я могу вас с чистой совестью передавать в руки Елены Владимировны.

— И каков наш дальнейший план? — спросила я.

— План таков. Дней семь ты полежишь в реанимации, а потом переведем тебя в кардиологию. Препараты, которые тебе выписала, это в основном иммуносупрессоры. И принимать тебе их нужно будет всю оставшуюся жизнь. Но об этом поговорим позже. Через три дня тебя посадим на велотренажер, чтоб оценить твоё физическое состояние. Сейчас твой сердечный ритм несколько вялый, так всегда бывает после пересадке. Для восстановления нормального сердечного ритма я назначила тебе препараты стимулирующие сердечную деятельность. В первые три дня после пересадки высока вероятность острого отторжения трансплантата. Так что будем тебя наблюдать, снимая кардиограммы каждые три часа. И естественно, старайся пока не вставать. Только если очень срочно, — и она подмигнула мне, — все будет хорошо, Элеонора. Мы быстро поставим тебя на ноги.

— Спасибо, — я искренне улыбнулась этой обаятельной заведующей.

— Я буду заходить к тебе каждый день, да и Маркус, я уверена, тоже будет рядом. Если почувствуешь острую нехватку воздуха, слабость — сразу сообщай об этом, хорошо? — я кивнула, — вот и прекрасно. Сейчас ничего не беспокоит? Шов не болит?

— Нет, все прекрасно.

— Вот и чудно. А сейчас, разрешите вас оставить. До завтра, — и она, еще раз улыбнувшись, вышла из палаты.

Маркус подошел ко мне и сел рядом. Мама, хитро мне подмигнув, тоже вышла из палаты со словами "пойду-ка я, за кофейком схожу".

— Ну, что, доктор Эля, как вам новое сердце?

Я поерзала на кровати, будто примеряясь к нему.

— Еще не могу точно сказать, но достаточно комфортно. Сидит как влитое. А еще...

— Что еще, милая?

— Оно будет любить тебя не меньше, чем старое.

На этом моменте в палату ворвался Петька.

— Элсииии, — он было уже кинулся ко мне, но напоролся на острый взгляд Маркуса.

— Доктор Воропаев, за то, что вы сорвали такой романтический момент, я поставлю вам операцию ночью. Вне вашего дежурства.

Я рассмеялась, увидев, как вытягивается лицо моего друга.

— Не бойся, Петька, он шутит. Заходи.

— Нет, Петр, бойтесь. Потому что я абсолютно не шучу. Никогда.

Я одними губами сказала Петьке "он шутит" и сделал невинное лицо, улыбнулась Маркусу. Петя хихикнул в кулак, но тут же сделал серьезное лицо, пытаясь проглотить смех. Маркус покачал на это все головой, поцеловал в лоб и ушел, пообещав зайти позже.

— Элси, ты отвратительно выглядишь. В зеркало смотрелась? — заявил рыжеволосый, вальяжно развалившись в кресле.

Я рассмеялась.

— А как я, по-твоему, должна выглядеть?

— Да вообще, по сути, так и должна. Ты давай уже, побыстрее выздоравливай. Без тебя скучно.

— Я постараюсь, обещаю.

И вот началась моя долгая и нудная реабилитация. Каждый день я глотала таблетки в огромных количествах. Но Елена Владимировна сказала, что это еще немного, ведь большинство препаратов мне вливают в виде капельниц и уколов. С первых же дней со мной начали заниматься дыхательными упражнениями, чтоб восстановить вентиляцию легких. Через два дня мне наконец-то разрешили встать и вытащили катетер для оттока мочи и носовой катетер для подачи кислорода. От того, что во мне теперь торчало меньше трубок, стало легче. Осталась только дренажная, которая тянулась из грудины. Да и ту обещали вскоре тоже изъять оттуда.

Пока я лежала в реанимации, ко мне никого не пускали. Кроме мамы. Маркусу и Петьке законы были не писаны. Одному по статусу, а другому просто так. Мои друзья, Марго и Стас, конечно, возмутились, но после моих объяснений, что они могут натаскать инфекций — успокоились. И бесконечно разговаривали со мной по телефону в ожидании встречи.

Я очень надеялась, что мы подружимся с моим новым органом. К сожалению, я была в курсе, что даже с пересаженным сердцем я не смогу дожить до старости. Но старалась об этом не думать. И надеялась на лучшее.

На третий день меня посадили на велотренажер, и Елена Владимировна была очень довольна результатами. И вообще, она была крайне довольна, что я семимильными шагами иду к выздоровлению. И хвалила меня за мои старания на занятиях.

Через семь дней меня перевели из реанимации в обычную палату. К счастью, в одноместную. В который раз я подняла руки к небу и возблагодарила то, что работаю здесь. Не я улечься на своей новой, широкой (!) кровати, не успела медсестра приклепнуть к моей груди последний датчик от системы наблюдения за сердечным ритмом, как в палату ворвалась моя бедовая подружка. Растрепанная, с горящими глазами и огромным пакетом в руках.

— Элли, — завопила она. Медсестра поморщилась и поспешила выйти из палаты. Марго показала ей вслед язык и шлепнулась рядом со мной на стул.

— Тише, ну что ты кричишь, — рассмеялась я.

— Я просто так соскучилась по тебе. Эл, ты очень похудела. Одни глазища остались. И у тебя наконец-то появились те самые скулы, о которых ты так мечтала. Но ничего, тетя Марго тебя быстро откормит, — и она принялась вытаскивать из пакета всевозможные баночки и контейнеры.

— Стоп, стоп, Маргоша, остановись...

— В смысле остановись? — она замерла с очередной баночкой в руке и непонимающе уставилась на меня.

— У меня особая диета, — на слове "особая" я непроизвольно скривилась. — Боюсь, мне нельзя все то, что ты мне принесла.

— Не вкусная, да? — сочувственно спросила она. — Жаль. Я так старалась, готовя тебе все это.

— Ты можешь скормить это Стасику. Думаю, он будет совсем не против. Кстати, про Стасика. Где этот охламон?

— У него очередной важный проект, — закатила она глаза. — Он просто живет на работе. Но обещал, что это будет нечто грандиозное. Даже сказал, что пригласит на презентацию. Ты лучше расскажи, как ты? Что врачи говорят?

— Говорят, жить буду, — я улыбнулась. — И это главное. Но до конца жизни буду сидеть на иммуносупрессорах. Плюс постоянная физическая нагрузка. Но знаешь, это даже в плюс. А самое плохое из всего этого, я не знаю, когда выйду на работу. Из больницы меня выпишут недели через две. И Маркус уже сказал свое железное слово, что жить я еду к нему. А это значит вечный контроль. Но это не самое плохое. Самые опасные после пересадки — это первые три месяца. То есть, получается, работать мне никто не даст. Ну и реабилитация длится не менее полугода. В общем, как-то так, — развела я руками.

— Знаешь, — задумчиво сказала подруга, — это и к лучшему. Тебе что сейчас самое важное? Сохранить свое сердце как можно дольше. И тебе надо всеми силами пытаться это сделать. Так что, Эл, не жалуйся, а лучше порадуйся, что Маркус у тебя такой крутой и заботливый док.

— Да я не жалеюсь. Просто, боюсь, он меня вообще нафиг выгонит отсюда.

— Как это выгонит?

— Ну, не разрешит работать вообще. Я же зачахну без этого, ты же знаешь.

— Элеонора, я думаю, что твой Маркус не будет делать так, чтоб тебе было плохо. А если тебе плохо без медицины, то получается, он не будет у тебя ее отбирать. Поверь мне.

Разговор с подругой мне придал некоторой уверенности. Потому что она была права. Маркус бы не стал что-то делать мне назло или во вред. Я была в этом абсолютно уверена.

Еще через неделю мне сделали первую пункцию и подтвердили, что сердце прекрасно приживается и никаких отклонений от нормы не наблюдается. Да и вообще, все дико удивлялись тому, как быстро у меня заживает шов, и что нет никаких осложнений. Иногда, перед тем как уснуть меня грызла мыслишка, что все это затишье перед бурей, но я отгоняла ее всеми силами.

Прошел уже месяц после пересадки, но Елена Владимировна все никак не решалась меня выписывать домой. Перестраховывалась. Я пришла после занятий ЛФК и преспокойно сидела в кресле, читая книжку на планшете. Услышав стук открывшейся двери, я подняла глаза и улыбнулась. Это был Маркус. Только какой-то странный. Его стальные глаза смотрели на меня так серьезно, что я даже немного испугалась.

— Что случилось? — спросила я, откладывая планшет в сторону.

Он без слов подошел ко мне, сел на подлокотник кресла и заглянул в мои глаза.

— Элеонора, — начал он, откашлявшись. — Эль...

— Маркус, что случилось? — я испуганно схватила его за руку. Он был такой сосредоточенный, такой серьезный, что я приготовилась к самому худшему.

— Эль, ты же знаешь, я тебя люблю. Очень люблю.

— Ну, если честно, первый раз слышу, — я заставила себя улыбнуться.

— Да? — он запустил пальцы в мои волосы, слегка их растрепав. — Кхм, возможно. Черт, да что ж такое...

Он вскочил с подлокотника, резким движением взлохматил свои волосы. Потом посмотрел на меня и достал из кармана маленькую коробочку, обтянутую белым бархатом.

— Эля, я не знаю, как правильно делают такие предложения, правда. Возможно, я должен был это сделать в более романтично обстановке. Но что может быть более романтичнее этого места, в котором мы встретились впервые? Я имею ввиду всю больницу целиком, — он опустил передо мной на одно колено и открыл коробочку, в которой сверкало колечко из белого золота с камнем посередине, который весело сверкал в лучах солнца. — Элеонора, ты выйдешь за меня замуж?

Я прижала одну руку к пылающей щеке, а вторую, по привычке, к сердцу. Это было так неожиданно. Так волнующе. Из глаз хлынули не прошенные слезы. Я сползла с кресла и опустилась на колени рядом с застывшим Маркусом.

— Да, — выдохнула я и уже сказала громче. — Да, Маркус, я выйду за тебя замуж. Да, конечно, да.

— Как я боялся, что ты не согласишься.

Он прижал меня к себе и принялся целовать мое лицо.

— Эля, милый мой, хорошенький Эль, я так тебя люблю, — приговаривал он между поцелуями.

— И я тебя люблю, Маркус. Безумно, — вторила я ему.

И эта была правда. Я безумно его любила. До ломоты в костях. Я уже просто не представляла жизни без этого человека.

— Давай примерим, надеюсь, я не ошибся с размером, — он оторвался от меня и, взяв мою правую руку, аккуратно надел кольцо на безымянный палец, а после поцеловал. Затем он поцеловал мою счастливую улыбку и покрепче прижал к себе.

На следующий день ко мне в палату зашел Маркус, обмахиваясь бумажкой.

— Смотри, что я тебе принес.

— Неужели, вольная? — ахнула я и выдернула у него бумагу. Да, это была она. Точнее он, выписной эпикриз. Взвизгнув, я повисла у него на шее. Никогда не думала, что такое может произойти, но это место надоело мне до чертиков.

— Она самая, — он обнял меня в ответ, довольно улыбаясь.

— Мне уже можно собирать вещи? Меня точно выписывают? — еще раз уточнила я.

— Да, Эль. И чем скорее, тем лучше. До обеда тебе нужно освободить палату. Давай, я зайду за тобой через полчаса.

Я схватила сумку и принялась скидывать туда все то, что натащила мне Марго за эти полтора месяца, что я провела в больнице. Я буквально не чувствовала под собой ног от радости. Каким бы комфортном не было мое пребывание в больнице, но мне очень хотелось домой. Помыться в нормальном душе, спать в своей кровати. Замерев посреди палаты, я поняла, что своей кровати то у меня как таковой и нет. И дома тоже. Ну и ладно, кровать Маркуса будет и моей. Очень скоро.

Собрав все вещи, я переделалась в нормальную одежду, собрала хвост и посмотрела на себя в зеркало. Похудела я очень сильно, даже вещи как будто висели на мне. На сколько бы я ни любила вещи свободного кроя, сейчас они стали чрезвычайно свободного. Бледная такая стала. Я и раньше не могла похвастаться калифорнийским загаром, а сейчас прям вообще, как смерть. Ну ничего, скоро приведу себя в порядок.

В палату вновь зашел Маркус, уже без халата. Подхватив мою сумку, он взял меня за руку и улыбнулся.

— Ну, что, готова?

— Всегда готова.

— Кстати, Эль, ты же уже знаешь, что переезжаешь ко мне?

— Да? А я думала, может до свадьбы поживу еще с Марго? Ну, знаешь, как раньше, молодожены начинали жить только после свадьбы.

Он сильнее сжал мою руку.

— Надеюсь, ты шутишь. Иначе, я выкраду тебя ночью и закрою у себя в темнице.

И я почему-то в этом не сомневалась.

Распрощавшись со всеми в кардиологии, мы спустились на улицу. Целый месяц лета я пропустила, отлеживаясь в больнице.

— Маркус, а мы поедem на море?

— Для начала ты поедешь в санаторий, а потом мы подумаем.

— Какой еще санаторий? — возмутилась я.

— Самый прекрасный санаторий, Эль. И не возражай. Тебе еще полгода реабилитации предстоит. И санаторий один из обязательных этапов.

И посадив меня в свою машину, он повез нас к Марго.

Когда мы приехали, произошло просто невероятное. Мало того, что мы никого не предупредили, что меня выписали. Так еще же и никто не знал, что Маркус сделал мне предложение. И он подошел к моему отцу и сказал:

— Извините, конечно, я должен был изначально просить разрешение у вас. Но получилось несколько иначе. Константин Федорович, я прошу у вас руки вашей дочери.

Папа немного офигел, но быстро пришел в себя. Естественно, он был не против. Марго и мама чуть было не задушили меня в объятиях, а Стас, который в последнее время проводил через чур много времени у Марго, дружески пожал руку моему жениху. А я... Я не верила, что все это происходит со мной. Я была готова буквально сойти с ума от переполняющего меня счастья.

До вечера мы провели время с моей семьей, а потом мы с Маркусом поехали к его крестной матери за Машенькой. Это была чудесная женщина с теплыми, карими глазами цвета корицы. И здесь же была его сестра, Оливия. В их доме царил такая добрая, семейная атмосфера. Когда он представил меня как свою будущую жену, его крестная расплакалась, а Оливия мягко улыбнулась.

— Я надеюсь, что ты станешь хорошей женой нашему Марику, Элеонора.

Я тоже на это надеялась. Всем сердцем.

Работать, естественно, мне никто не разрешил. Тем более, что я была на больничном. Поэтому все свои дни я проводила с Машенькой. Мы много гуляли, готовили вместе кушать, читали книжки, встречали с Маркусом с работы. Плюс к этому усиленно готовились к свадьбе.хлопот было предостаточно. Выбрать платье, приглашение гостей, оформление зала, букет. Отмечать свадьбу мы решили не в ресторане, а организовать выездную регистрацию. Помогать в этом мне вызвались моя вездесущая подруга и, как ни странно, сестра Маркуса, Оливия. Из этих двух получился отличный тандем. Серьезная Лив, у которой все было разложено по полочкам, и безбашенная Марго, которая могла в трех местах оказаться одновременно. Без них бы я точно ничего не смогла. Еще и надо было каждый день ездить в больницу на различные ЛФК.

Вот так и проходили мои дни. Но все ночи были посвящены только лишь одному человеку. Все мысли, все эмоции, все мои поцелуи — все было только для него. Мы занимались любовью до изнеможения, он целовал каждый сантиметр моего тела. Каждый пальчик, каждую родинку. А потом мы разговаривали с ним обо всем на свете. Заставить его уснуть раньше трех часов ночи было практически нереально. Он со смехом отмахивался, обещая, что когда-нибудь точно выспится. А я серьезно волновалась, ведь на работе у него нет права на ошибку. Но в тоже время просто не могла от него оторваться. Но он, каким-то невероятным образом, умудрялся после нескольких часов сна выглядеть потрясающе бодрым, на зависть мне. Я так не могла. Проводив его на работу, я обязательно ложилась еще поспать часа на два. Пока меня не будила Машка, нагло забравшись ко мне в постель. С этой маленькой девчушкой у нас были прекрасные отношения. Она рассказывала мне все-все, то было в ее маленькой, но уже такой умной головушке. А еще она была великой фантазеркой и рисовала красивые рисунки для своего возраста.

Мы находились в салоне свадебных платьев в тот момент. Я примеряла очередное платье, а напротив меня сидели Марго и Оливия, одинаково закинув ногу на ногу и рассматривая меня одинаковым взглядом, оценивающим, немного прищутив глаза. Мне становилось неловко от этого взгляда, и я переминалась с ноги на ногу, как школьница.

— Мне не нравится, — кивнула Лив, слегка сморщившись, — Марго, как тебе?

— Хм, я даже и не знаю...

Я повернулась к зеркалу и посмотрела на себя еще раз. Платье было белое, с пышной юбкой и открытым лифом, из которого было видно шрам на груди.

— Нет, — категорично сказала я. — Шрам видно.

— Знаете, — сказала консультант, — я кажется знаю, что вам надо.

Она вытащила очередное платье в кремовом чехле. Когда она его вытащила, мы втроем невольно ахнули. Платье было не белое, а чуть с кремовым отливом. Кружевные рукава в три четверти и кружевной верх с небольшим круглым вырезом. А от бедра шла шелковая пышная юбка, не круглая, а скорее А-образной формы.

— Однозначно мерить, — вынесла свой вердикт Оливия, а Марго согласно кивнула головой.

Консультант задернула шторы примерочной и помогла мне надеть платье, застегнув на спине длинный ряд маленьких пуговичек.

— Вам очень идет это платье, — и она с улыбкой повернула меня к зеркалу.

Девушка распахнула шторы, и мои подруги в один голос воскликнули:

— Оно!

Да они не плохо спелись!

Я счастливо засмеялась и покружилась вокруг себя несколько раз. Неожиданно, голова закружилась и к горлу подкатил тошнотворный комок. Остановившись, я прижала руку горлу, стараясь унять тошноту.

— С тобой все в порядке? — Марго взволнованно подскочила ко мне.

— Да, все хорошо. Затошнило резко, — я выпрямилась и улыбнулась. — Все в порядке, Маргош. — и обратилась к консультанту, — я беру это платье.

Из магазина я вышла счастливая, но все с тем же тошнотворным комком в горле. Неожиданно меня скрутило, и я выплеснула содержимое своего желудка прямо в ближайшую урну.

— Божечки, как же мне стыдно, — стонала я уже сидя в машине, куда меня спешно затолкали подруги. Лив выдала мне влажные салфетки, а Маргарита пакет.

— Если что — пачкай лучше пакет, а не салон. Что с тобой?

— А не беременна ли ты случайно? — пропела Лив, хитро глянув на меня в зеркало заднего вида.

— Что? Нет, — возмутилась я.

— А что нет? Вы же с Маркусом сексом занимаетесь по ночам, а не в лото играете. А от этого, знаете ли, дети получаются.

— Мы предохраняемся!

— Ой, Эл, ты же врач и должна знать, что это все не стопроцентный вариант. Так что советую тебе сделать тестик.

И я сделала тестик. А потом еще пять. Я сидела на полу в ванной, держала их все у себя в руках и не могла поверить. Ведь на всех были ровно две четких полоски.

— Я дома, — услышала я из прихожей.

Выйдя из кухни, я улыбнулась. На шее у Маркуса, как и всегда, когда он приходил домой, уже висела Машка, мешающая ему снимать обувь. Пересадив ребенка на шею, он подошел ко мне и поцеловал в щеку.

— Ты чего такая загадочная? — с улыбкой спросил меня мужчина.

Не зная, как сообщить ему это новость, я просто усадила Маркуса за обеденный стол и протянула ему тест на беременность. Замерев в ожидании, я наблюдала за тем, как брови Маркуса медленно сходятся на переносице.

— Машульчик, беги, поиграй у себя в комнате.

Отправив ребенка в свою комнату, он притянул меня к себе и усадил на колени.

— Ты не рад, — грустно констатировала я.

— Эль, не в этом дело. Я очень хочу, чтоб у нас был ребенок. Ты даже не представляешь на сколько я этого хочу. Но после операции прошло еще так мало времени, я боюсь, что может произойти отторжение трансплантата. Плюс ты принимаешь очень сильные препараты, а это тоже может сказаться на здоровье малыша.

Конечно, я все это знала и понимала, но зная, что внутри меня теперь растет маленькая жизнь, мне было очень тяжело решиться на такой тяжелый шаг, как аборт.

— Давай, завтра мы сходим Чащиной, что она об этом думает. А потом уже будет видно. Хорошо? Ну, не грусти, милая.

Весь оставшийся вечер Маркус ходил задумчивый, постоянно с кем-то переписывался и разговаривал по телефону на немецком. А на все мои вопросы только лишь загадочно улыбался.

На следующий день, мы с Маркусом отвезли Машку к его крестной и поехали в больницу. Только не в нашу. На мой немой вопрос в глазах, он пояснил:

— Я вчера переписывался со своим немецким товарищем, он координатор-трансплантолог. По счастливой случайности, здесь у него живет друг и держит свою небольшую, частную клинику. Вот как раз туда мы и едем.

Клиника находилась почти на окраине города, маленькая и уютная. Нас тут же подхватил этот самый друг товарища, который, оказывается, и Маркуса хорошо знал. Проведя мне всевозможные исследования, сделав УЗИ и изучив мой выписной эпикриз, он, наконец, вынес свой вердикт:

— Ну, что ж, дорогие мои, скажу вам так, попробовать можно и даже нужно. У Элеоноры прекрасные показатели, не было и малейшей угрозы отторжения, а это редкость и ты, Маркус, прекрасно это знаешь. Но нужно будет постоянное наблюдение, естественно. Контроль, контроль и еще раз контроль.

Маркус сжал мою руку, которую держал у себя в ладонях и улыбнулся уголком губ. А из моих глаз хлынули слезы. Я была непередаваемо рада, это чувство заполняло меня полностью и выливалось наружу в виде воды из глаз. Внутри меня было маленькое чудо. Я знала, что даже с пересаженным сердцем я не доживу до старости. Да что там, даже до пенсии. Но знать, что после тебя останется маленькая частичка тебя — это прекрасно.

Беременность моя протекала очень тяжело. И поэтому мы решили отложить нашу

свадьбу на...на не определенный срок. Да и мы прекрасно знали, что любим друг друга. Другие подтверждения этому были лишние. Поэтому мое прекрасное свадебное платье висело в гардеробной в темном чехле и ждало своего часа.

Когда я лежала в больнице, то думала — вот оно, уже большей опеки от Маркуса мне не увидеть. Как же я ошибалась! Работа у него теперь четко кончалась в 17:12 и не минутой позже. Ровно в это время он закрывал свой кабинет и спешил скорее домой, ко мне и Машке. Он запрещал мне делать по дому практически все. До шестого месяца я еще пыталась сопротивляться, но потом, когда живот уже стал тяжелым, я послушно лежала в кровати и читала с Машкой книжки. В больницу мы ездили каждую неделю, сдавали необходимые анализы, и врачи в голос удивлялись тому, что у меня все замечательно. Маркус бесконечно наглаживал мой живот, разговаривал с ним и пытался угадать, кто же там сидит. Мы оба сошлись во мнении, что хотим мальчика. Ведь девочка у нас уже есть. А Машка будет самой лучшей старшей сестрой. Раз в неделю стабильно ко мне заезжали Маргоша и Стас, которые наконец-то поняли, что не могут жить друг без друга. Еще к нам приезжала Оливия, и иногда заскакивал Петька, ужасно скучавший без меня на работе. В общем, скучать мне не приходилось.

Нашу с Маркусом ляльку мы ждали только к началу апреля. На двенадцатое число была назначена операция. Но он решил иначе. И вот, тринадцатого марта, я ужасно испуганная и с опустившимся животом на всех парах еду в машине скорой помощи. Маркус, как на зло, был на операции и не брал трубку. Было ли мне страшно? Ни капли. Я знала почему-то. Что все пройдет хорошо. Прямо из машины меня повезли в операционный зал. Начались схватки. Врачи что-то кричали. Еще помню, что мне поставили укол, а потом лампы в операционной. А дальше темнота.

Когда я очнулась глаза, то уже обнаружила себя в палате. К груди тянулись провода от монитора с графиком моего сердечного ритма, а руке торчала иголка от капельницы. Открыв глаза, я увидела Маркуса. Он держал меня за руку и нежно поглаживал пальцы.

— Эль, — улыбнулся он, — ты стала мамой. Поздравляю, милая, у нас с тобой девочка. Верить? Я нет.

— И я не верю, — прошептала я. — А где она?

— Она в реанимации. Малышка родилась недоношенная же, всего тридцать две недели.

— А можно мне посмотреть на нее?

Маркус глянул на меня с недоверием. Потом нахмурился. Потом нехотя кивнул, из пододвинул из угла кресло-каталку, и помог мне сесть в нее. Я чувствовала, как слабость разливается по всему телу, но мне было просто необходимо увидеть мою крошечную девочку. Маркус подвез меня к стеклянной стене детской реанимации, где в одинаковых люльках лежали маленькие, сморщенные комочки.

— Вон та, третья справа — это наша.

Она ничем не отличалась от других детей. Абсолютно. Но то, что этот ребенок — плод нашей с Маркусом любви делал ее особенной. Маркус сел на корточки, взял мои руки в свои и поцеловал каждую поочередно.

— Спасибо тебе, Элеонора. За это маленькое чудо. Я не знаю, сколько нам отмерено. Правда. Но я буду любить тебя каждое мгновение, что отпущено нам.

Я наклонилась, чтоб поцеловать любимые губы и снова повернулась к дочери. Добро пожаловать в новый мир, милая. Надеюсь, тебе тут понравится.

Больше книг на сайте — Knigolub.net